

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 9 (76)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2011

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»

www.agrk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
Редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандро-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 9 (76). – Чита: ЧитГУ, 2011. – 140 с.
Chita State University Journal. № 9 (76). – Chita St. Univ. Pr. 2011.

Экономические науки

УДК 336.71

Загорский Сергей Андреевич
Sergey Zagorsky

**ОЦЕНКА КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ
ЗАЕМЩИКА: МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ****METHODOLOGICAL APPROACHES TO
THE EVALUATION OF BORROWER'S
CREDITWORTHINESS**

Рассмотрены методические подходы к оценке кредитоспособности заемщика. Оценка кредитоспособности осуществляется на основе комплексного анализа финансового состояния заемщика. Определены основные этапы финансового анализа, на основе которого присваивается рейтинг кредитоспособности

Ключевые слова: кредитоспособность, финансовая отчетность, финансовый анализ, кредитный риск (риск дефолта)

Methodological approaches to the evaluation of borrower's creditworthiness have been examined. The creditworthiness's evaluation is made on the base of complex analysis of borrower's financial state. Major stages of financial analysis, according to which creditworthiness rating is assigned, have been defined

Key words: creditworthiness, financial statements, financial analysis, credit (default) risk

Проблеме оценки кредитоспособности заемщика в последнее десятилетие развития российской научной мысли уделяется достаточно много внимания [3; 4; 7; 9; 10]. Используя накопленный зарубежными банками опыт, российские банки разрабатывают собственные методики, пытаясь учесть все особенности современного развития бизнес-среды и функционирующих в этой среде субъектов.

В основе методики оценки кредитоспособности заемщика лежит анализ финансового положения клиента. Основной целью проведения анализа является установление следующих моментов:

— насколько велика ликвидность заемщика и является ли она достаточной, чтобы он выполнил свои обязательства по кредиту в соответствии с предлагаемыми условиями по кредиту;

— есть ли основание считать финансовое положение заемщика устойчивым на момент проведения анализа и в перспективе;

— обладает ли потенциальный заемщик надежной деловой репутацией, чтобы не отказаться от своего намерения выполнить обязательства по кредиту.

Оценка кредитоспособности заемщика и его финансового риска осуществляется на основе комплексного анализа его финансового положения [1; 2; 5; 8], способности выполнять текущие обязательства, а также факторов риска, которые независимо от его финансового состояния могут повлиять на качество активов и способность заемщика обслуживать долговые обязательства [6]. По результатам анализа всех факторов риска с учетом их степени влияния на кредитоспособность заемщика осуществляется

классификация заемщиков по категориям финансового положения.

Для принятия обоснованного решения о классификации заемщика в процессе анализа используется вся доступная банку информация финансового и нефинансового характера о деятельности заемщика, его учредителях, деловой репутации на рынке.

Основными источниками информации являются получаемые от заемщика:

- документы, подтверждающие юридический статус заемщика;
- сведения об основных учредителях и о наличии дочерних и зависимых обществах;
- сведения об основных видах деятельности;
- информация о положении заемщика в отрасли;
- сведения об основных контрагентах и информация об иных аспектах коммерческой деятельности, являющаяся существенной для оценки заемщика;
- финансовые документы и расчеты.

Финансовые документы, как правило, представлены учетной политикой заемщика, финансовой отчетностью, составляемой в соответствии с требованиями законодательства РФ и МФСО, технико-экономическим обоснованием кредита, планом доходов и расходов, прогнозом движения денежных средств. Банк вправе также потребовать иные финансовые документы и расчеты, являющиеся, с точки зрения банка, существенными для оценки заемщика.

Банк также стремится получить информацию о клиенте и из других источников, к которым относятся данные печатных и электронных СМИ, ежеквартальные отчеты эмитента ценных бумаг о существенных фактах (событиях и действиях), коммерческие и аналитические обзоры, опыт других заемщиков из данной отрасли, неформальные источники. Любая информация, полученная в устной форме или из средств массовой информации, должна быть документально оформлена, а также должно иметься указание на источник, из которого данная информация получена.

Кредитное подразделение банка обес-

печивает полноту сбора информации о заемщике, достаточной для вынесения профессионального суждения о его кредитоспособности и величине финансового риска заемщика.

С учетом результатов классификации заемщиков по категориям финансового положения банк принимает решение о целесообразности проведения кредитной операции; определяет условия ее проведения (срок, сумма, вид кредитной операции, процентная ставка, обеспечение и иные условия, направленные на снижение риска кредитной операции); классифицирует кредитные операции по категориям качества.

Категория финансового положения заемщика определяется как на момент выдачи банком кредита, так и в процессе мониторинга действующего кредита. Заемщики распределяются на три категории финансового положения: хорошее, среднее, плохое.

Определение категории финансового положения заемщика включает следующие этапы.

Этап I: определение рейтинга балансовых характеристик по результатам анализа структуры имущественного положения заемщика на основании его бухгалтерской отчетности;

Этап II: определение рейтинга денежных потоков по результатам анализа денежных потоков;

Этап III: определение рейтинга платежеспособности заемщика по совокупности рейтингов балансовых характеристик и денежных потоков;

Этап IV: определение рейтинга делового риска на основе рассмотрения факторов, характеризующих место заемщика на рынке и его операции, которые, независимо от его текущего финансового состояния, могут повлиять на качество активов и его способность обслуживать долговые обязательства;

Этап V: анализ факторов риска, связанных с тенденцией развития бизнеса, осуществляемого на основе анализа изменений производственно-финансового потенциала заемщика во времени по определенной группе показателей, наиболее эффективно

характеризующих финансовое состояние заемщика;

Этап VI: определение категории финансового положения исходя из совокупности рейтинга платежеспособности, рейтинга делового риска и факторов риска, связанных с тенденцией развития бизнеса заемщика;

Этап VII: составление заключения о финансовом положении заемщика.

Рассмотрим подробнее этапы определения категории финансового положения заемщика.

Первый этап включает присвоение рейтинга балансовых характеристик.

Для получения целостной оценки предприятия используются следующие группы оценочных показателей и финансовых коэффициентов, сгруппированных по их экономическому содержанию:

- финансово-рыночной устойчивости, характеризующие имущественное положение заемщика и степень его зависимости от кредиторов;
- платежеспособности, характеризующей величину ликвидности заемщика;
- деловой активности, характеризующей эффективность использования заемщиком имеющихся ресурсов;
- эффективности управления, характеризующей рентабельность финансово-хозяйственной деятельности;
- характеризующих динамику движения денежных средств;
- характеризующих наличие и величину чистых активов.

Для определения рейтинга балансовых характеристик применяется комплексный анализ с использованием большого числа показателей финансовой устойчивости, которые позволяют определить роль и место предприятия на рынке, перспективы его развития.

В ходе анализа особое внимание обращается на наличие прибыли, остающейся в распоряжении предприятия. Тенденция к ее уменьшению (за исключением объективных факторов, например, налаживание производства ранее не выпускавшейся продукции и освоение нового рынка сбыта)

свидетельствует, как правило, о падении деловой активности фирмы, и следовательно, должна стать предметом особого внимания.

Оценку состава и структуры источников собственных средств предприятия следует проводить в динамике с тем, чтобы выявить основные тенденции происходящих изменений.

Одним из важнейших показателей финансовой устойчивости является степень обеспеченности собственными средствами среднеосуществляемых (с ликвидностью до одного года со дня отчетной даты) оборотных активов.

Данный показатель наряду с коэффициентом покрытия является критерием платежеспособности предприятий.

Симптомом возможной финансовой опасности для банка является проявление зависимости заемщика от кредитов. Коэффициент привлечения показывает, какая часть деятельности предприятия финансируется за счет собственных средств, а какая за счет заемных.

В условиях недостаточности оборотных средств финансовая устойчивость предприятий зависит от «качества» активов: состава производственных запасов, спроса на продукцию, надежности покупателей, а также срочности обязательств.

Состояние платежеспособности в рыночных условиях оценивается путем сравнения ликвидных ресурсов с краткосрочными долговыми обязательствами, для чего необходима предварительная группировка позиций актива баланса по уровню их ликвидности.

Следовательно, главными вопросами, которые должны быть выяснены при анализе платежеспособности предприятия, являются следующие:

- качественный состав текущих активов и пассивов;
- скорость оборота текущих активов и ее соответствие скорости оборота текущих пассивов;
- основные источники притока денежных средств на предприятии и основные направления их расходования, способность

стабильно обеспечивать превышение первых над вторыми.

Основным требованием, объединяющим ликвидные активы и пассивы в разряд текущих, является условие их потребления или оплаты в течение нормального производственно-коммерческого цикла, под которым понимается средний промежуток времени между моментом изготовления материальных ценностей до момента реализации готовой продукции покупателям и ее своевременной оплаты.

Третья группа включает показатели деловой активности. Финансовое положение предприятий обуславливается в немалой степени его деловой активностью. Критерии деловой активности включают показатели, отражающие качественные и количественные стороны его деятельности: фондоотдача основных производственных фондов и оборачиваемость оборотных активов.

Уровень платежеспособности предприятия зависит от скорости оборота активов предприятия и, прежде всего, средств в расчетах. Анализ дебиторской задолженности необходимо дополнять анализом кредиторской задолженности. Период нахождения средств в обороте в значительной мере определяется эффективностью управления его активами, степенью их ликвидности.

Показатели эффективности управления объединены в четвертую группу. Показатели рентабельности – важнейшие характеристики среды формирования прибыли и дохода предприятий. По этой причине они являются обязательными элементами сравнительного анализа и оценки финансового состояния предприятий.

Бухгалтерский баланс и показатели, рассчитанные на его основе, являются моментными данными, т.е. характеризуют положение заемщика на дату составления отчетности.

Для получения более объективной картины необходимо рассчитывать названные коэффициенты по состоянию на различные даты, что позволит проследить динамику изменения финансового состояния предприятия и выявить нежелательные перспективы.

При рассмотрении кредитной заявки сотрудник кредитующего подразделения, прежде всего, должен обращать внимание на анализ хозяйственно-финансовой деятельности заемщика, предполагая, что кредит будет погашаться по мере осуществления хозяйственного цикла из выручки от реализации основной деятельности фирмы.

Обеспечение же является дополнительной гарантией возврата кредита на случай непредвиденного ухудшения финансового положения заемщика.

Определение рейтинга балансовых характеристик осуществляется на основе набора расчетных коэффициентов, наиболее эффективно характеризующих финансовое состояние заемщиков. Расчетные коэффициенты оцениваются по четырем категориям.

Так как расчетные коэффициенты, включенные в рейтинговую модель, имеют разную степень влияния на финансовое состояние заемщика, то они корректируются (взвешиваются) в зависимости от их значимости. Каждому показателю присваивается его вес, который умножается на категорию коэффициента, определенную по результатам анализа финансовой отчетности. Полученная в результате умножения величина определяет рейтинг балансовых характеристик.

Для качественной и всесторонней оценки финансового положения заемщика необходимо использовать дополнительно полученную от заемщика информацию, которая отсутствует в финансовой отчетности, составленной по российским стандартам, однако является важной для получения достоверной оценки кредитного риска заемщика.

Второй этап оценки кредитоспособности заемщика связан с определением рейтинга денежных потоков по результатам анализа денежных потоков.

При расчете учитываются денежные поступления от текущей, инвестиционной и финансовой деятельности. Не учитываются привлеченные кредиты и займы, наличные денежные средства, полученные из

кассы банка, наличные денежные средства, поступившие в кассу заемщика и инкассированные затем в банк, поступления от свободной продажи валюты, осуществляемой с текущего валютного счета, и от конверсионных операций одной валюты в другую.

Заемщику отказывается в предоставлении кредита при отсутствии первичных источников погашения кредита, а также, если прогнозируемое поступление денежных средств не соответствует реальному и будущему состоянию заемщика.

Третий этап связан с рейтингом платежеспособности. Рейтинг платежеспособности заемщика определяется по совокупности полученного по результатам анализа рейтинга балансовых характеристик и рейтинга денежных потоков.

На четвертом этапе оценивается деловой риск заемщика.

Анализ делового риска — это по существу субъективная оценка, основанная на рассмотрении факторов, характеризующих место заемщика на рынке и его операции. Основными источниками информации служат беседы с заемщиком, кредитная заявка, внешняя информация о заемщике и отрасли.

Анализ делового риска осуществляется по следующему набору параметров: внешняя среда; качество управления; характеристики кредита (срок кредита, цель кредита, источники погашения, ТЭО, степень участия заемщика собственными средствами и т.д.); характер взаимоотношений с заемщиком.

Для оценки каждого анализируемого фактора используется балльная система. Каждое возможное значение используемых для оценки характеристик оценено в определенное количество баллов. Набранные

баллы, присвоенные в соответствии с установленными характеристиками деятельности заемщика, суммируются.

Анализ факторов риска, связанных с тенденцией развития бизнеса, — пятый этап оценки финансового положения заемщика.

Анализ тенденций развития бизнеса основывается на анализе динамики основных объемных показателей деятельности заемщика и выявлении причин колебаний и существенности их влияния на финансовое состояние заемщика.

Кредитный инспектор оценивает динамику значений объемных показателей с выявлением факторов, определивших основную тенденцию изменения объемного показателя, и устанавливает, несут ли угрозу финансовому состоянию заемщика произошедшие изменения или направленность сложившихся тенденций не оказывает влияния на устойчивость заемщика.

В зависимости от полученных результатов могут быть присвоены следующие характеристики показателю «тенденции развития бизнеса»: «стабильно позитивные тенденции развития», «тенденции развития, не несущие угрозы снижения платежеспособности заемщика», «негативные тенденции развития».

По результатам анализа платежеспособности заемщика, делового риска и тенденций развития бизнеса выносятся окончательное суждение о категории финансового положения заемщика на основании следующего алгоритма (этап VI).

На VII этапе по результатам классификации финансового положения заемщика, исходя из анализа всех факторов риска, формируются заключение с изложением выводов, подтверждающих полученную категорию финансового положения заемщика.

Литература

1. Анализ финансовой отчетности / под ред. О.В. Ефимовой, М.В. Мельник. — М.: Омега-Л, 2004. — 408 с.
2. Бланк В.Р., Бланк С.В., Тараскина А.В. Финансовый анализ. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — 344 с.
3. Ендовицкий Д.А., Бочарова И.В. Комплексная оценка кредитоспособности хозяйствующей

щего субъекта // Экономический анализ. – 2004. – № 15. – С. 21-26.

4. Ендовицкий Д.А., Бочарова И.В. Система комплексного анализа кредитоспособности заемщика // Аудитор. – 2004. – № 11. – С. 33-36.

5. ИONOBA A.Ф., Селезнева Н.Н. Финансовый анализ. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 624 с.

6. Кабушкин С.Н. Управление банковским кредитным риском. – М.: Новое знание, 2007. – 336 с.

7. Кирисюк Г. М., Ляховский В.С. Оценка банком кредитоспособности заемщика // Деньги и кредит. – 2000. – № 15. – С. 9-13.

8. Ковалев В.В., Волкова О.Н. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 424 с.

9. Константинов Н.С. Методические рекомендации по оценке кредитоспособности корпоративных клиентов в коммерческом банке // Финансовый менеджмент. – 2004. – № 2. – С. 18-24.

10. Пещанская И.В. Финансовые коэффициенты в системе оценки кредитоспособности заемщиков банками // Экономический анализ: теория и практика. – 2004. – № 2. – С. 19-25.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Загорский С.А., аспирант, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (СПбГИЭУ)
Служ. тел.: (812) 602-23-02

S. Zagorsky, post-graduate, Saint Petersburg State University of Engineering and Economics

Научные интересы: банковское дело, кредитная деятельность банков

Scientific interests: banking business, evaluating commercial loan request

УДК 332.145

*Мальшев
Евгений Анатольевич
Evgeny Malyshev*

*Забелина
Ирина Александровна
Irina Zabelina*

*Подойницын
Роман Геннадьевич
Roman Podoinitsyn*

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГОСИСТЕМЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В СВЯЗИ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

FORECAST OF ENERGY IN TRANS-BAIKAL REGION IN CONNECTION WITH THE INVESTMENT PROJECTS' IMPLEMENTATION

Рассматривается возможность энергообеспечения новых объектов, строительство которых входит в программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг. Сравняется прирост мощности и потребления электроэнергии в результате реализации программы сотрудничества с планами развития энергосистемы Забайкальского края

Ключевые слова: электроэнергия, энергообеспечение, энергосистемы

This article discusses the possibility of energy supply for new enterprises included into the Program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia and North-Western China in 2009-2018 years. We compare the increase in power and energy consumption as a result of a cooperative program and plans for development power systems of Trans-Baikal region

Key words: electricity, energy, power

Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (Госконтракт 14.740.11.0211)

Ключевой целью энергетической политики Российской Федерации, обозначенной в «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», является эффек-

тивное использование природных топливно-энергетических ресурсов и потенциала энергетической отрасли для обеспечения экономического роста и повышения качества жизни населения страны [3]. В настоящее время поддержание экономического роста в регионах является приоритетной задачей, стоящей перед обществом. В принятых программных [4] и стратегических документах социально-экономического развития

регионов, входящих в состав Сибирского федерального округа [5], особое внимание уделено вопросам приграничного сотрудничества с Китайской народной республикой, динамично развивающаяся экономика которой требует вовлечения в производственную деятельность все большего количества ресурсов.

Забайкальская энергосистема обслуживает территорию общей площадью 431,5 тыс. км² с численностью населения 1155,0 тыс. человек [1]. Суммарная установленная мощность электростанций характеризует уровень производственного потенциала электроэнергетической отрасли [2].

В настоящее время региональные власти возлагают надежды на устойчивый рост экономики регионов Сибири, в том числе за счет реализации сырьевых проектов, предусмотренных в программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг. (далее Программа – 2018) [4]. Вместе с тем, традиционно сложившаяся в сибирских регионах сырьевая специализация экономики [6], в том числе и в Забайкальском крае [7], не только требует больших энергетических затрат [8], но и характеризуется высоким уровнем

энергоёмкости хозяйства [9]. Освоение новых месторождений минерально-сырьевых ресурсов в рамках Программы – 2018, в том числе и на территории Забайкальского края, будет способствовать росту энергопотребления. Это в свою очередь определяет круг задач, стоящих перед энергетической системой региона, в числе которых наиболее важными являются:

- развитие генерации и электрических сетей в полном соответствии с динамикой потребности региона;
- усиление межсистемных связей, повышающих надежность энергоснабжения;
- минимизация потерь в электрических сетях;
- снижение удельных расходов топлива на производство электроэнергии;
- оптимизация топливного баланса электроэнергетики;
- расширение внедрения экологически безопасных технологий при строительстве новых и реконструкции действующих объектов электроэнергетики.

Для оценки роста объемов потребления электрической энергии в связи с реализацией Программы – 2018 рассмотрим ввод заявленной мощности по объектам (см. таблицу).

Перечень крупных потребителей, планируемых к вводу на территории Забайкальского края, 2011-2017 гг.

№ п/п	Наименование заявителя	Наименование заявленного объекта	Присоединяемая мощность, МВт	Год ввода	Источник информации
1	ОАО «РЖД»	Электрификация участка железной дороги Карымская –Забайкальск	50	2011	Технические условия проекта
			11,4	2012	
			14,1	2013	
2	ООО «ГРК Быстринское»	Строительство Быстринского ГОКа	7,0	2011	Технические условия, проект строительства ПС 110 кВ
3	ООО «ГРК Быстринское»	Строительство Бугдаинского ГОКа	8,0	2011	Технические условия, проект строительства ПС 110 кВ
4	ООО «ГРК Быстринское»	Электроснабжение Быстринского, Бугдаинского ГОКов	50,0	2013	Технические условия проекта
			80,0	2014	Технические условия проекта
5	ООО «Манул»	Электроснабжение Даурского лесопромышленного комбината	2,0	2011	Технические условия проекта
			2,0	2012	
			6,0	2013	

Окончание таблицы

№ п/п	Наименование заявителя	Наименование заявленного объекта	Присоединяемая мощность, МВт	Год ввода	Источник информации
6	ФГУП «Единая группа заказчика Федерального агентства железнодорожного транспорта»	Электроснабжение энергосетевого комплекса железной дороги Нарын-Лугокан участка ст. Нарын-1 – ст. Газимурский Завод	10,0	2012	Технические условия проекта
7	Инвестор ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель»» совместно с Инвестиционным Фондом РФ	Электроснабжение Култуминского ГОКа	4,0	2012	Филиал ОАО «СО ЕЭС» «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Забайкальского края»
			12,0	2013	
			20,0	2014	
8	Инвестор ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель»» совместно с Инвестиционным Фондом РФ	Электроснабжение Солонеченского ГОКа	3,0	2014	Филиал ОАО «СО ЕЭС» «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Забайкальского края»
9	Министерство Регионального развития РФ, ООО «Промышленная зона посёлка Могойтуй», совместные Российско-Китайские предприятия	Создание промышленных зон в п. Забайкальск и п. Могойтуй	0,9	2014	Филиал ОАО «СО ЕЭС» «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Забайкальского края»
ИТОГО			280,4		

Из данных таблицы следует, что прирост энергопотребления до 2017 г. в регионе по заявленным объектам составит не менее 280,4 МВт. Необходимо отметить, что в таблице не отражены планируемые к вводу потребители, по которым в настоящее время не поступили заявки:

- электроснабжение Удоканского ГОКа (присоединяемая мощность составит 400 МВт; год ввода – 2014 г.);
- электроснабжение цементного за-

вода в Оловянинском районе (присоединяемая мощность составит 44 МВт, в том числе с разбивкой по годам: 2012 г. – 4 МВт и 2014 г. – 40 МВт).

Таким образом, общий прирост производственных мощностей новых предприятий, планируемых к вводу в связи с реализацией инвестиционных проектов в рамках программы приграничного сотрудничества с КНР, составит 724,4 МВт (рис. 1).

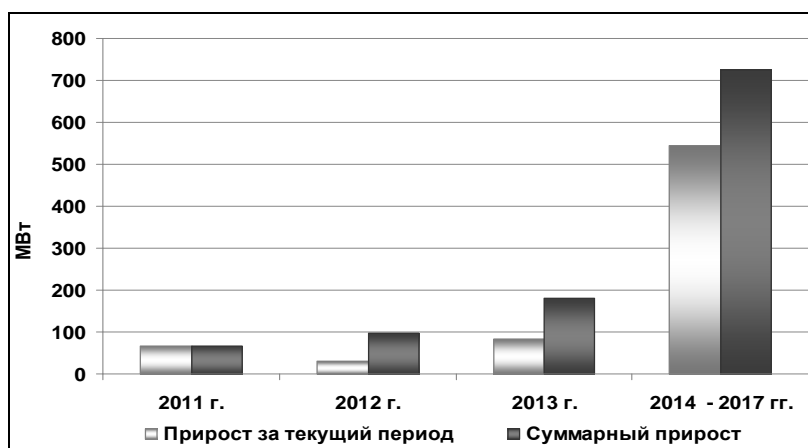

Рис. 1. Прирост производственных мощностей на территории Забайкальского края, 2011-2017 гг.

Прирост производственной мощности (за исключением электроснабжения Удоканского ГОКа) планируется покрыть за счет ввода в 2011 г. третьего энергоблока на Харанорской ГРЭС мощностью 225 МВт. Строительство третьего энергоблока станции и системы линий электропередачи для выдачи ее мощности в западном направлении позволит повысить надежность электроснабжения Забайкальского края. Кроме того, в дальнейшем планируется рассмотреть вопрос о необходимости и экономической целесообразности строительства четвертого энергоблока на Харанорской ГРЭС мощностью 215 МВт. В настоящее время рассматривается два варианта обеспечения электроснабжения Удоканского ГОКа:

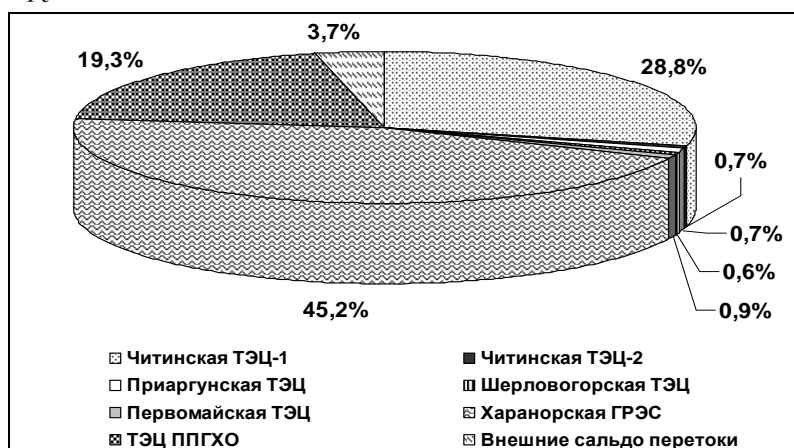
1) реконструкция линии ВЛ220 кВ

на ВЛ500 кВ (Усть-Илимск-Чара-Икабья Тында) в направлении запад-восток;

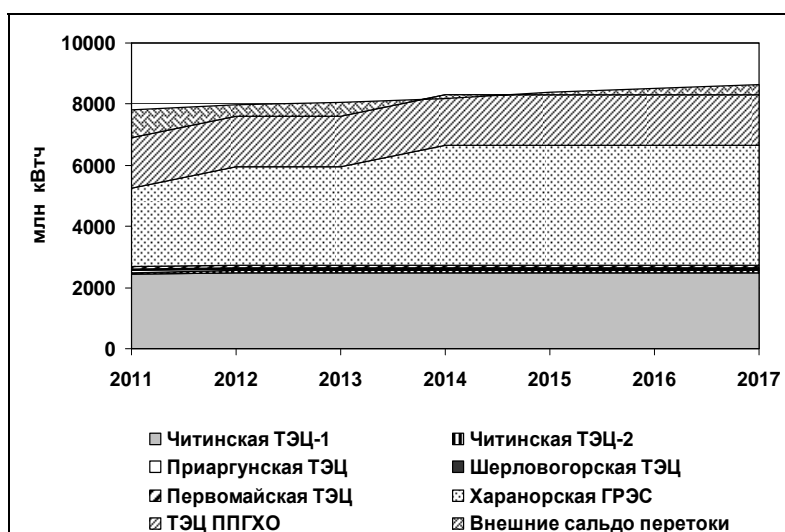
2) строительство ТЭЦ мощностью 400 МВт, производство электрической энергии на которой будет осуществляться с использованием углей месторождений Забайкальского края.

В настоящее время окончательное решение о выборе варианта энергоснабжения производственных мощностей Удоканского ГОКа не принято.

В связи с введением дополнительных электроэнергетических мощностей в регионе при рассмотренном сценарии развития произойдет изменение баланса и структуры выработки и потребления электрической энергии электростанциями Забайкальского края (рис. 2).

а) структура выработки и потребления электроэнергии в Забайкальском крае, 2017 г.

б) баланс электрической энергии
в Забайкальском крае, 2011-2017 гг.

Рис. 2. Структура выработки и потребления, баланс электрической энергии в Забайкальском крае, 2011-2017 гг.

Сравнительный анализ структуры выработки электроэнергии за 2010 и 2017 гг. показывает, что доля вырабатываемой энергии на Харанорской ГРЭС увеличится за счет введения дополнительных мощностей с 35 до 45 % от общего объема энергопотребления в Забайкальском крае. Развитие сетевого комплекса от Харанорской ГРЭС в восточном направлении не только создаст инфраструктурные предпосылки для реализации инвестиционных проектов в рамках программы приграничного сотрудничества, но и предоставит возможность экспорта электрической энергии в Китайскую народную республику. По данным филиала ОАО «СО ЕЭС» «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Забайкальского края», в настоящее время ведутся переговоры и консультации китайской стороны с Министерством энергетики РФ, ОАО «ИНТЕР РАО» и другими заинтересованными организациями о поставках мощности в приграничные районы Китая. На предварительном этапе рассматриваются следующие варианты (по материалам доклада директора РДУ энергосистемы Забайкальского края А.В. Драпна на заседании координационного совета по реализации инвестиционных проектов в Рес-

публике Бурятия и Забайкальском крае, 24.11.2010):

– этап I: поставка 20 мВт по существующей сети 110 кВ в промышленную зону г. Манчжурия (КНР);

– этап II: поставка 300...400 мВт в район Джалайнор (КНР) путем строительства второй цепи 220 кВ Харанорская ГРЭС – ЦРП ППГХО, ВЛ 220 кВ ЦРП ППГХО – Госграница;

– этап III: строительство ТЭЦ на угольных месторождениях в юго-восточном районе Забайкальского края.

Таким образом, на основании выполненной оценки изменений в энергопотреблении при реализации программы приграничного сотрудничества на территории Забайкальского края можно сделать следующие выводы:

1) в настоящее время балансовая ситуация в регионе достаточно стабильная. Необходимый объем электроэнергии вырабатывается в пределах энергетической системы Забайкальского края. Вместе с тем, максимумы нагрузки покрываются за счет организации перетоков из ОЭС Сибири и Востока (11 % в 2010 г.);

2) в настоящее время часть необходимой электрической энергии закупается на

оптовом рынке электроэнергии и мощности (ОРЭМ). Это связано с тем, что сложившаяся рыночная цена в большинстве случаев оказывается ниже затрат, которые несут энергопроизводители. Наличие в энергетической системе Забайкальского края «узких мест» является фактором, ограничивающим не только возможность увеличения объемов выработки электроэнергии внутри энергосистемы региона, но и осуществления внешних и внутренних потоков (неудовлетворительное техническое состояние оборудования, низкая пропускная способность линий электропередачи и т.д.);

3) в результате реализации инвестиционных проектов в рамках программы приграничного сотрудничества с КНР общий прирост производственных мощностей новых предприятий составит 724,4 МВт, в том числе по заявленным проектам 280,4 МВт. Прирост мощности планируется покрыть за счет ввода дополнительных мощностей

на Харанорской ГРЭС и увеличения потоков из ОЭС Сибири. Кроме того, для энергообеспечения Удоканского ГОКа предусматривается реконструкция ВЛ220 или строительство ТЭЦ, которая будет использоваться в производственном процессе угля месторождений, расположенных на территории Забайкальского края;

4) в настоящее время нет достоверной информации о проектах по организации экспорта электрической энергии и мощности в Китай. Тем не менее, ведутся предварительные переговоры с заинтересованными организациями и ведомствами о возможности передачи электроэнергии в сопредельное государство. Кроме того, дефицит электрической энергии, который все острее ощущается в северо-восточном Китае, может оказать влияние на решение вопросов, касающихся реализации проектов по экспорту электроэнергии в данное государство [10].

Литература

1. Фидиал ОАО «СО ЕЭС» Забайкальское РДУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://so-ups.ru/?id=186> (дата обращения: 15.04.2011).
2. Бодриков М.В. Электроэнергетика России: эмпирический анализ // ЭКО. – 2006. – № 8. – С. 33-45.
3. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. / Прил. к обществ.-дел. журн. «Энергетическая политика». – М.: ГУ ИЭС, 2010. – 184 с.
4. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 33. – Ст. 4444.
5. Селиверстов В.Е. Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – С. 29.
6. Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / Под ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. – М.: НИИ-Природа, 2005. – 306 с.
7. Чурашев В.Н., Маркова В.М. Перспективы энергообеспечения Сибирского федерального округа // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4. – С. 216-227.
8. Любимова Е.В. Конечное использование электроэнергии в Сибирском федеральном округе // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 3. – С. 228-242.
9. Мальшев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.Э. Прогнозирование электропотребления регионов в процессе территориального планирования (на примере Забайкальского края) // Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ). – № 9 (66). – Чита: ЧитГУ, 2010. – 136 с. С. 3-7.
10. Мальшев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.Э. Планирование и прогнозирование развития региональных энергетических систем: анализ современного состояния и проблем экономического прогнозирования и планирования развития электроэнергетических систем: науч. издание. – Ч. 1. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 134 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мальшев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

E. Malyshev, Candidate of Technical Sciences, associate professor, prorector of Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: региональная экономика, экономика энергетики

Scientific interests: regional economics, energy economics

Забелина И.А., канд. экон. наук, ст. преподаватель, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ), мл. научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН)
i_zabelina@mail.ru

I. Zabelina, Candidate of Economic Sciences, senior teacher Zabaikalsky State University (ZabGU), Institute of natural resources, ecology and cryology SB RAS

Научные интересы: экономика природопользования, региональная экономика, экологическая экономика

Scientific interests: environmental economics, regional economics, environmental economics

Подойницын Р.Г., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
uzumaki-r@mail.ru

R. Podoinitsyn, post-graduate, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: экономика, философия науки, математика, нейрофизиология

Scientific interests: economics, philosophy of science, mathematics, neuroscience

---

Философские науки

УДК 122/129

Ишкова Александра Евгеньевна
Aleksandra Ishkova

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ КОНЦЕПТА КАК БАЗОВОГО ЭЛЕМЕНТА СОЗНАНИЯ

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGICAL MEANING OF CONCEPT AS A BASIC ELEMENT OF CONSCIOUSNESS

Анализируется лингвоантропологическое понятие «концепт» с точки зрения его использования в рамках философской антропологии при характеристике сознания человека

Ключевые слова: философская антропология, сознание, концепт, ценности, картина мира, лингвистическая антропология

In the given article the linguistic anthropological meaning of concept while studying human consciousness in the field of philosophical anthropology is analyzed. The formation of «concept», its characteristics and its correlation with «value» and «world view» are reviewed

Key words: philosophical anthropology, consciousness, value, world view, concept, linguistic anthropology

Философская антропология является методологической основой дисциплин антропологического направления. Особенностью философской антропологии являются выдвигание в центр познания человека; изучение человека не только как предмета познания, а как первопричины всех явлений, связанных с личностью. Фундаментальность философской антропологии, ее стремление к целостному изучению человека позволяет использовать междисциплинарный подход при анализе антропологических проблем. Одной из таких проблем является изучение сознания человека, выявление законов его развития и функционирования. Проанализируем соотношение лингвоантропологического понятия «концепт» (оперативной единицы языкового сознания) с точки зрения использования этого понятия в рамках философской антропологии при характеристике сознания.

Человек является объектом познания и в лингвоантропологической науке, при этом человек понимается как языковая личность. Так, лингвисты отмечают, что «в основе лингвистической антропологии лежит представление не только о языковой личности как главном субъекте социокультурной жизни, но и о языке как фундаментальном понятии самого человека, ибо в нем заключены все когнитивные категории, лежащие в основе человеческого мышления и составляющие суть культуры» [4; С. 105-106]. Становится очевидным, что именно через язык, а в частности, через изучение таких явлений, как «языковая личность», «языковое сознание», «концепт», становится возможным понять особенности и закономерности развития и функционирования внутренней, духовной жизни человека, увидеть общечеловеческие и социокультурно обусловленные особенности формирования мировоззрения и сознания человека.

Обратимся к характеристике сознания. Сознание — весьма сложное явление, к изучению которого в науке сформировались различные подходы. В настоящее время в философской и психологической литературе под сознанием понимают «свойство высокоорганизованной материи (мозга), заключающееся в способности человека отражать внешнее бытие в форме чувственных и умственных образов» [2]. Сознание — одно из фундаментальных понятий философии, психологии, социологии. Функционирование сознания обеспечивает человеку возможность вырабатывать обобщенные знания о связях, отношениях, закономерностях объективного мира, ставить цели и разрабатывать планы, предваряющие его деятельность в природной и социальной среде, регулировать и контролировать эмоциональные, рациональные и предметно-практические отношения с действительностью, определять ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать условия своего существования. Сознание представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств и принципиально не могут стать объектами предметно-практической деятельности ни самого сознающего субъекта, ни других людей. В этом онтологическом аспекте сознание выражается понятиями «субъективная реальность», «идеальное». В аксиологическом аспекте категория идеального выражает ценностное отношение к действительности. В праксеологическом ракурсе эта категория обозначает духовную активность, целеполагание и целеустремленность, волю и саморефлексивность [2].

Изучение сознания человека находится и в центре внимания лингвоантропологической науки, которое выступает как языковое сознание, которое следует понимать как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [6; С. 46]. Особой оперативной единицей языкового

сознания, ментальной единицей является концепт.

Лингвистическое понимание концепта представлено в работах концептолога С.Г. Воркачева [1], где исследователь выделяет три основных подхода. Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка (Д.С. Лихачев), в которой концентрируется культура нации.

Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры (Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак). Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некоего целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть — концептуальную область. И, наконец, к числу концептов относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен (Т.Н. Снитко) и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и пр.) — ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности. Они отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ — знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного. Концепты последнего типа относительно легко «синонимизируются», образуя «концептуализированную область» (Ю.С. Степанов), где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове, где сопрягаются духовная и материальная культуры. Так, в лингвоантропологическом понимании «концепт — это

единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1].

Когнитивный аспект лингвистической антропологии анализирует процесс образования концептов, отражающих информацию об общих свойствах предметов и явлений окружающего мира, который длится многие столетия. Каждое поколение вносит свой вклад в процесс формирования концептуальной системы, проверяя, обогащая, корректируя, а иногда существенно изменяя ее содержание. Ни один концепт не может рассматриваться как нечто застывшее, окончательно сформированное. Он находится в состоянии постоянного изменения, как и вся деятельность человека в целом. Появление нового концепта всегда связано с решением какой-либо практической задачи, с оперированием самим предметом, в деятельность которого он включен, задавая ей направленность, организуя ее. Концепт «вплетен» в деятельность, в ходе которой он трансформируется, становится основой новых действий, корректируется в ходе этих действий, вновь становясь условием последующих практических операций. В ходе развития процесса познания концепты «вводятся и исключаются, расширяются и ограничиваются, обновляются (интерполируются) и переносятся из одних областей знаний в другие (экстраполируются), делятся и обобщаются и подвергаются прочим изменениям» [1]. В процессе такой когнитивной деятельности у человека формируются представления о мире, о себе, и они отличаются в зависимости от особенностей социокультурной среды и устремлений самого человека. Современные представления о сознании исходят из множественности видов и форм сознания. Так, выделяют следующие виды сознания:

– по предмету мыслительной деятельности (сфере приложения сознания) различают политическое, научное, религиозное, экологическое, бытовое, классовое, эстетическое, экономическое и др.;

– по принадлежности субъекту сознания различают гендерное, возрастное, со-

циальное (профессиональное, гуманитарное, техническое), личное, общественное, групповое и т.д.;

– по степени сформированности различают развитое и неразвитое [6; С. 47-48].

Так, процесс образования концептов раскрывает сущность процесса формирования сознания человека, а виды сознания могут быть охарактеризованы с помощью концептов.

Являясь главным элементом когнитивной деятельности человека, концепт отражает ценностное отношение к действительности. И только через изучение концептов можно построить адекватную систему ценностей, отражающую глубину восприятия окружающей действительности, человека или определенной социокультурной общности. Необходимость использования достижений лингвоантропологической науки при изучении ценностного отношения к действительности подтверждает тот факт, что подходы к изучению ценностей, существующие в философии, выходят за рамки собственно философского подхода к анализу ценностей, опираясь также в большей или меньшей степени на подходы психологический, социологический, культурологический и др. [3; С. 223].

Исследователи отмечают наличие трех составляющих в структуре лингвокультурного концепта (понятийной, образной и ценностной), которые предполагает связь концепта с языком, культурой, как национальной системой ценностей, обусловленной историей народа, и его духовно-психическим складом, с сознанием человека и его деятельностью. Не всякое явление реальной действительности служит базой для образования концепта, но лишь то, которое становится объектом оценки. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает, что для того, чтобы оценить объект, человек должен пропустить его через себя. Этот момент пропуска и оценивания и является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры. Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству [1]. В рамках та-

кого подхода акцент делается на контекстуальной связи формирующегося в сознании индивида или коллектива концепта с уже усвоенными глобальными общественными ценностями данного социума.

Принципиальной особенностью концепта является то, что он, служа основой синтетического исследования языка и культуры, сам не лежит непосредственно ни в языковой (как логоэпистема), ни в культурной сферах, ни в них обеих одновременно (как лингвокультурема). Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. Концепт — это единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опередмечивается в языке [1].

Отдельное явление приобретает ценностную окраску не само по себе, а как элемент целостной картины мира определенной социокультурной общности, личности.

Культуре каждого этноса присущ свой уникальный набор ценностей. У каждого народа, этноса, социальной группы и индивида складывается собственная картина мира, сквозь призму которой и воспринимается реальный мир. Ценности при этом оказываются необходимым условием и одновременно результатом формирования картины мира. В узком смысле слова в картине мира ценности представлены ценностными ориентациями, ценностями-нормами и ценностями-идеалами. В широком смысле ценности, на наш взгляд, пронизывают все «этажи» (подсознание, сознание и сверхсознание) и сферы индивидуальной картины мира (образы — наглядные представления о мире и месте человека в нем, Я-образ и др.). В этом широком смысле ценности являются «стержнем» картины мира личности (включая мировосприятие, мироощущение и мировоззрение), определяют ее характер и последующее развитие [3; С. 224]. Поэтому место и роль ценностей в картине мира невозможно свести к отношению «часть — целое»: ценности представляют собой необходимое условие

и в то же время результат формирования картины мира.

Человек, приобретая культурный опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. Это объясняется таким свойством концепта, как способность к изменчивости в сознании. Концепты, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Изменяется со временем и число концептов, и объем их содержания. Последовательность построения концептуальной системы в сознании отвечает принципам логики, с этим связано такое свойство системы, как ее логичность. Это свойство определяет возможность логического перехода от одного концепта к другому, определение одних концептов через другие, построение новых концептов на базе имеющихся. Логичность системы дает возможность построения внутри ее новых концептов, не усваиваемых из актуального опыта, а перешедших в сознание посредством языка. Этим объясняется возможность введения в концептуальную систему человека абстрактных понятий. Такую информацию невозможно ввести в систему без языка [5; С. 47-48]. Учитывая указанные свойства концепта, следует отметить, что концепт имеет смысл рассматривать не только как элемент сознания, концептуальной системы, но как элемент целостной картины мира.

Вопросы интерпретации человеком мира, осмысления картины мира и места, которое занимает человек в этом мире, являются важными для всех гуманитарных дисциплин. И особое место эти вопросы занимают в ряду философских и лингвоантропологических проблем. В системе философского знания широко используется понятие «картина мира», которое предполагает, прежде всего, взгляд на мир под определенным углом зрения (мифологическая, религиозная, научная, физическая картина мира и др.). Последние лингвоантропологические исследования свидетельствуют о

том, что картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека.

Таким образом, концепт как базовый элемент языкового сознания является характеристикой сознания в его философско-антропологическом смысле. Во-первых, сознание имеет социально-культурную и культурно-историческую обусловленность, которая может быть понята, «расшифрована» только при изучении системы концептов определенных социокультурных и культурно-исторических общностей.

Во-вторых, сознание является характеристикой внутренней, духовной жизни человека, выражающей ценностное от-

ношение к действительности; при этом в структуре концепта выделяют ценностный компонент, который фиксирует место того или иного явления, предмета в системе ценностей определенной социокультурной общности или человека.

В-третьих, понятия «концепт» и «сознание» объединяет понятие «картина мира», т.к. формирование в сознании человека картины мира происходит в процессе формирования концептов в его языковом сознании.

Таким образом, философско-антропологический подход к изучению концептов расширяют возможности для изучения сознания человека, его миропонимания, мировоззрения человека.

Литература

1. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Аспекты метакоммуникативной деятельности – Воронеж, 2002. – Вып. 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEBTPL2002/VORKACHEVTPL2002.HTM>. – Загл. с экрана.

2. Лекторский В.А. Сознание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2000 – 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2786.html> – Загл. с экрана.

3. Лукьянов В.Г. Изучение проблемы ценностей в современной философии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: к 80-летию профессора М.С. Кагана: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18 мая 2001. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Вып. 12. – С. 221-224.

4. Любимова Л.М. Антропологическая лингвистика и лингвистическая антропология // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I междунар. науч. конф. в 4 ч. Ч. 3. – Кемерово: Юнити, 2006. – С. 104-109.

5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

6. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр. – М. – Воронеж, 2002. – С. 44-51.

Коротко об авторе

Ишкова А.Е., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 35-91-13

Briefly about the author

A. Ishkova, post-graduate student, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: философская антропология, философия культуры, лингвистическая антропология

Scientific interests: linguistic anthropology, philosophical anthropology, cultural philosophy

УДК 13

Резник Юрий Михайлович
Yuri Reznik

В ПОИСКАХ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА

IN SEARCH OF METAPHYSICAL IMAGES OF MAN

Автор исходит из допущения, что образ человека можно рассматривать в двух измерениях: как «человеческое» в нем и как «сверхчеловеческое, или метафизическое». Человеческая субъективность характеризуется такими признаками, как мышление, свобода, творчество и рефлексивность. Метафизический образ человека обнаруживается на трех уровнях его бытия. Ее рефлексивный анализ начинается со «снятия» двух внешних слоев человеческого бытия как реальности – видимости (возможного бытия, бытия-как-видимого) и кажимости (условного бытия или как-бы-бытия, псевдосущего в отличие от истинно-сущего). На латентном уровне образ человека выражается, с одной стороны, в объективно-сущем (чтойность) и, с другой, в субъективно-сущем (ктойность). Но существует еще один уровень сущего в человеке, который выражает его метафизический образ, фиксирующий связь с миром трансцендентного, – истинно-сущее, различаемое внутри себя на аутентичность (самобытие) и инаковость (инобытие)

Ключевые слова: человек, субъективность, мышление, свобода, творчество, рефлексивность, видимость, кажимость, латентный уровень, метафизический образ, идентичность

The author starts from an assumption that the human image can be regarded in two dimensions: as “human” and as “superhuman” or metaphysical. Human subjectivity is characterized by such notions as cognition, freedom, creativity and reflectivity. Metaphysical image is to be found on three levels of being. Its reflexive analysis starts with lifting up (*Aufhebung*) of the two external layers of human being as reality – semblance (a possible being, a being-as-it-seems) and pretense (conditional being or being as if, pseudo-essential in contrast with truly essential). At the latent level the human image is expressed, on the one hand, in the objectively essential (what-ness) and, on the other, in subjectively essential (who-ness). There is yet another essential level in the human being which expresses his/her metaphysical image, fixing the link with the transcendental world – the truly essential which collapses in itself into authenticity (self-being) and otherness (other being)

Key words: human being, subjectivity, cognition, freedom, creativity, reflectivity, semblance, pretense, latent level, metaphysical image, identity

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 11-06-00465-а «Идентичность человека в модернизирующемся обществе: биосоциальные, психологические и социокультурные аспекты»

В статье я исхожу из идеи множественности сущностей человека. У последнего не может быть только одной сущности (например, социальной, в которой человек предстает только как «ансамбль общественных отношений»). «Человеческое» в

человеке – традиционный предмет научной рефлексии. И вряд ли я смогу привнести в построение его конкретно-научных образов нечто новое. Над этим десятилетиями бьются лучшие научные умы человечества. Но многие ли из них обращаются к поиску метафизических оснований человеческого существования? Поэтому мне интересно перейти к анализу некоторых оснований его бытия, которые открывают в нем истинно-сущее.

Конечно, нельзя рассматривать «человеческое» как нечто самоочевидное и осязаемое, поддающееся обнаружению средствами науки, а «сверхчеловеческое» — как непостижимое, относящееся к сфере компетенции «наук о духе» (философия, теология и пр.). Чтобы провести различие между реальным и метафизическим образами человека, нужно выработать критерий.

Пожалуй, отличительным признаком конкретно-научного образа выступает субстантивность (от лат. substantivus — самостоятельный, существенный; Substantivum — имя существительное) — характеристика факта или фактов самостоятельного и относительно независимого существования человека в качестве живого, реального, а не воображаемого существа. При этом само существование такого существа может оставаться загадкой для многих поколений ученых и философов.

Напротив, «сверхчеловеческое» в человеке указывает на присутствие в нем чего-то большего, чем он сам. Это то, что делает его сложностным существом, связанным с миром миллиардами невидимых нитей. В общем виде «метафизический образ человека» я рассматриваю как *интуитивно-чувственное и рациональное отображение его сверхсущности (или сверхсущностей)*.

В известном смысле сверхчеловеческое свидетельствует о существовании проективного начала в человеке. Проективность (от лат. projectio — выбрасывание вперед) я понимаю в данном контексте как внеположенный способ конструирования реальностей человека как воображаемого («возможностного») существа, источник разнообразия его миров и взаимопереходов между ними.

При этом проективная сущность человека — это «ускользающая» и неуловимая, неявная и зависимая сущность, которая чаще всего задается извне или определяется неизвестным для него источником. Поэтому результат такого проектирования человеком своей реальности нельзя заранее предвидеть или просчитать. Он содержит в себе массу независимых переменных и

факторов. На метафизическом уровне мы не можем судить о поведении человека в привычных для нас терминах. Оно всегда неопределенно и непредсказуемо для нас, поскольку мы не знаем его истинных причин.

В то же время мы не можем рассматривать человека в метафизическом плане как фантом, т.е. его образ из прошлого (душа человека, существо, предмет), не существующий в реальности, хотя и связанный с человеком. Разумеется, «сверхчеловеческое» существует в природе человека, но обнаружение факта его существования требует особого подхода (метода). Я называю его методом поэтапной реконструкции метафизических оснований образа человека.

Согласно данному методу, погружение в метафизический образ человека, в котором выражено «сверхчеловеческое», осуществляется поэтапно — от «внешних», наблюдаемых слоев к «внутренним», сущностным уровням человеческой реальности. В ходе рефлексивного анализа нами выявляется три уровня постижения этого образа:

- 1) внешне наблюдаемый уровень («видимость» и «кажимость»);
- 2) латентный уровень («чтойность» и «ктойность»);
- 3) уровень возможного и трансцендентного опыта («аутентичность» и «инаковость», в т.ч. «другость»).

Именно постижение последнего уровня человеческого бытия позволяет нам вплотную приблизиться к метафизическому образу, который скрывается далеко за видимой частью его мира.

Внешне наблюдаемые уровни (видимый мир человека)

Движение к прояснению метафизических оснований образа человека необходимо начинать с выявления видимой, чувственно осязаемой части реальности.

Видимый уровень реальности человека. С одной стороны, мы можем наблюдать свое физическое тело, отмечать его особенности, отличающие нас от других особей нашего вида. С другой стороны, имеется предметная и символическая стороны

человеческой реальности: одежда, язык, жесты, мимика, внешняя манера поведения, словом, то, что называют поведенческим стилем. Все эти характеристики относятся к нашему поведенческому организму и субъектности, проявляемой в вербальном или невербальном поведении.

Однако видимость — это не всегда то, что происходит с нами на самом деле. Это — всего лишь «верхушка айсберга». Наши представления о человеке могут искажаться, попадая в зависимость от субъективных пристрастий, настроения, слухов и т.п. Поэтому здесь больше применим следующий принцип исследования: «чаще всего мы видим в человеке то, что хотим или можем увидеть». А, значит, видимая часть образа есть всего лишь субъективная картина реальности конкретного человека, не имеющая отношения к его сущности.

Мы до конца не узнаем, что скрывается за видимым слоем его реальности, а лишь можем предполагать, строить допущения об этом. Мы можем судить, например, о внешних манерах и привычках, чертах и свойствах характера другого человека, лишь исходя из собственного опыта. И уж тем более нам трудно, наблюдая за ним, установить его ценностные предпочтения и мировоззренческие установки. Следовательно, перед нами каждый раз возникает и тут же исчезает сущность человека. И это не фантом, а лишь то, что мы проектируем в своем сознании, проникая в образ человека и приписывая ему определенный набор черт или особенностей поведения.

Следовательно, между реальностью человека как актуальным бытием, бытием-как-есть, и наблюдаемым бытием, бытием-как-видимым, существует большая дистанция. Далеко не всегда то, что нам видится или кажется, является таковым в действительности. Находясь на данном уровне анализа, мы по-прежнему далеки от постижения метафизического образа человека. Однако можно зафиксировать некоторые детали, которые помогут в дальнейшем сформировать более полную картину мира человека.

Так, уже на видимом уровне челове-

ческого бытия обнаруживаются некоторые сходства и различия между человеческими особями. Мы различаем их по строению тела, цвету кожи, культурным чертам, проявляемым в манере поведения, языке и жестах. И, хотя мы по-прежнему далеки от обнаружения сущностных характеристик людей, нам удается все же выявить их общие черты и запечатлеть особенности их образа жизни. Тем самым мы формируем представления об эмпирической реальности человека, которая дана нам в наблюдении.

Кажимостный уровень. Кажимость характеризует условную реальность, «как-бы-бытие» человека (в справочной литературе под *кажимостью* понимают обычно одностороннее проявление сущности вещи, воспринимаемое людьми непосредственно (напр., поведение других людей, желающих скрыть свои истинные намерения или видимое движение Солнца вокруг Земли). *Кажимость* — понятие, выражающее момент обманчивости в восприятии объекта или явления. Это — сущее, показывающее себя не таким, каким оно есть на самом деле. Противоположность — феномен (К. Фрумкин, 1989). Или *кажимость* — искаженная видимость, поверхностный взгляд на вещи, одностороннее или извращенное проявление сущности наружу (Д.В. Пивоваров, 1989). Так, еще древние философы (Парменид и др.), рассматривая множество чувственных вещей как *кажимость* и считая чувства обманчивыми, предлагали выйти за пределы окружающей *кажимости* человека и достичь знания о его *истинной сущности*. Для этого, по их мнению, необходимо совершить такие акты, как самоуглубление, озарение, странствие за пределы космоса.

Кажимость — это второй уровень видимости, который характеризует явление, данное субъекту познания либо непосредственно (через созерцание и наблюдение), либо через свое восприятие его обманчивого вида. «К показателям *кажимости*, — подчеркивает Н.В. Гатинская, — относятся модальные слова (МС) *как будто, как бы, будто, будто бы, как будто бы, словно, точно, казалось, кажется, вроде бы*

(вроде), *вроде как* и др.» [1].

Следовательно, *кажимость* человека есть *искажение его сущности (как реальной, так и метафизической), осуществляемое чаще всего на поведенческом уровне*. Причем она может проявляться двояким образом: с одной стороны, в игре, где каждый может казаться тем, кем выступает его герой (проброобраз), с другой стороны, в общении, где мы очень часто предпочитаем прятаться за вымышленные или воображаемые образы, например, «слыть оригиналом» или «быть как все».

На уровне *кажимости* можно использовать еще один принцип исследования: *образ человека фиксирует чаще всего не то, что он представляет собой на самом деле (об этом мы можем только догадываться или строить допущения), а наши ожидания и представления о том, каким он является или должен быть*. При этом мы, полагаясь на собственный опыт, пытаемся отделять реальное поведение от мнимого, наслоений *кажимости* и напластований нашей субъективности. Мы допускаем также, что человек при известных обстоятельствах может казаться или слыть другим, оставаясь самим собой.

Очевидно, что сам человек редко обнаруживает в отношениях с другими и самим собой свое *истинно-сущее* лицо («аутентичность»), предпочитая казаться, демонстрировать определенную (удобную или выгодную ему) линию поведения. И задача исследователя на этом этапе заключается в том, чтобы снять наслоения условности (ситуации «как-бы-бытия») и выявить реальные основания действия человека, стоящие за его словами, намерениями и демонстрациями.

Таким образом, *кажимость*, как и *видимость*, — внешний слой реальности под названием «человек». Снимая его, мы еще не докапываемся до самой сути. Она по-прежнему ускользает от нас. А что же на самом деле нас интересует?

Я полагаю, что философу интересно проникнуть во «внутренний мир» человека, понять пружины, которые им движут или побуждают совершать особые поступ-

ки (подвиг, защита чести и достоинства, нравственный выбор и пр.). Но в отличие от психолога, он стремится к познанию и выражению всеобщего, заключенного в образе конкретного человека. Ему интересен весь мир, вся вселенная человека, а не отдельные индивиды с их потребностями и проблемами.

Кажимость как пространство игры является предметом изучения социологии и социальной психологии. При этом они обращают внимание на такие особенности, как ролевой репертуар или сценарий участников социального взаимодействия.

Следует отметить, что на уровне видимости формируется образ эмпирического человека, которого мы можем наблюдать, а на кажимостном — «человека-маски», который выдает себя за того, кто ему подходит в данный момент или соответствует ожиданиям окружающих. Но эти образы пока далеки от отображения истинной сущности человека. Они позволяют лишь фиксировать его внешне наблюдаемые, поведенческие черты. Лучше всего для изучения этой стороны человеческой реальности подходят такие конкретно-научные методы, как наблюдение, контент-анализ и интерпретация.

Латентный уровень (невидимый мир человека)

Как известно, сущность человека скрыта от непосредственного наблюдения. Для ее обнаружения в науке применимы самые разные методы (системные, функциональные, феноменологические и пр.).

Латентные слои человеческой реальности как актуального, самосовершающегося бытия проявляются через *чтойность* (человек как род сущего, интегрированный в целое) и *ктойность* (человек как существо вопрошающее, адресующее свои вопросы себе и миру). Они характеризуются соответственно такими сущностными чертами, как *оность* (присутствие или наличие у него некоторых качеств, не обладающих статусом существования) и *самость* (человек как конкретно-единичное и особенное существо).

Подобное разграничение мы нахо-

дим уже у Хайдеггера, который, как известно, разделял бытие человека на два рода: 1) *сущее-что* или объективно-сущее (чтойность) и 2) *сущее-кто* или субъективно-сущее (ктойность) (В понимании Хайдеггера, «сущее представляет собой совокупность того, что представляют собой вещи в самом широком смысле... К сущему относится и сам человек, но как особое сущее, а также все образованные им формы общества и его институты... Именно способность к пониманию и самопониманию служит основанием для разделения сущего на два рода: 1) сущее-что (чтойность) и 2) сущее-кто (ктойность). Бытие этого сущего как “ктойности” и обозначается словом “экзистенция”. Человек, считает Хайдеггер, это – “сущее, существующее способом экзистенции... Только человек экзистирует”... Понятие “человек” Хайдеггер заменяет немецким словом *Dasein*, которое на русский язык переводится как “здесь-бытие”, “тут-бытие”, “бытие-вот”, “присутствие”... Так, слово “*Dasein*”, в принципе, не тождественно понятию “человек”, а выражает бытие человека в специфическом смысле») [3].

На латентном уровне познания человека действуют два взаимосвязанных принципа исследования: человека следует рассматривать как часть целого, а следовательно, как зависимое существо (оность); с точки зрения *ктойности* человек есть самодостаточное целое, стремящееся к завершенности и собственной исключительности (самость).

В нашем случае *оность* указывает одновременно на факты индивидуального, обособленного существования человека в мире и его различные интегрированности в социальные и природные структуры, частью которых он выступает.

Не *чтойность*, а *ктойность* как субъективно-сущее в человеке есть то единичное, благодаря которому он отличается от других людей и дистанцируется от окружающего мира как нечто особенное. Объективно-сущее («чтойность») оказывается характеристикой человека в его внешнем бытии. Как «что» я принадлежу миру или

конкретному сообществу. В этом смысле я – «он» (татарин, художник и пр.) или «оно» (физическое лицо). В качестве же «кто» я принадлежу самому себе и представляю тем самым интерес для очень немногих людей (родных, друзей, коллег и пр.). В последнем случае у меня есть мое «Я», которое делает меня уникальным в мире, а мои переживания и представления – неповторимыми.

Следовательно, человек в своей *чтойности* выступает частью «внешнего» мира, а в *ктойности* он, оказывается, представлен самому себе и сосредоточен на своем «внутреннем» мире. В известной мере *чтойность* определяет проекцию эмпирического человека, вписывая его существование в более широкий социоприродный контекст. В *ктойности* же человек обнаруживает свою рефлексивную и экзистенциальную сущности, обращаясь к внешнему миру как равноправный субъект, стремящийся к партнерским отношениям. Однако обо всем по порядку.

Чтойностный уровень. *Чтойность* означает, в моем понимании, *совокупность устойчивых (и неизменных на протяжении длительного времени) качеств человека, объединенной его родовой принадлежностью, природой рода.* Это тождество человека со своим родом, то, что его выделяет из мира природы и объединяет с другими представителями этого рода. Другими словами, моя *чтойность* – это то, что интегрирует меня в сообщество, делает меня частью целого, независимо от того, что и как я думаю по этому поводу.

Представления о *чтойности* человеческого бытия переживают сегодня в философии кризис. Об этом пишет А.Е. Рыбас, анализируя философию Хайдеггера: «Вопрос о “что” является пустым; в известном смысле он вообще не является вопросом, потому что нацелен на то, чего нет. Неудивительно поэтому, что метафизика за две с лишним тысячи лет так ни к чему и не пришла, а доверявшее ей философское мышление уже целое столетие находится в безысходном кризисе. Противостоять этому кризису можно, лишь отказавшись от

дуалистической картины мира и практики репрезентации подлинной реальности. Для этого нужно по-новому сформулировать основной вопрос философии» [3]. В отличие от автора, я так не думаю. Мне ближе позиция самого Хайдеггера, который настаивал на разделенности человеческого бытия.

В сущности, за «чтойностью» человека стоят такие абстракции, как «родовой человек», «политический человек», «экономический человек» и т.д., обоснованию которых посвящены многие научные труды. Нас же интересуют не родовые или социальные определения человека, а всеобщее в нем.

На данном этапе анализа я различаю еще два образа *чтойности* человека, скрывающие от нас его метафизическое измерение: «человек-нечто» и «человек-ничто». Первое сопряжено с частичным присутствием в человеке его самости, второе — с ее полным отсутствием или нивелированием.

Нечто — это особенное качество вещи, обладающее выделенностью, обособленностью и, конечно, чтойностью. Это — способ обособленного и автономного существования человека, которое не отражается в его сознании, а существует независимо как фактическая данность. Я не могу своему «нечто» давать оценки. Но мое *нечто* каким-то образом проецируется на мою самость, хотя и существует вопреки или независимо от моего представления о нем. Оно присутствует во мне или вне меня, но я могу лишь предполагать о его существовании, поскольку оно не принадлежит мне полностью, оставаясь *чтойностью*, т.е. тем, что делает меня похожим на других и неузнаваемым в толпе. Когда мы говорим о человеке, что он представляет собой «нечто», то подразумеваем в нем что-то особенное и исключительное, не поддающееся рефлексии.

Ничто — это точка неопределенности, находящаяся за пределами осознаваемого мною пространства (как известно, термин «ничто» означает в философской литературе буквально отсутствие, небытие конкретного сущего или же отсутствие бытия вообще). Оно характеризуется непрозрачностью, невыраженностью и невоплощен-

ностью. У него нет адресата или пункта назначения. В моем понимании ничто означает не отсутствие бытия вообще, а только существования. У *ничто* нет другого названия, кроме как инобытия, недоступного нашему познанию (например, антимир). Это сущее, у которого нет существования (отсутствие присутствия чего-либо реального и особенного). Это бытие, находящееся за гранью возможного существования. Возможно, в нем имеются свои основания несуществования и неприсутствия, но мы об этом ничего не знаем. В этой связи интересно прочтение известного всем высказывания, которое приписывают К. Марксу, под новым углом зрения: «Ничто человеческое мне не чуждо». Возможно, *ничто* означает нечеловеческое в человеке или несуществующее вообще.

Таким образом, образ «человека-ничто» формирует представление о нем как безликом и анонимном существе, подчиняющемся внешней необходимости и социальной целесообразности, полностью растворенном в социальном или природном хаосе. В нем уже нет ничего специфически человеческого, но и сверхчеловеческое в него еще не проникло. «Человека-нечто» мы обнаруживаем тогда, когда обращаемся к выделенности его внешнего и объективного бытия по каким-либо не совсем очевидным признакам. Причем это — ни нечто особенное, как можно предположить на первый взгляд, а нечто неуловимое и непознаваемое. О своем *нечто* мы можем судить только по косвенным и весьма отвлеченным признакам. Оно не поддается рефлексии, т.к. является свойством другого, не принадлежащего нам мира.

Ничто и *нечто* человека проявляются в общественной жизни как проекции ожиданий к нему со стороны других субъектов. Например, для политиков, участвующих в выборах, я как отдельный избиратель представляю собой *нечто* до тех пор, пока не проголосовал, а как только я сделал свой выбор, они могут относиться ко мне как к *ничто*, не способное контролировать их дальнейшую деятельность в органах власти.

Чтойностный (самостный) уро-

вень. Ктойность выражается буквально в терминах «субъектность», «жизнь», «душа» и т.д. Это не что, а кто, хотя я бы не стал резко противопоставлять *чтойности* человека его *ктойность*, как это делают Рорти и некоторые другие западные философы. «Вопрос о “кто”, – пишет Рорти, – не является метафизическим – это, скорее, *политический* вопрос: отвечая на вопрос “Кто я?”, мы причисляем себя к определенному сообществу, для которого *ктойность* выступает не метафизическим определением сущности, а практическим правилом общежития, благодаря соблюдению которого и образуется данное сообщество. Правильнее поэтому спрашивать: “Кто мы?”» Именно в такой форме, полагает Рорти, этот вопрос является основным вопросом философии... Вопрос «Кто мы?» всегда предполагает и исходит из возможного ответа «Никто» и – дальше – «Ничто», которые указывают на заданность *чтойности* (субъективности) и обращают внимание на то, что вопрос о «кто» – это вопрос о ценности. Рорти называет такой вопрос *политическим*, имея в виду его *способность собирать вокруг себя сообщество единомышленников*, для которых утверждение данной ценности равнозначно смыслу своего существования» [2].

Мне представляется, что суть *чтойности* человека нельзя переводить в политическую плоскость, подменяя вопрос «Кто я?» вопросом «С кем я?». Ктойность есть *вопрошание человека к миру и обращение к самому себе, своей самости*. Она выражает способность человека вести диалог с собой и другими как продолжением себя. Но главное в *чтойности* – это самоактуализация человека, обретение им своей самости и раскрытие личностного потенциала.

Ктойность в большей степени, чем *чтойность*, подлежит анализу при помощи качественных методов (например, истории жизни, анализ биографий, этнографические методы и пр.), хотя о «кто» человека мы чаще всего узнаем не по прямым (биографические данные), а по косвенным признакам.

Ктойность человека есть индивиду-

альное измерение его реальности или субъективный срез персональной реальности. Главный концепт здесь не «личность» (как социальная самость) или «персона» (как внешняя оболочка, предназначенная для презентации другим), а самость (как самовопрошающая сущность). Только у самости, а не у человека как представителя рода или этноса, могут быть вопросы к самой себе. Ее бытие рефлексивно и саморефлексивно по своей сути. Вот почему человек, который теряет свою самость или хотя бы ее сознательную часть (самосознание), перестает отвечать за свои поступки и подлежит лечению.

У *чтойности* человека существуют спутники. Поэтому ее картину необходимо дополнить еще двумя другими модификациями, которые указывают на внешний контур его самости: «некто» и «никто» (слово «некто» употребляется вместо имени неизвестного, нарочито неназываемого или не конкретизированного, но предполагаемого в данной ситуации лица).

Некто – фигура человека, предпочитающего находиться (или фактически находящегося) в тени. Это бессознательное влечение человека к маскировке своей самости, а также добровольный или вынужденный уход из видимости в латентные слои реальности. Быть *некто* для человека не означает расстаться вовсе со своей самостью. В предчувствии опасности или негативных перемен, предстоящих в его судьбе, он может ее спрятать за невидимым покровом, чтобы уберечь себя от недоброжелательного взгляда и негативного воздействия.

Никто – это человек, у которого по тем или иным причинам нет собственного лица. Или он перестал осознавать свою самость. *Никто* есть результат деперсонализации. Если «ничто» – это человек, который выпадает из иерархически организованной социальной системы и растворяется в ее маргинальных слоях, то «никто» характеризует отсутствие у человека самосознания, его внесубъектное существование. Но при этом у него остаются бессознательные механизмы саморегуляции, которые составляют транссубъективный базис самости.

Следовательно, вне определенной группы (сообщества) человек в социальном плане есть «никто», но он может оставаться «некто», слыть лицом неизвестным и оставаться с неопределенными намерениями, что не позволяет окружающим вступать с ним в открытую конфронтацию или навязывать собственную игру. В этом случае «некто» указывает на существование ктойности, но в ином виде. В социальном мире, если ты не занимаешь определенного места в социальной иерархии, то ты — «ничто», а в персональной реальности ты можешь сохранить свою самость, будучи «некто» и даже «никто».

В персональной реальности каждого человека можно наблюдать такой типичный случай: когда мы знакомимся с человеком, то имеем дело с его «некто» и только потом, спустя некоторое время (иногда годы), мы узнаем о персоне как внешней оболочке самости, посредством которой и происходит презентация его «кто». Однако большинство прохожих на улице так и остаются для нас *никто*.

В реальной же политической жизни, например, во время выборов в парламент страны, «некто» и «никто» стремящегося во власть не очень известного политика выступают как сопряженные позиции. *Ктойность* здесь определяется его публичностью, известностью в широких политических кругах. До тех пор, пока он выступает реальным претендентом на выборах, сохраняя шансы на победу, он является для публики «некто». Но как только он проигрывает выборы более известному и маститому политику, его позицию можно оценить в терминах «никто» (кстати, с подобной ситуацией связано часто используемое выражение обыденной речи «как был *никто*, так и остался *никем*»). Но, становясь «никто», человек не теряет свою самость целиком, а лишь лишается части своего образа и возможности его презентации.

Но имеется и обратный переход: «кто был *никем*, тот станет *все.м*». Так, в политику приходят ранее неизвестные, ничем себя не зарекомендовавшие перед избирателями люди (например, лица, избиравшиеся по

партийным спискам в угоду политическим лидерам или группам интересов).

Еще одним критерием различения между *чтойностью* (сущее-что или объективно-сущее) и *ктойностью* (сущее-кто или субъективно-сущее) является способ самоопределения человека. Если *чтойность* включает его в систему (общность, род и пр.) по законам социальной интеграции, т.е. независимо от желания, то *ктойность* всегда предоставляет ему свободу самоопределения: он может быть определенным «кто», открыто презентуя свою самость, или же скрываться под маской «некто».

Таким образом, «человек-что» интегрирован в систему как элемент целого, который лишен автономии, а в случае «ничто» — растворен в ней полностью. «Человек-кто» располагает в свою очередь возможностями выбора. Он обладает самостью и личностной определенностью (автономией), а его многочисленные состояния (разные «кто», «некто», «никто») располагаются свободно на шкале персональной реальности, непрерывно трансформируясь друг в друга и образуя различные комбинации самости, которые выступают наружу в виде персоны. Но это еще не целостный человек, находящийся в гармоническом единстве с миром, а лишь одно из измерений его реальности. К его метафизическому образу нам еще предстоит только приблизиться.

Метафизический уровень (мир трансцендентного)

В данном измерении человек проявляет себя как носитель трансцендентного, существующего за пределами его индивидуального сознания, и субъект трансценденции как способа сверхбытия. Он реализует свои метафизические потребности. А это и есть предмет философского познания. Основными свойствами метафизичности человека выступают, на мой взгляд, его аутентичность (аутентичное в буквальном смысле — это то, что соответствует подлиннику или оригиналу. Как известно, понятие «аутентичность» (от греч. *authentikos* — подлинный) в современной персонологии было предложено и обосновано К. Роджерсом. По его мнению, она характеризует

способность человека в общении отказаться от типических форм выражения (различных социальных ролей), позволяя проявляться подлинным, свойственным только ему мыслям, эмоциям и манерам поведения) и инаковость (*инаковость* (otherness – иной, другой) – противоположный или противопоставленный элемент в двоичном противоречии: «Я»/другой (эго/другой), Восток/Запад, мужское/женское. Как известно, обращение человека к человеку, в отличие от зова в животном мире, опирается, по Буберу, на установление и признание инаковости другого человека. Они проявляются не только в общении, но и в индивидуальной жизни человека. Человек обладает аутентичностью и инаковостью прежде всего по отношению к самому себе. Некоторые мыслители предпочитают использовать для различения «Я – другой» понятие «другость», обозначающее чаще всего самость человека в ее соотносительности с Другим (Шелер). Но *другость* можно понимать и как наличие и сосуществование разных «Я» в человеке, постигающем свою самость рефлексивным или иным образом.

Метафизический план бытия характеризует предельный и метасубъективный уровень существования человека. В его постижении я буду руководствоваться двумя противоположными принципами: «человека следует рассматривать как полное или предельно возможное тождество с самим собой, точкой образования которого выступает всеобщее в нем» (аутентичность); «в своей метафизической сущности человек не равен самому себе; он есть нечто большее, чем сумма его связей с миром, а значит, чтобы увидеть себя со стороны и понять других в их собственном бытии, ему необходимо преодолеть самость и подняться над реальностью своего индивидуально-существования в мир иного опыта, недоступный созерцанию» (инаковость).

Аутентичность. Аутентичность есть подлинное, настоящее и истинно-сущее в человеке и то, что соответствует его собственным представлениям о предназначении. Быть аутентичным означает «быть самим собой», следовать своим внутренним

интенциям и душевным порывам. Но в какой мере аутентичное сопряжено с положенным извне трансцендентным, если оно означает, по сути, самобытие человека?

Я полагаю, что трансцендентное как сфера истинно-сущего находится в основе самого тождества «человек – мир» («человекомир»). Более того, оно выступает скрепляющим стержнем этого взаимодействующего единства.

Вместе с тем, *аутентичность* означает открытость миру и свободное становление, отрицание кажимости или видимости, спонтанный выход за собственные пределы, полноту ответственности за свои поступки и что-то еще, нам неизвестное (в нашем случае – трансцендентное). Но если трансценденция (трансцендирование) означает выход за пределы человеческого в человеке, преодоление его эмпирической сущности, обнаруживаемой на уровне видимости («здесь-бытие»), то как тогда оно соотносится с *чтойностью* и *ктойностью* человека? Ответ звучит весьма приблизительно: они соотносятся между собой как «центр» и «периферия». Причем центром и организующим началом в данном случае выступает не самость («бытие-в-себе»), а аутентичность («бытие-для-себя» или самобытие).

Другой вопрос. Является ли самость последней инстанцией в оценке аутентичности человека? Нет, конечно. Нельзя оценивать более высокий уровень организации с низшего уровня. Аутентичность является самореферентной и референтной. Она соотносится с инаковостью как своей противоположностью.

С этой точки зрения никто, кроме самого человека, не знает, как ему должно жить. Все рекомендации о том, как жить подобающе или праведным образом, не имеют прямого отношения к подлинной сущности человека, которая уникальна и неповторима в мире.

Инаковость. Но существует и другое метафизическое измерение человека – его инаковость, инобытие, открытое к переменам и чужому влиянию, бытие человека, еще не ставшего или уже не способного

стать «что» («чем-то») или «кто» («кем-то»). Это приобщение к чему-то большему, чем сам человек, которое приводит к умножению его сущностей.

Как известно, Левинас видит основание своей философии в представлении субъективного бытия человека, уникальность которого задается *трансцендентностью* (иным). Трансценденция в этом смысле есть восхождение субъекта к Абсолютному, а не только признание возможности выхода за пределы бытия (по мнению С.Л. Воробьевой, «Левинас различает три различные точки зрения на трансценденцию: 1) отрицание возможности выхода («транса») за пределы видимого мира; 2) признание возможности как выхода за пределы бытия («первый транс»), так и восхождение к Абсолютному («второй транс»); 3) промежуточная — трансцендентальная точка зрения, признающая первый транс и отрицающая второй (гуссерлевская «феноменологическая редукция»). Точка зрения Хайдеггера находится в интервале между второй и третьей гуссерлевской точками зрения. Левинас принимает вторую точку зрения, признавая трансцендентность, радикальную дистанцированность, «другость» как сущность бытия») [4].

Я полагаю, что мы вправе выделить вслед за Левинасом такой род бытия, как

иное-сущее и инобытие, заключающееся в проявлении инаковости человека, множественности его сущностей и способностей не только быть другим и понимать другого, но и восходить к Абсолюту (трансцендировать). И отличительной чертой этого образа человека выступает дифференцированное единство, раскрывающее во всей полноте его творческий потенциал.

Инаковость человека, в отличие от *чтойности*, не порождается множеством миров (религия, искусство, экология, хозяйство, этничность и т.д.), с которыми он связан по роду своей деятельности. В случае *чтойности* мы имеем чаще всего социально обусловленное разнообразие человеческих типов (религиозный человек, этнический человек, хозяйственный человек и т.д.). А в случае *инаковости* мы сталкиваемся с его трансперсональностью, выходом за пределы своей самости и преодолением социальных границ.

Таким образом, метафизический уровень бытия человека обнаруживает себя в сфере трансцендентного, связанного с выходом за пределы не только видимого мира и преодолением границ *чтойности* (объективной реальности) и *ктойности* (субъективной реальности), но и с восхождением к чему-то высшему, всеобщему началу (Абсолюту).

Литература

1. Гатинская Н.В. О функционально-семантическом описании модальных слов — знаков кажимости // Русский язык за рубежом. — 2001. — № 1.
2. Рыбас А.Е. Основной вопрос философии будущего Рорти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/rybas/russia_15.html.
3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://felr.ru/xajdegger/>.
4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm10341.htm?text=%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&stpar3=1.7>).

Коротко об авторе

Резник Ю.М., д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии (Москва)
reznik-um@mail.ru

Briefly about the author

Y. Reznik, Doctor of Philosophical Sciences, professor, chief research co-nick Institute of Philosophy, deputy director of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow)

Научные интересы: социальная философия

Scientific interests: social philosophy

УДК 101.1.:316

Янь Шуфан
Yan Shufang**ЦЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ
КАК КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ****CHINESE REGIONAL CULTURAL
HERITAGE'S VALUES AS A
COMPONENT OF CULTURAL
INDUSTRIES' CONTENT**

Рассматривается ценностный аспект структуры китайских культурных индустрий. Выделены ценности культурных индустрий Северного, Северо-Восточного, Центрального, Восточного внутренних регионов, охарактеризована их специфика

Ключевые слова: ценности, культурные индустрии, региональная культура, традиция, трансграничье

The article presents the value component of Chinese cultural industries' structure. Cultural industries values of the North, North-East, Central, East inner regions are sorted out, their specific is described

Key words: values, cultural industries, regional culture, tradition, transboundary

Глобальный финансово-экономический кризис последних лет со всей остротой поставил вопрос о поиске обновленных духовно-нравственных, культурных оснований современного и будущего мирового порядка. Общее поле мировой культуры, пространство которого служит фундаментом такого поиска, включает не только традиции мировых культурных систем, но и локальных региональных культур, существующих в границах той или иной страны [1].

Трансляция ценностей региональной культуры в условиях глобализации имеет первостепенное значение, поскольку сама проблема выживания человечества предполагает сохранение культуры, передачу подрастающим поколениям ее наиболее значимых образцов, норм, ценностей и идеалов [2].

Сегодня Китай — одна из немногих стран, вышедших из глобального кризиса с наименьшими потерями. Дальнейшее развитие КНР связывается с координиро-

ванным развитием экономики, политики, культуры и общества, с гармонизацией отношений между человеком и природой. При этом культурное строительство и сохранение региональной культуры становится приоритетным [3]. Одной из глобальных целей развивающегося Китая является наращивание «мягкой силы», формирование имиджа культурной державы в системе международных отношений. Весомым механизмом в решении этой задачи становятся культурные индустрии.

Китайские эксперты считают, что кризис мировой экономики явился для индустрии культуры КНР не вызовом, а возможностью, стимулирующей колоссальный подъём отрасли. Об этом, в частности, велись дискуссии на VI Форуме китайской индустрии культуры, прошедшем в январе 2010 г. на базе Пекинского университета, в котором принимали участие более сотни экспертов. В опубликованном «Отчете по развитию культурных индустрий КНР за 2010 год» отмечено, что динамика культурных

индустрий отличается стабильным ростом, сохраняя потенциал дальнейшего развития [4].

Для подтверждения приведём слова заместителя председателя Всекитайского комитета НПКСК Ли Увэя: «Хотя финансовый кризис повлиял на темпы экономического роста в Китае, но это существенно не отразилось на культурных индустриях. Более того, игры-онлайн, кино, телепродукция по объёму и темпам роста намного превысили общий темп экономического роста» [5]. Ли Увэй утверждает, что для развития индустрии культуры финансовый кризис предоставил редко встречающуюся возможность, которая стимулирует повышение ее наукоемкости. Коммуникационные технологии и цифровое оборудование не только инициировали возникновение новых культурных индустрий, но и получили широкое применение в традиционных ее формах, став главной движущей силой ее прогресса.

В последние годы во многих регионах Китая индустрия культуры постепенно превращается в одну из опорных отраслей промышленности. Таким образом, мы можем говорить о явлении «зарождения на фоне финансового кризиса новой силы региональной культуры, проявляющейся в региональных культурных индустриях КНР» [6].

Развитие культурных индустрий в регионах является предметом особого внимания в новейших китайских исследованиях. Проходит этап формирования региональной теории культурных индустрий, главным содержанием которой становятся проблемы развития локальных культурных индустрий, например, культурный капитал провинции Гуандун, генезис творческой индустрии Пекинской культуры, региональная модель культурных площадок городов Шэньяня и Даляня, особенности развития культурных индустрий конкретных провинций и др. [7].

Особенности провинциальных культурных индустрий, воплощающих те или иные ценности, особенно заметны при сравнении их функционирования во внут-

ренних регионах: Северном (автономный район Внутренняя Монголия), Северо-Восточном (провинция Хэйлунцзян), Центральном (провинции Сычуань, Гуандун, Хэнань), Восточном (провинция Шаньдун).

Наиболее развитыми в сфере культурных индустрий являются центральные и восточные провинции. Колыбель китайской цивилизации – провинция Хэнань обладает богатейшим культурным наследием. Мировую известность приобрела «шаолинская культура», представляющая китайские традиционные боевые искусства. Бренд «Монастырь Шаолинь» несет в себе не только специфические психотехнические приемы, но и традиционные ценности религии даосизма. Другой особенностью культурных индустрий провинции является наличие в ней культурно-исторического памятника – академии Сунъян (嵩阳书院), расположенной в живописном месте рядом с монастырем Шаолинь. Старинные китайские академии, как частные, так и с государственной поддержкой, являлись особой образовательной системой древности. Здесь синтезированы ценности традиционных китайских учений – конфуцианства, даосизма, поэтому использование подобного культурного ресурса способно внести вклад в воспитание китайской молодежи в духе традиционных ценностей [8].

Серьезной проблемой в развитии культурных индустрий провинции является разработка правовой основы для защиты интеллектуальной собственности – разработанных брендов. К ним относятся исторические культурные памятники: Шаолинский монастырь, парк Цинмин, храмы Баогун, Цаоцао, Цинмэй, Цзэньань, Чуньчюлоу, Сюйду.

Главными особенностями развития индустрии культуры провинции Гуандун является стремительное развитие информатизации. Наиболее развитой можно назвать индустрию СМИ, киноиндустрию, телевидение. Здесь официально издается 135 видов газет, тираж которых составляет 4,3 млрд экземпляров; 364 вида периодических изданий с тиражом 455 млн экземпляров.

В провинции имеется 4 мультикорпорации. Весомый доход провинция получает от газетной рекламы, который превышает 5 млрд юаней. Гуандунские периодические издания находятся в числе первых из «100 лучших периодических изданий Китая». Радио и телевидение в течение последних пяти лет занимают 1-е место по различным экономическим показателям развития, количеству абонентов телевизионной сети. Такое обилие цифровой и печатной культурной продукции должно быть качественным и направлено на воссоздание лучших образцов национальной культуры Китая.

В планах развития провинции Сычуань выделены ключевые ценностные компоненты: классическая литература, культура малых народностей, революционная культура. Реализуются проекты «Счастливый запад страны», «Три ущелья». Исторический аспект проектов связан с созданием туристических маршрутов по местам боевой славы. Реставрируются традиционные маршруты по древним дорогам, раскрывающим особенности культуры проживающих там национальных меньшинств. Для усиления конкурентоспособности культурных индустрий предлагается полнее использовать культурный ресурс классических произведений (роман «Троецарствие»). На территории провинции уже создан выставочно-музейный комплекс, посвященный древней культуре трех царств. На этой основе разрабатываются планы развития театральной, цирковой, компьютерно-игровой, анимационной деятельности с использованием сюжетов романа, раскрывающих такие качества национального характера, как героизм, стратегичность мышления, этика поведения. Предлагается создание культурного комплекса, где будет издаваться журнал «Троецарствие», Центра исследования культуры этого периода и др. [9].

Особенностью развития культурных индустрий провинции является формирование культурного ландшафта — создание крупнейшего в Азии бассейна морской воды (китайское Мертвое море) со всеми атрибутами ландшафтного дизайна, сочетающего элементы традиционного китайс-

кого сада и современные технологии. Спецификой культурных индустрий региона является сочетание в содержании культурных индустрий традиционных ценностей с инновационными компонентами (культурные ресурсы и индустрии провинции Сычуань). Проводится курс «возрождения Сычуаньской музыкальной драмы», в которой воплощается национальная особенность. Кроме этого, увеличивается количество радиовещания и телевидения, кино, прессы, издательств для сельских районов провинции, всеми силами оказывается поддержка поднятию национальной культуры, собираются ценные книги и издания древней литературы.

Восточный регион страны является наиболее экономически развитым. С точки зрения традиционного наследия он особенно знаменит тем, что это родина Конфуция. Поэтому культурные индустрии региона в наибольшей степени связаны с г. Цюйфу, в котором расположен Храм Конфуция и другие достопримечательности древнего царства Лу, которое располагалось на территории современной провинции. Особенностью культурных индустрий Восточного региона является создание культурных туристических объектов, обладающих исторической традицией, например, «Парк Морских сражений» на острове Люгун, тематический парк «Каменный остров», в котором религиозное содержание вплетено в естественный ландшафт местности вблизи г. Вэйхай. Важной особенностью культурных индустрий региона стала разработка Проекта «Книжный кабинет сельской семьи», который получил признание на уровне всей страны. Таким образом, наряду с развитием традиционных форм культурных индустрий в Восточном регионе страны заметны инновационные компоненты, которые нашли отражение в китайской научной печати [10].

Главной особенностью Северо-Востока являются изменения, произошедшие в сфере культурного строительства и культурных индустрий за последние годы. Они затронули учреждения культуры в национальных районах. Была расширена сеть библиотек,

театров, музеев и т.п. Налажена работа по выпуску литературы на национальных языках, в основном, корейском и монгольском. Активно изучается народное творчество этнических меньшинств. Выходят радиопередачи и телепрограммы. Сохранению национальных традиций способствуют регулярно проводящиеся фестивали национальностей. В настоящее время в этих мероприятиях участвуют представители народов, проживающих в России. Тем не менее, отсутствие национальной письменности у хэцжэ, ороحوнов, эвенков и дауров не благоприятствует сохранению и развитию национальных культур, заметны явления ассимиляции малочисленных народов. Усиливается коммерциализация традиционной культуры, что приводит к нивелированию ее ценностей.

Отдельно стоит остановиться на характеристике ценностей китайских культурных индустрий в пространстве приграничья, которые особенно проявляются в приграничной провинции Хэйлуцзян. Здесь осуществляются комплексные культурные программы, в рамках которых проводятся ярмарки китайской и российской продукции культурной индустрии, выставки-продажи каллиграфических и живописных произведений, товаров прикладного искусства, концерты, фестивали искусств, зимние туристические фестивали. Формирование культурного имиджа провинции дополняется созданием культурных брендов для писателей всего мира, пишущих на китайском языке (например, в честь 100-летней годовщины со дня рождения известной писательницы Сяо Хун), утверждаются международные литературные премии, снимаются фильмы об истории культуры региона и в честь памятных революционных дат.

Стоит отметить, что культурные индустрии в Северо-Восточном регионе КНР воплощают, с одной стороны, восстановление, развитие, использование ценностей традиционной культуры, с другой — инновации, поиск новых способов и методов пропаганды культуры. Традиционная культура выступает в качестве основы, современные

наука и техника выполняют инструментальную роль, что позволяет традиционный облик культуры преподнести в новых красках [11].

Северный регион КНР представлен автономным районом Внутренняя Монголия (АРВМ), в котором в 2002 г. принят курс на строительство культурного региона, определены «10 культурных объектов». Успешная реализация подобной политики привела к созданию культурных брендов, которые известны всему миру, такие как У Ланьмучи, монгольская скрипка, танец Ань Дай. АРВМ занимает первое место в стране по количеству памятников культурного наследия. Специфическое народное искусство — эстрадный жанр пения и речетатив (史诗说唱), монгольская песня Чао Эр (长调), искусство монгольской скрипки Ху Май, национальные танцы, цирковое искусство, шаманский танец, хор без сопровождения, праздник Надам, приношение жертвы Аобао, скачки, борьба, стрельба из лука и др. наряду с культурными ресурсами, связанными с именем Чингисхана (мавзолей, храм Чингисхана), крупнейший ламаистский храм — монастырь Дажчао, монастырь У Дан, храм Пяти Пагод, гробница Ван Чжаоцзюнь составляют содержание культурных индустрий Северного региона КНР [12]. Особенностью региональных культурных индустрий АРВМ является закрепление за городами определенных культурных «брендов» разных эпох: г. Хух-Хото — культура династий Цинь, Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.), г. Фэнчжоу — XII в. и т.д.

В контексте трансграничного пространства ценности культурных индустрий представляет приграничный город Маньчжурия АРВМ, что формирует его особый материальный и духовный стиль. Основное нематериальное культурное наследие воплощается через «красный туризм» (посещение мест боевой и революционной славы). Другая специфика культурных индустрий связана со своеобразным ландшафтным дизайном. Географическое положение г. Маньчжурия сформировало в его пространстве наличие «видимых» черт культурной регионализации России в виде площади

«Матрешка», парка копий исторических российских памятников, что также является туристическим объектом. Для продвижения китайской национальной культуры и культурных индустрий в пространство приграничья стоит изучить опыт многонациональных провинций по созданию этнографических комплексов на территории региона. В целом, как считают специалисты, достижение цели «транснационализации» культурных индустрий Китая возможно путем осуществления серьезных инвестиций, внедрения современных технологий и завоевания международного рынка сбыта культурной продукции, обладающей национальной культурной ценностью (например, книги о природе, истории, человеке, национальных учениях) [13].

Ценности региональных культурных индустрий инкорпорируются в концепцию создания в культурном пространстве КНР «кластеров», являющихся инновационным компонентом в их развитии.

Различные субсекторы культурных индустрий: музыка, исполнительские искусства, изобразительные искусства, телевидение и т.д. интегрируются в местную экономику, социальную жизнь и политические институты. Они работают как «кластеры» (cluster – англ. «кисть, гроздь, пучок, куст») и обладают кумулятивным эффектом, который существенно влияет на развитие культуры.

Кластеры сосредоточены главным образом в крупных метрополиях. Поэтому собственно город и уровень урбанизации выступают базовыми факторами для развития сектора культурных индустрий. Определение уровня «творческой кластеризации» территории становится важным

показателем этого развития [14].

Помимо ядра, представляемого культурной индустрией (или несколькими индустриями), в кластер входят структуры, связанные с интеллектуальной, оригинальной, эстетически заданной продукцией, с организацией оценки и экспонирования творческой продукции (творческих услуг), а также смежные индустрии – поставщики и смежники (материальное, технологическое обеспечение и проч.) [15].

Творческие кластеры, существующие на территории КНР, отражают традиционные и исторические ценности нации. В настоящее время выделяются 6 кластеров: столичный (Пекин), дельта р. Янцзы (Шанхай, Сучжоу, Ханьчжоу), дельта р. Чжуцзян (Гуанчжоу, Шеньчжень), Чженьхай (Куньмин, Лицзян, Санья), Чуаньшань (Чэнду, Сиань), Центральная часть (Чанша) [16]. Они разделены по региональному и культурно-историческому принципу. Анализ ценностей кластеров может стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, культурные индустрии, являясь атрибутом современной культуры, способны через ценностное содержание – фундаментальные ценностные идеи традиционной китайской культуры реализовывать стратегию «мягкой силы» культуры во внутрирегиональных практиках КНР и в межкультурном взаимодействии. Усиление ценностного компонента укрепит позиции традиционной культуры Китая внутри страны и будет способствовать формированию имиджа КНР как глобальной культурной державы в системе международных отношений.

Литература

1. Оуян Цзянь. Зарождение новой силы в культурной индустрии на фоне финансового кризиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.china-business-today.ru/novosti-kitaya/>.
2. Мурзина И.Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/>.
3. Абрамова Н.А. Идеология и практика построения гармоничного общества – корректировка стратегического курса на глобальную регионализацию КНР // Вестник Читинского государственного университета: Вестник № 2 (43). – Чита: ЧитГУ, 2007. – С. 65-72.

4. 2010 нянь: Чжунго вэньхуа чаньхе фачжань баогао = 2010 год: Доклад о развитии культурных индустрий в Китае / Под ред. Чжан Сяомина, Ху Хуэйлиня, Чжан Цзяньгана. – Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. – 2011. – Кит. яз.

5. Ли Увэй. Чуань чанедэ сы тiao лудин хэ чанехуа моши = 4 условия и формы культурного строительства // Вэньхуа чуань чане. – 2009. – № 1. – С. 14-17. – Кит. яз.

6. Ши Вэйда. Цун вэньхуа чане тао чуани чане = Переход культуры строительства к инновационной индустрии // Вэньхуа чуань чане. – 2010. – № 2. – С. 8-10. – Кит. яз.

7. Кун Цзяньхуа. Бэйцзин вэньхуа чуань чань цзицзюйцзюй фачжань яньцзю = Развитие индустриальных кластеров в Пекине. – Бэйцзин: Шэкэ вэньсянь чубаньшэ. – 2007. – С. 123-140. – Кит. яз.

8. Хуан Наньцэ. Цзякуай хэнань вэньхуа чань шэн цзяньшэ дэ саньгэ чжунъяо веньти = Три главные проблемы усиления культурных индустрий провинции хэнань // сюэси юй шицзянь. – 2010. – № 7. – С. 24-47. – Кит. яз.

9. Чжэнь Чуаньчжун. Чуаньчэн цюйюй ичань юй тишэн вэньхуа чань цзинчжэнли = Передача регионального наследия и подъем конкурентноспособности культурных индустрий // Вэньхуа чуань чане. – 2009. – № 2. – С. 19-24.

10. Чжан Чжун, Ши Ибинь. Чуани чань шэ ся дэ вэньхуа чуансинь = Культурные инновации в контексте творческих индустрий // Вэньхуа чуань чане. – 2010. – С. 110-178.

11. Чжан Чжицзюнь. Бода сюнци цанцзин. Цяньтань Дунбэй Вэньхуа = Обширная, страстная и могучая. Поговорим о культуре Северо-Востока // Вэньхуа Цзунхэн, 2008. – С. 23-25. – Кит. яз.

12. Ли Пин. Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия (на примере автономного района Внутренняя Монголия КНР). – Чита: Поиск, 2008. – С. 167-188.

13. Ян Ханьчжун. Цзяньшэ чжунэ вэньхуа цзяожундэ бяньцзин коуань ченши = Строительство приграничного города с российско-китайской культурной спецификой // Бэйцзин гуйхуа цзяньшэ. – 2008. – № 2. – С. 55-58. – Кит. яз.

14. Ван Цици. Цзекай цзицзюнь гайнянь дэ куньхо – таньтань вого цюйюй дэ цзицзюнь фачжань веньти = Раскрытие понятия «кластер» – беседа на тему «развитие кластеров в Китае». – Бэйцзин: Кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. – 2006. – С. 2. – Кит. яз.

15. Зеленцова Е., Кузовникова Л. Творческий кластер: московское измерение // Творческие индустрии. Модель для сборки: сб. статей. – М.: Институт культурной политики, 2005. – С. 25-31.

16. Ай Цюнь. Вэньхуа чань цзицзюнь цзай сяньдай чань фачжань чжун дэ ии = Значение кластеров творческих индустрий в развитии современной индустрии // Чжунго вэньхуа бао. – 2009. – № 9. – С. 12-20.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Янь Шуфан, аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (30220) 41-65-04

Yan Shufang, post-graduate student Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: культурные индустрии, ценности, региональная культура

Scientific interests: Chinese cultural industries, values, regional culture

Филологические науки

УДК 811.512.111'366

Иванова Алена Михайловна
Alena Ivanova**ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ:
ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ****THE CASE SYSTEM OF THE CHUVASH
LANGUAGE IN COMPARATIVE AND
HISTORICAL ASPECT: THE DATIVE CASE**

Представлено изучение семантики и функций падежей в чувашском языке. Дана характеристика дательного падежа. Особое внимание уделено рассмотрению значений дательного падежа в работе Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса»

Ключевые слова: падеж, дательный падеж, семантика падежа, функции падежа, чувашский язык

The article continues the studying of case semantics and case functions in the Chuvash language. A brief historical and comparative survey of the dative case study is made. Special attention being paid to the N. Ashmarin's researches published in his work «the experience of Chuvash syntax investigation»

Key words: case, dative case, case semantics, case functions, Chuvash language

В современном чувашском языке дательный падеж оформляется аффиксом *-a* (*-e*). В ранних трудах долгое время функционировал термин «дательный-винительный падеж», так как тюркские два самостоятельных падежа – дательный и винительный – объединились в чувашском языке в один падеж. Даже после дискуссии по спорным вопросам грамматики чувашского языка (1953-1954 гг.) в научных и школьных учебниках сохранился термин «дательный-винительный падеж», что видно из работ И.П. Павлова, А.И. Иванова, Н.А. Андреева, но в трудах Л.П. Сергеева и В.И. Сергеева фигурирует уже только дательный падеж.

Достаточно полные сведения о дательном падеже в чувашском языке изложены в фундаментальном научном произведении Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса» [2], который не подвергался всестороннему специальному рассмотрению чувашских исследователей и

тюркологов.

Н.И. Ашмарин дательный-винительный падеж рассматривает как два самостоятельных падежа: дательный падеж (с дативной функцией) и винительный падеж (с аккузативной функцией). Он пишет, что «основное назначение дательного падежа – указывать предмет, к которому направлено известное действие, или предмет, который служит конечным пределом тому или иному действию. Поэтому целый ряд глаголов в чувашском языке требует после себя дательного падежа» [2; С. 148]. Таковы следующие глаголы: *кай* «уходить»; *яр* «посылать», *пыр* «идти, приходиться (туда)»; *кил* «идти, приходиться (сюда)»; *çуре* «ходить»; *çит* «достигать»; *кёр* «входить»; *тух* «выходить»; *тар* «убегать»; *ÿк* «падать»; *ывăт, пăрах* «бросать»; *пут* «погружаться, тонуть»; *юх* «течь»; *тумла* «капать»; *сăх* «впитываться (в что)»; *кӱл* «запрягать»; *чик* «всовывать»; *çыр* «писать»; *вит* «проникать»; *качча кай* «выходить замуж»; *хур*

«класть»; *улайх (хӑпар)* «подниматься».

Н.И. Ашмарин подчеркивает, что по причине сильно развивавшегося употребления послелогов многие идеи, передающиеся в других тюркских наречиях одним дательным падежом имени, в чувашском языке выражаются не простым дательным падежом, а дательным послелога. Среди этих послелогов автор перечисляет следующие: *си* «верх», *айш* «внутри», *пат* «близость»: *сӗтел сине* «на стол», *ял патне* «к деревне», *алса айше* «в рукавицу», *атӑ айше* «в сапог» [2; С. 154].

И.П. Павлов слова *си*, *айш*, *ай*, *пат* не включает в число послелогов, управляющих дательным падежом, таковыми являются только послелоги *кура*, *пула*, *сити*, *ситиччен*, *хирӗс* [6; С. 318].

По мнению В.И. Сергеева, перечисленные Н.И. Ашмариным формы *си*, *ай*, *айш*, *пат* не полностью превратились в послелоги, ибо они еще способны принимать аффиксы лица (принадлежности), например, в местном и исходном падежах: *патӑмра(н)*, *айшӑмра(н)*, *айӗнче(н)*, *сийӗмре(н)* [7].

Согласно Н.И. Ашмарину, «дательновинительный падеж в чувашском языке принимает окончания *-лла* (*-лле*) для обозначения направления действия: *киле* «в дом» – *килелле* «по направлению в дом» [2; С. 129].

С этимологической точки зрения аффикс *-алл* (*-елл*) восходит к самостоятельному слову тюркского происхождения *ал* «сторона». Данное слово сохранилось в современном чувашском языке в композитах *хысал* «задняя сторона», *тӗпел* «передняя сторона избы», *сиел* «поверхностная сторона», а также в словах *мал* «передняя сторона» < *ум* «перед» + *ал* «сторона», *шал* «внутренняя сторона» < *айш* «внутренность» + *ал* «сторона». В силу вышеуказанного, В.И. Сергеев допускает, что аффикс дательного падежа примыкает постпозиционно к форме *-ал(л)*, *-ел(л)*, а не препозиционно, как утверждают другие [7]. Действительно, например, в татарском языке имеется имя существительное *ал* со значением «перед, передняя часть (сторона, край); передок,

фасад».

Подробно рассматривая значения дательного падежа, Н.И. Ашмарин пишет, что «данный падеж указывает на пространство, на которое распространяется то или другое действие; кроме того, в этом падеже ставится обозначение меры расстояния, до пределов которого достигает движение предмета, а также название места, до которого высчитывается расстояние от какого-либо другого пункта:

Вӗсен кайӑк суначӗ вӑртлатнӑ чух унӑн сасси таврана янӑрат «Когда шумят крылья (летающей) птицы, то шум от них разносится кругом (по окрестности)» [2; С. 181].

Если именами выражаются цель действия или назначение и употребление предмета на что-либо, то они ставятся в форме дательного падежа: *акана кай* «идти на пашню», *утта тух* «выходить на сенокос».

В дательном падеже ставят название цены при глаголах *покупать*, *продавать*: *Эсӗ лашӑна мӗн хака илтӗн?* «За сколько ты купил свою лошадь?».

Если означают правильно повторяющиеся промежутки времени или пространства, за которые что-либо выполняется периодически в равных количествах, то наименование меры времени и пространства полагается в дательном падеже с суффиксом 3-го лица: *Якурӑн кӗрӱшӗ сӗлтӑлӑкне пин тенкӗ ытла илет*, *тет* «Говорят, что зять Егора получает более тысячи рублей в год»; *Эпир кунне виӗӗ хут чей ӗсетпӗр* «Мы пьем чай три раза в день». Н.И. Ашмариным такие примеры названы «дательный падеж для обозначения периодичности действия».

В дательном падеже ставится название действующей причины, однако подобное употребление этого падежа в чувашском языке не развилось и сохранилось лишь в немногих выражениях: *сивве шӑн* «озябнуть, мерзнуть от холода»; *айшиша пиӗ* «покрыться испариной»; *ӗсе пиӗнӗ сын кирлӗ* «нужен человек, хорошо привыкший к работе».

Дательный падеж может также показывать, в каком отношении проявляется

то или иное качество предмета: *Ёсе семсе пулминччѣ* «Не оказалась бы вялою в работе» (речь идет о снохе. – А.И.).

Дательный падеж этики встречается при местоимениях: *Мана этем тени каймаллй пултър* «По-моему, человек должен быть добрым».

Н.И. Ашмарин в своем «Синтаксисе» много места уделил вопросу употребления аффиксальной и безаффиксальной форм дательного и винительного падежей. Например, безаффиксальные формы косвенного и прямого дополнения и обстоятельства типа *кёр карта!* «войди в хлев!», *ил ура!* «возьми ногу!», *анне каяс* «вернуться к матери» в «Синтаксисе» Н.И. Ашмарина отнесены к дательному-винительному падежу, хотя приведенные примеры являются формами основного (именительного) падежа; в дательном падеже они должны принимать следующий вид: *кёр картана*, *ил уруна*, *анне патне каяс*.

Н.И. Ашмарин это явление объясняет отбрасыванием окончания падежа в целях краткости и выразительности речи: *Тёрр! Кёр карта!* «Тр-ря! Иди в хлев!». Во всех подобных выражениях аффикс падежа отбрасывается, по мнению автора, как бы в тех соображениях, что при откидывании побочных наращений, каковыми в данном случае являются падежные аффиксы, речь становится более понятною тем несмысленным существам, к которым она обращена [2; С. 470].

Подчеркнем, что в современном чувашском языке безаффиксальная форма дательного-винительного падежа рассматривается как форма основного падежа.

И.П. Павлов указывает на сочетаемость форм дательного-винительного падежа с глаголами и утверждает, что данный падеж обозначает:

1) косвенный объект (при этом форма дательного падежа сочетается с глаголами речи (*кала* «говорить», *пёлтер* «сообщить», *хуш* «добавить»), глаголами эмоции (*айсан* «испытывать зависть», *халсан* «завидовать»), глаголами *пар* «дать», *сут* «продавать», *туян* «покупать», *парнеле* «дарить», *пер* «кидать», *сёр* «мазать», *яр*

«пустить»;

2) прямой объект (в сочетании с переходными глаголами): *Кёвентине утланса ача вылять лашалла* «Ребенок, сажаясь верхом на коромысло, играет в лошадки»;

3) цель (с глаголами движения): *акана кай* «идти на пашню»; иногда значения цели, места, объекта сливаются вместе: *пулла суре* «ходить на рыбалку»;

4) изредка слова в дательном падеже могут выражать значение причины: *сивве шайнтъм кёрёксёр* «озяб(ла) без шубы»;

5) время совместно со словами *сул* «год», *сёр* «ночь», *каш* «вечер»: *Пёр сульне кёр пит вяръм килчѣ* «В один год осень обернулась долгой»;

6) цену и меру предмета, события и времени: *вътър пилёк пуса* «за 35 копеек»; *пёр саманта*, *пёр тапхара* «в одно мгновение» [6; С. 104-106].

И.П. Павлов подчеркивает, что форма дательного падежа используется в устойчивых выражениях: *качка тух* «выйти замуж»; *ухмаха пер* «прикидываться дурачком»; *хёве хуп* «закрывать в клетку на ночь молодоженов». Автор заметил еще одну особенность употребления формы дательного падежа; по его мнению, эта особенность характеризуется по формуле: основа слова + форма выделения с аффиксом *-и* + форма дательного падежа: *Рабочине рабочи сес те...* «Рабочий-то он рабочий...» [6; С. 106-107].

А.И. Иванов основным значением дательного-винительного падежа считает обозначение определенного прямого объекта, из частных значений он указывает на следующие:

а) конечный пункт или предел в пространстве, времени, числе: *Въл хулана*, *пасара кайнъ мён* «Должно быть, он поехал в город на базар»; *Каша ан юлър* «Не оставайтесь до вечера»; *Петёр вунна ситрѣ ёнтѣ* «Петру уже исполнилось десять лет»;

б) косвенный объект: *Кантюк ханасене курка тытма сёнчѣ* «Кантюк предложил гостям взять в руки ковши».

Дательный падеж редко употребляется для выражения цели (*Ачасем сырлана кайнъ* «Дети пошли за ягодами») и отноше-

ния (*Чѣлхе-савара сивѣч* «Востер на язык»).

В.А. Андреев, исследуя значения дательного падежа, дает его общую характеристику не только в чувашском, но и в некоторых тюркских языках [1; С. 60-62]. В целом, все исследователи, начиная с Н.И. Ашмарина, в том числе и В.А. Андреев, утверждают, что во всех позициях дательного-винительный падеж в современном чувашском языке оформлен единым показателем: после основ, оканчивающихся на согласный – аффиксом *-a(-e)* и после основ на гласный – аффиксом *-на (-не), -йа (-йе)*. Но И.П. Павлов утверждает, что дательного-винительный падеж имеет единый показатель *-a(-e)*. Его мнение поддержали Л.П. Сергеев и В.И. Сергеев. Действительно, у дательного падежа нет других оформителей, *(-н), (-й)* – это вставочные элементы после гласных основ.

В.А. Андреев, как и Н.И. Ашмарин, дательного-винительный падеж делит на две части: объектный и направительный падежи. Он отмечает, что «дательного-винительный (направительный) падеж характеризуется наибольшей многозначностью в системе чувашского склонения» [1; С. 72] и выявляет системные отношения между различными значениями дательного-винительного (направительного) падежа: «имя существительное в дательного-винительном (направительном) падеже, сочетаясь с глаголами движения, в речи может выступать не только как форма обстоятельства, но и как форма объекта, в направлении которого совершается действие» [1; С. 72].

Между тем, З.Г. Ураксин в «Грамматике современного башкирского языка» пишет, что винительный падеж выполняет функцию прямого дополнения и в этой позиции соотносится с основным падежом, отличаясь, однако, от него по выражению категории определенности (неопределенности)» [3; С. 138]. Если в чувашском языке аффикс винительного и дательного падежа один и тот же, то в башкирском языке они не совпадают (аффиксы винительного падежа: *-ны (-не), -зы (-зе), -ты (-те), -ды (-де)*; аффиксы дательного падежа: *-ға (-ғә), -ка (-кә)*).

Значений (функций) винительного падежа, по данным З.Г. Ураксина, гораздо меньше, чем дательного. Дательный падеж в башкирском языке отличается многозначностью и широкой сочетаемостью с именами, глаголами, модальными словами, послелогами и другими, имея самостоятельные и обусловленные значения. Заметим, что такую же широкую сочетаемость показал в своем «Синтаксисе» (вернее, морфосинтаксисе. – А.И.) Н.И. Ашмарин.

Многозначность дательного падежа в башкирском языке доказывается многочисленными примерами, использованными в разных контекстах:

1) дательный падеж обозначает направленность действия к объекту: *машинаға ултырыу* (ср. чув. *машинăна* (дат. п.) *лар*) «сесть в машину»;

2) адресатно-целевое значение выражается дательным падежом, управляемым именами с конкретным или отвлеченным значениями: *энэйгә хат* (ср. чув. *аннене* (дат. п.) *сыру*) «письмо маме»;

3) обстоятельство-целевое значение выражается при сочетании с глаголами абстрагированного действия: *бурыска биреу* (ср. чув. *парăма* (дат. п.) *кёр*) «дать в долг»;

4) при сочетании с глаголами движения дательный падеж имеет собственно направительное значение, показывает пространственный предел, конечный пункт движения: *калаға барыу* (ср. чув. *хулана* (дат. п.) *кай*) «поехать в город»;

5) дательный падеж обозначает протяженность во времени, срок, или предел действия во времени: *айға китеу* (ср. чув. *уйăхлăха* (дат. п.) *кай*) «отправиться на месяц»;

6) формой дательного падежа выражается цель действия (обстоятельство цели): *балыкка барыу* (ср. чув. *пулла* (дат. п.) *кай*) «пойти на рыбалку» и др.

В русском языке дательный падеж имеет значения:

1) объектное: *сочувствовать другу* (ср. чув. *тусна* (дат. п.) *хёрхен*); *дать (книгу) ученику* (ср. чув. *кёнекене* (дат. п.) *вёренекене* (дат. п.) *пар*); 2) компле-

тивное: *прибегнуть ко лжи* (ср. чув. *суй* (букв. *суя патне* (дат. п.) *пыр*); 3) объектно-комплетивное: *ненависть врагу* (ср. чув. *тӑшмана* (дат. п.) *кураймани*).

II. 1) собственно-характеризующее (определяющее): *работать по графику* (ср. чув. *графикна* (твор. п.) или *графика* (дат. п.) *пӑхӑнса ёсле*); 2) обстоятельственно-характеризующие (обстоятельственные): а) локальные: *ходить по лесу* (ср. чув. *вӑрманта* (мест. п.) или *вӑрманна* (твор. п.) *сӳре*); б) темпоральное: *вернуться к утру* (ср. чув. *ир енне* (дат. п.) или *ирне* (твор. п.) *таврӑн*); в) каузальное: *демобилизироваться по ранению* (ср. чув. *аманине* (твор. п.) или *аманӑран* (исх. п.) *демобилизацлен*); г) квантитативное: *пропадать по неделям* (ср. чув. *эрни-эрнине* (твор. п.) *сӳхалса пурӑн*); д) целевое: *сберечь (что-н.) к обеду* (ср. чув. *кӑнтӑрлахи апата* (дат. п.) *хӑвар*).

Винительный падеж имеет значения:

I. 1) объектное: *любить отца* (ср. чув. *асуна* (дат. п.) *юрат*); 2) комплетивное: *превратиться в скрягу* (ср. *хыт кукара* (дат. п.) *тух*); 3) объектно-комплетивное: *принять (кого-н.) за друга* (ср. *тус вырӑнне* (дат. п.) *йышӑн*).

II. 1) собственно-характеризующее (определяющее): *билет на концерт* (ср. чув. *концерта* (дат. п.) *каймалли билет*); 2) обстоятельственно-характеризующие (обсто-

ятельственные): а) локальное: *погружаться в воду* (ср. чув. *шыва* (дат. п.) *пут*); б) темпоральное: *гулять в дождь* (ср. чув. *сумӑрта* (мест. п.) *уӑӑлса сӳре*); в) квантитативное: *стоит рубль, оценить в рубль* (ср. чув. *тенке* (дат. п.) *ларать* или *пӑр тенке* (дат. п.) *хакла*); г) каузальное: *сердитый за обман* (ср. *ултавишӑн* (прич.-цель. п.) *силлен*); д) целевое: *сдать в монтаж* (ср. чув. *монтажа* (дат. п.) *пар*); е) возмездительное: *работа за товарища* (ср. *юлташишӑн* (прич.-цель. п.) *ёслени*).

Как видно из примеров, указанные в «Русской грамматике» значения дательного падежа во многих случаях совпадают со значениями чувашского датива. Значит, данные значения русского дательного падежа есть и в чувашском языке, но никто из чувашских лингвистов, кроме Н.И. Ашмарина, их подробно не описывал.

Таким образом, Н.И. Ашмарин представил значения дательного падежа в самом развернутом виде, делая «примечания» почти в каждом параграфе с разносторонним охватом примеров. Он наметил основные вехи семантики дательного падежа в чувашском языке и показал, как возникают новые семантические оттенки данного падежа. Многочисленность примеров у Н.И. Ашмарина говорит о многообразии контекстов употребления форм дательного падежа и о его многозначности.

Литература

1. Андреев В.А. Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения в чувашском языке. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. — 66 с.
2. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. — Казань: Типо-литограф. В.М. Ключникова, 1903. Ч. 1. — 573 с.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. — М.: Наука, 1981. — 495 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 768 с.
5. Иванов А.И. Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Вып. 39. — Чебоксары, 1969. — С. 106-126.
6. Павлов И.П. Современный чувашский язык: Морфология. — Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1965. — 343 с.
7. Сергеев В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. — 299 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Иванова А.М., канд. филол. наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет (г. Чебоксары)
amivano@rambler.ru

A. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Chuvash linguistics and oriental studies department, Chuvash State University (Cheboksary)

Научные интересы: морфосинтаксис, чувашский язык, сравнительно-историческое, сопоставительное языкознание

Scientific interests: morphosyntax, Chuvash language, comparative and historical linguistics

УДК 71.0

Казакова Елена Юрьевна
Elena Kazakova

МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ «МОЛЧАНИЕ»

METALANGUAGE OF THE DESCRIPTION OF THE CATEGORY «SILENCE»

Рассматривается функционирование категории «молчание» в исторические эпохи развития России. Автор обобщает научный материал по обозначенной теме, формулирует свою позицию в отношении данной категории

Ключевые слова: категория, знаковость, модель культуры, текст культуры

This article discusses functioning of the category «silence» in historical periods of the development of Russia. The author summarizes scientific material and formulates his position in relation to this category

Key words: category, singnness, model of culture, text of culture

Молчание как форма духовного опыта, как феномен «предсловия», «надсловия», как особая категория смысла, очерченная границей материального языка, функционирует в семиотической системе культуры мира. В разных лингвокультурных социумах она проявляет себя по-своему, соответственно уровню развития модели культуры. Однако бесспорным представляется то обстоятельство, при котором ясно, что возникший в XX в. научный интерес к данному феномену не только не исчерпал себя научными работами по обозначенной теме, но и подготовил почву для более детального исследования.

Молчание стоит в ряду феноменов, находящихся в центре интересов современной философии. Необходимость обращения к данной категории связана, по мнению исследователей [Хайдеггер, Эпштейн, Арутюнова, Михайлова, Богданов, Бибих и др.], с возможностью молчания вызволить язык из кризиса пустозвучия, вернуть культуре равновесие, наполнить человеческий мир бытийностью. Охваченный процессами глобализации, техническим прогрессом человек меньше задумывается над действительностью, созданной «впопыхах» сказан-

ным Словом, только небольшое количество народов сохранили формативную функцию языка, языка, рожденного из молчания.

Задачей данной статьи является обобщение научного материала по теме «молчание», формулирование авторской позиции в отношении описываемой категории.

Существование большого количества текстов, содержащих описание, отношение людей к молчанию в российской культуре доказывает значимость данного феномена в модели культуры и создает необходимость в изучении и описании. Молчание как категория духовного опыта, особого способа познания мира не является статичной, отношение к ней меняется, и категория приобретает функции, смыслы. Наиболее яркие изменения в интерпретации молчания наблюдаются, на наш взгляд, при анализе следующих исторических эпох: Древняя Русь, Петровская Россия, Страна Советов, Современность.

Многие исследователи называют Древнюю Русь эпохой молчания. По мысли Георгия Федотова, Древняя Русь бедная и убогая в своих образовательных средствах, отличается немотой выражения самого глубокого и святого в своем религиозном

опыте [Федотов, С. 307]. Философ Г. Флоровский отмечает: «с изумлением переходит историк из возбужденной и часто многоглаголивой Византии на Русь, тихую и молчаливую. <...> Эта невысказанность и недосказанность часто кажется болезненной» [Флоровский, С. 503]. Н. Бердяев пишет о безмыслии, безмолвии допетровской Руси [Бердяев, С. 8]. Однако, на наш взгляд, Молчание Руси было вполне закономерным, т.к. и для рождения Слова, и для становления иной действительности необходимы глубокие мыслительные и духовные процессы, связанные с молчанием. На материальном уровне людям не приходилось объясняться и что-то доказывать, Слово было полновесным, значимым, «рождало» мир. Необходимость в разъяснениях появилась в петровскую эпоху, когда царь прорубил окно в Европу, впуская иное мировосприятие. По-мнению М.Н. Эпштейна, петровские реформы развязали язык России, подарили ей новую интенциональность образованного, светского разговора и изящной словесности [Эпштейн, С. 181]. Информативная функция русского языка усилилась, не утратив при этом формативную. В языке появились иноязычные слова, называющие предметы других ментальных миров, поэтому в их образовании не требовалось молчание. В Советской России значимость категории *молчание* понимали немногие, лишь те, кто создавал лозунги, заглушая мысль личности, не допуская единения человека с сами собой, со своим внутренним. Молчание приобрело значение умолчания, скрытой угрозы, поэтому открывался нескончаемый поток слов, порождающий оборванные фразы, оторванные от мыслей слова. Советская идеология, по мнению М.Н. Эпштейна, на все сто процентов использует магическую функцию языка заговаривать предмет, приклеивать к нему кличку и бесконечным повторением придавать ей (кличке) видимость бытия. Оттого так вампирически «кипит и трепещет» слово, что в него перешла жизнь предмета, а сам он заглох и умер [Эпштейн, С. 181]. В пример сказанному исследователь приводит рассказ В. Сорокина «Геологи»,

в котором описывается ситуация выбора между спасением товарищей и сохранением добытых с трудом образцов. Наконец, самый опытный высказывает по просьбе товарищей свое мнение:

«— Оценивая сложившуюся ситуацию, мне кажется, что надо просто прочумарить фонку.

В наступившей тишине Алексеев качнул головой и по его лицу пробежало выражение восхищения:

— А ведь верно...как я не додумался...»

Вслед за своим магом-наставником геологи хором повторяют:

«— Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление

— Мысль, мысль, мысль полокурый вотлок» [Сорокин, С. 30].

Оторванность мысли и предмета от слова нарушают структуру знаковости и приводят к пустотному произношению непривязанных к действительности слов. Люди повторяют сочетания букв, удаляясь от духовного внутреннего молчания. Слово, забытое молчание превращается в фикцию. Молчание стало привилегией власти. Интересно замечание М.Н. Эпштейна о том, что словом в советское время пользовались как успокоительным средством. Под неумолчный идеологический шум происходили расстрелы 1930-1950 гг. Говорить, чтобы не думать, чтобы не оказаться наедине с молчанием, не проанализировать содеянное. Так, в рассказе Д. Хармса «Григорьев и Семенов»:

Григорьев (ударяя Семенова по морде): Вот вам и зима наступила. Пора печи топить. Как по-вашему?

Семенов: По-моему, если серьезно отнестись к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно пора затопить печку.

Григорьев (ударяя Семенова по морде): А как по вашему, зима в этом году будет холодная или теплая?

Семенов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, зима будет холодная. Если лето дождливое, то зима будет холодная.

Григорьев (ударяя Семенова по морде): А вот мне никогда не бывает холодно.

И т.д., вплоть до развязки:

Григорьев (ударяя Семенова каблуком по морде): Говори, говори! Послушаю.

Семенов (валится на спину): Ох!

Таким образом, только междометие связано с происходящим и отражает действительность. Остальные слова, существуя мгновения, пролетают свою собственную траекторию, не оставляя следа. Тема погоды — семантически нулевая степень социального общения [Эпштейн, С. 192].

Пустословие, перевоплощающееся в тишину, в стране советов потеснило молчание, однако не вытеснило, а уплотнило данную категорию. С переходом из советской эпохи настойчивого провозглашения лозунгов-внушений населению в неназванный мир, властями определяемый как демократическая Россия, интерес к категории молчания рос и становился все более научно оформленным. Интересно заметить, что «молчание» стало объектом научных рассуждений, главным героем художественной литературы в кризисный переходный период, когда люди поняли, что за неосмысленными, механически заученными лозунгами и идеологическим шумом — пустота, что тишина заполнила большую часть пространства окружающей их действительности.

Ранее молчание было неотъемлемой частью жизни, однако, когда данную субстанцию попытались вырвать из повседневной жизни людей, молчание, приобретающее новые смыслы, становится привилегией теперь уже людей науки и творчества. Ученые разных сфер научного познания определяли молчание как способ познания мира, как риторическую фигуру, как особый прием в обучении, как отрицательный способ существования текста, как нулевой семиотический знак и т.д. Так, молчание рассматривается в философско-культурологических исследованиях С.С. Аверинцева, К.Г. Исупова, К.С. Пигрова. Герменевтический подход к молчанию осуществляется в работах В.В. Бибихина, М.К. Мамардашвили, Л.М. Моревой. П.П. Гайденко проводит историко-философский анализ молчания; С. Киркегора. С.С. Хоружий и Т.М. Горичева рассматривают

феномен молчания с религиозно-философских позиций. Ю.М. Лотман проводит семиотическое исследование молчания. В.А. Подорога реализует феноменологический подход к проблеме. Следует отметить ценность ряда зарубежных исследований. Теологический аспект молчания затронут в работах Д. Бонхоффера, К. Барта, Д. Робинсона, П. Тиллиха. Молчание актуально для эстетических концепций Т. Адорно и М. Мерло-Понти. Постструктуралистский и постмодернистский подход к молчанию осуществляется в работах Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, У. Эко. Экзистенциальная значимость молчания актуализирована в исследованиях Ж. Батая, М. Бланшо, М. Бубера, Э. Левинаса, К. Ясперса. Л. Витгенштейн затрагивает логико-гносеологическую проблематику, связанную с молчанием. Социально философский анализ этого феномена проводит Э. Ноэль-Нойман. Онтоэстетический смысл молчания исследует М. Хайдеггер.

Описанию ситуаций функционирования молчания посвящены работы лингвистов, культурологов, философов, педагогов, психологов, но, на наш взгляд, по причине трудностей в определении границ и обозначении объема семантики «молчания» отсутствуют комплексные работы по осмыслению данного феномена. Нами субстанция «молчание» определяется как антропологическая семиотическая категория философии, функционирующая в моделях культур и выполняющая роль кода при анализе текста, модели культуры.

В пространстве модели культуры существует определенный набор значимых для нее категорий, которые в совокупности являются кодом для познания изучаемой модели культуры. По мысли И.И. Кального, категории — предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи, и отношения бытия в мире; форма и организующий принцип мышления [Кальной, Сандулов, С. 109]. Познание мира через призму значимых категорий позволяет, с одной стороны, обобщить сущность по-

нятия, знаки, тексты моделей культуры, с другой, увидеть различия в мировосприятии представителей разных культурных моделей. Истоки понимания категорий как характеристик бытия находятся в трудах Аристотеля. Так, философ древности выделил десять типов категорий-высказываний о сущем: субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание. Становление единичной реальности есть ее выделение из нерасчлененного бытия чистой возможности и обособления ее как самостоятельной реальности. Все десять категорий имеют свою онтологическую укорененность в том смысле, что они имеют свое объективное содержание.

Смысл онтологического понимания категорий заключается в том, что они составляют особую часть объективной реальности. По Аристотелю, категории — это компоненты «активной формы», обеспечивающие формообразование пассивной «материи». Знающий категории может проследить процесс расчленения сущего бытия до конкретного, исследовать развитие от чистой возможности до сущности, отделить сущность от всего мнимого и иллюзорного [Канке, С. 103].

В исследованиях Канта категории рассматриваются как инструмент упорядочивания информации о мире. Рассудочное мышление как компонент процесса познания обладает категориями. Кант выделяет четыре вида категорий, каждый из которых обладает третичной структурой: категории количества (единство, множественность и целостность); категории качества (реальность, отрицание и отграничение); категории отношения (самостоятельность и принадлежность, причина и действие, взаимодействие как отношение между действующим и страдающим); категории модальности (возможность и невозможность, существование и несуществование, необходимость и случайность). По Гегелю, категории это инструмент познания Абсолютной идеи, воплощения идеи в действительность [Канке, С. 106]. В современном гуманитарном познании нет односторон-

него понимания определения категории. Так, исследователи в рамках когнитивной лингвистики определяют понятие концепт и категория как синонимы. З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, Е.А. Пименов, М.В. Пименова выделяют группы концептов или категорий культуры среди них: универсальные категории культуры (философские категории — время, пространство, причина, следствие, изменение, движение, количество, качество); социально-культурные категории: свобода, справедливость, труд, богатство (для русских — достаток), собственность (которая в русском языке обозначается и как частная, и общественная, и общинная, т.е. выражается описательно, а в английском языке частная собственность обозначается одной лексемой — *privacy*); категории национальной культуры (для русской культуры — это воля, доля, соборность, душа, дух); этические категории (добро и зло, долг, правда и истина); мифологические категории, включающие в себя религиозные (боги, ангел-хранитель, духи, домовый) [Кальной, Сандулов, С. 99].

В философском словаре категории обозначены как фундаментальные понятия, формы мысли, типы связи субъекта и предиката в суждении, устойчивые способы предикирования, существующие в языке, составляющие условия возможности понятного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий [Новая философская энциклопедия, С. 345]. Категории культуры по А.Я. Гуревичу — это набор основополагающих для данной культуры понятий, образующих в совокупности модель реальности, характерную для данной конкретно-исторической эпохи. Придерживаясь трактовки культуры как знаковой системы, историк и культуролог, А.Я. Гуревич предложил рассматривать категории культуры как ее базисные понятия. К категориям культуры ученый относит такие как: пространство, время, судьба, богатство, труд, жизнь и т.д. При этом в каждой модели культуры особенный набор категорий, уровень степени значимости категорий культуры зависит от уровня разви-

тия представителей данной модели культуры. Набор категорий отражает специфику модели культуры, а также служит системой координат для познания культуры. Категории культуры отражают многообразие наличных форм духовно-практического освоения мира и не тождественны доминирующим религиозным, философским или идеологическим установкам [Гуревич, С. 203]. Значимость категории культуры можно определить по ее репрезентации в культурных текстах разного уровня. Так, категория молчание отражается в текстах разного уровня: научные исследования, музыкальные композиции, изобразительное искусство, религиозные обряды и др.

Согласно классификациям, феномен

«молчание» следует отнести к универсальным категориям философии, характеризующим смыслы человеческого бытия. «Молчание» — категория бытийного мира человечества, т.к. только человек анализирует феномен как знак к действию. В каждой существующей модели культуры категория «молчание» развивается и проявляется по-своему, следовательно, обозначенная категория имеет специфические для моделей культур свойства.

Таким образом, молчание, будучи неотъемлемой частью культуры мира, плотно вошла и функционирует в пространстве российской модели культуры, отражая развитие культуры, исторические процессы.

Литература

1. Феномен молчания / Язык о языке. — Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. — М., 2000.
2. Барт Р. Нулевая степень письма: собр. сочинений. — М., 2008.
3. Бахтин М.М. Из записей 1970-71 гг. // Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
4. Бибахин В.В. Язык философии: монография. — М., 1993.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры: монография. — М., 1988.
6. Кальной И. И., Сандулов Ю. А. Философия для аспирантов: учебник. — Под ред. И.И. Кальной; 3-е изд., стер. — СПб., 2003.
7. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия: учеб. пособие для аспирантов. — М.: Логос, 2000.
8. Каравкин В.И. Идеальная модель культуры: Антропология // Новые исследования. — М.: ОГИ, 2010.
9. Кармин А.С. Культурология: учеб. пособие. — СПб., 2010.
10. Кнабе Г.С. Семиотика культуры: учеб. пособие. — М., 2005.
11. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Алфавит общения: учеб. пособие. — М., 2009.
12. Лотман Ю.М. Семиосфера: Статьи. Исследования. Заметки. — СПб., 2000.
13. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. — СПб., 2002.
14. Новая философская энциклопедия, Е-М Т. 2. — Под ред. В.С. Степина, Г.Ю. Семгина. — М., 2001.
15. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. — 2-е изд. — М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
16. Сорокин В. Первый субботник: собр. соч. — М., 2001.
17. Успенский Б.А. Семиотика искусства. — М., 1995.
18. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. — СПб., 1991.
19. Философия: энциклопедический словарь. — Под ред. А.А. Ивина. — М., 2006.
20. Флоровский Г. Пути русского богословия: статья. — Париж, 1988.
21. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы: учеб. пособие для вузов. — М.: Высш. шк., 2006.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Казакова Е.Ю., аспирантка, ст. преподаватель кафедры ТиПЛ, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 35-91-13

E. Kazakova, postgraduate, senior teacher of theoretical and applied linguistics department, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: семиотика, культурология, лингвокультурология, лингвистическая антропология

Scientific interests: semiotics, cultural science, linguistic cultural science, linguistic anthropology

---

УДК 821-31:821.161.1-31

Матвеевко Ирина Алексеевна
Irina Matveenko

ПОЭТИКА ПЕРЕВОДА СОЦИАЛЬНО-КРИМИНАЛЬНОГО РОМАНА У. ГОДВИНА «КАЛЕБ ВИЛЬЯМС» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

THE POETICS OF TRANSLATION INTO RUSSIAN OF SOCIAL CRIME NOVEL «CALEB WILLIAMS» BY WILLIAM GODWIN'S

Представлен анализ перевода романа У. Годвина «Калеб Вильямс» на русский язык, который демонстрирует противоречивые тенденции, наблюдаемые в русском обществе и литературе того времени. С одной стороны, переводчик стремится показать все художественное своеобразие подлинника, прибегая к буквальному переводу, примечаниям, транслитерации и т.д. С другой – текст перевода отражает процесс ученичества, свойственный русской прозе конца 1830-х гг., когда происходило формирование канонов романного повествования, и русский переводчик пытался переосмыслить и по-своему преподать иноязычный текст русскому читателю. Очевидна попытка сгладить острую социальную проблематику английского романа, снизить обличительный пафос повествования, что также свидетельствует о сложной общественной ситуации в данный период литературного развития

Ключевые слова: перевод, социально-криминальный роман, конфликт, буквальный перевод, главный герой, композиция, образ повествователя

The article presents the analysis of W. Godwin's novel «Caleb Williams» translation into Russian. It shows the opposite tendencies in the Russian and literature of that time. On the one hand, the translator tried to render the novel's peculiarities using word-for-word translation, remarks, transliteration etc. On the other hand, the text of translation reflects the process of apprenticeship in the Russian prose at the end of the 1830's, when canon formation of the novel narration took place. The Russian translator tried to interpret and render in his own words the foreign text for Russian readers. The tendency to smooth the social problems of the English novel and to decrease the prosecutorial zeal in the narration is also obvious, that is explained by the complicated social situation in the given period of the literature development

Key words: translation, social-criminal novel, conflict, word-for-word translation, main hero, composition, narrator's image

Роман «Вещи как они есть, или приключения Калеба Вильямса» (Things as they are, or the Adventures of Caleb Williams), написанный У. Годвином в 1794 г., заложил, по сути, основы для последующего развития жанра социально-криминального, а затем и детективного романа не только в Англии, но и за рубежом, хотя относительно жанра самого романа Годвина исследователи не пришли к единому мнению, называя его психологическим, политическим, социаль-

ным, судебным, уголовным, детективным в силу содержащихся в нем разнообразных жанровых элементов и сложной романной тематики и проблематики произведения. Каноны, разработанные Годвином в его романе, активно использовались в дальнейшем авторами ньюгейтских и сенсационных романов.

Центральный конфликт «Калеба Вильямса» — это противостояние между главным героем Калемом, сыщиком-любителем и

его хозяином Фольклендом, совершившим преступление. Сюжетная линия такова: будучи секретарем Фолькленда, Калев случайно узнает о преступлении. Необузданное любопытство толкает его на дальнейшее расследование, в результате которого вина Фолькленда оказывается доказанной. Но Фолькленд ради сохранения родовой чести предпочитает заключить своего слугу в тюрьму по ложному обвинению. Калев бежит из тюрьмы, однако преследования Фолькленда продолжаются до тех пор, пока главный герой не решается прийти в суд и публично обвинить хозяина в совершенном преступлении. Во время своих скитаний по стране Калев встречается с людьми самых разных сословий и профессий, скрывается в шайке воров, занимается разнообразными ремеслами, в том числе и литературным.

Показательно, что основные элементы «Калеба Вильямса» как самостоятельной жанровой модели социально-криминального романа переданы в переводе на русский язык, опубликованном в 1838 г. отдельной книгой. Как известно, это были годы, когда романский жанр проходил этап своего становления, в связи с чем зарубежные произведения вызвали у русских литераторов особый интерес, обусловленный, с одной стороны, переходом в русской литературе от романтизма к реализму, с другой стороны, процессом активного становления русской прозы, которая прежде считалась «низким» родом литературы. В поисках путей к прогрессивному развитию прозы в России все чаще обращались к творчеству зарубежных прозаиков, чьи произведения не только переводились, но и подвергались глубокому критическому анализу. В числе таких произведений оказался и роман Годвина, изданный в типографии А. Смирдина.

Общий анализ перевода романа выявляет тенденцию к буквальному переводу произведения, которая была весьма популярна в 1830-е гг. Несмотря на излишнюю многословность перевода, которая впоследствии получила много нареканий со стороны русской критики, переводчик почти не сокращал текст, стараясь передать все своеобразие подлинника.

Положенный Годвином в основу действия конфликт воплощается в противостоянии главного героя — любителя-сыщика Калеба сначала преступнику Фолькленду, а затем — всему обществу. В целом при переводе острота конфликта оказалась передана, однако пафос произведения донесен до русских читателей лишь частично, т.к. переводчик решил исключить из текста романа ряд довольно важных сцен, где поднимаются проблемы преступления и наказания. Так, Раймонд, предводитель шайки воров, раздражается тирадой в ответ на предложение Калеба прекратить преступный промысел и начать честную жизнь. Она оказалась не переведена, хотя очевидно, что автор вкладывал в нее большой смысл: *«Those very laws, which by a perception of their iniquity drove me to what I am, preclude my return. God, we are told, judges of men by what they are at the period of arraignment, and, whatever be their crimes, receives them to favour. But the institutions of countries that profess to worship this God, admit no such distinctions. They leave no room for amendment, and seem to have a brutal delight in confounding the demerits of offenders»* [4; С. 227-228] — Дословный перевод: *«Те самые законы, восприятие несправедливости которых привело меня к тому, что я есть, исключают мое возвращение. Бог, как нам говорят, судит людей по тому, как они поступают в момент обвинения, и, какие бы ни были их преступления, получают его благодать. Но институты стран, которые исповедуют преклонение перед этим Богом, не принимают таких различий. Они не оставляют никакой возможности для исправления и, кажется, получают жестокое удовольствие от вовлечения преступников в новые проступки»* (перевод здесь и далее — мой — И.М.).

Однако следует отдать должное переводческому подходу: такие пропуски при переводе романа были не частыми. Большинство пространственных отступлений, детальных описаний чувств и событий, рассуждений героев по поводу нравственности и социальной справедливости переданы в

русском тексте, несмотря на излишнюю, с точки зрения критиков, многословность. Хотя и она была неслучайной для данного произведения. Как показывает Дж. Гросман, «движение по сложной системе правосудия XVIII в., в которой виселицы занимали почетное место, было неотделимо от движения по долгой системе повествования, ассоциирующейся с формой этого правосудия» [5; Р. 49]. Таким образом, даже эта длительность повествования была символической и значимой для идеи всего произведения и, следовательно, необходимой для передачи при переводе на другой язык.

Важно, что автор передает романное повествование герою-сыщику, сделав его рассказчиком. При этом образ Калеба как повествователя вырисовывается довольно четко и в подлиннике, и в переводе. Это умный, предприимчивый молодой человек, открытый жизни и способный найти выход в самой сложной жизненной ситуации. Так как роман пишется от его лица, то чита-

тель оказывается введенным и в творческую лабораторию героя-повествователя, осознающего себя автором художественного произведения. В этом плане Годвин манипулирует повествованием, изображая Калеба то автором своего жизнеописания, то создателем историй о ворах и разбойниках. Как справедливо замечает Дж. Гросман, «с того момента, как Калев начинает писать свою историю, современный жанр криминальной биографии и современная система правосудия в сочетании, которое эксплицитно проявляется только в третьем томе, образуют невидимые стены концептуальной тюрьмы для него» [5; Р. 46]. Годвин пытается показать, что рамки криминальной биографии тесны для романного повествования. Сам Калев предпринимает попытку определить жанр своего сочинения, оправдываясь перед читателем за то, что из-за него был наказан тюремщик, принесший инструменты для побега:

Оригинал	Перевод	Дословный перевод
<i>In these proceedings it is easy to trace the vice and duplicity that must be expected to grow out of injustice. I know not whether my readers will pardon the sinister advantage I extracted from the mysterious concessions of my keeper. But I must acknowledge my weakness in that respect; I am writing my adventures and not my apology; and I was not prepared to maintain the unvaried sincerity of my manners, at the expense of a speedy close of my existence [4; P. 194]</i>	<i>Здесь легко заметить, как порок и коварство необходимо рождают несправедливость. Не знаю, простят ли мне мои читатели, что я слишком разборчиво воспользовался неизъяснимым послаблением, сделанным для меня тюремщиком. Но я не должен умалчивать о моих слабостях; я пишу свою историю, а не анологию; я не чувствовал себя способным постоянно хранить в своих поступках неизменную прямоту, ценою которой необходимо должна была быть преждевременная смерть [2; Ч. 2, Гл. VI, С. 138]</i>	<i>В этой ситуации легко проследить, как порок и двуличие, как это должно предполагать, вырастают из несправедливости. Я не знаю, простит ли мне мой читатель за нечестное преимущество, которым я воспользовался от таинственной уступки моего тюремщика. Но я должен признать мою слабость в этом отношении; я пишу свои приключения, а не извинения. И я не готов подерживать неизменную прямоту своего поведения ценою быстрого окончания моего существования</i>

При переводе данного, достаточно важного для образа главного героя отрыв-

ка русский переводчик предпочел выбрать нейтральные термины, определяющие

жанр повествования «история» и «апология», хотя в оригинале употреблены слова, точно определяющие повествовательный характер: «adventures», «apology». Здесь же Калев описывает одну из основных черт жанра Ньюгейтской листовки – его прямолинейность, упрощенность, традиционный финал – казнь главного героя. При этом Вильямс отказывается от такой концовки, пытаясь вывести свою модель рассказа. В русском контексте эти попытки оказались «размыты» из-за неадекватного применения жанровых терминов, что может объясняться не устоявшейся терминологической базой в области литературы и, конкретно, жанра.

Достаточно емко и рельефно передан в русском переводе образ Калеба Вильямса как сыщика, стремящегося раскрыть преступление. Следует сказать в связи с этим, что в герое подчеркивается как основная черта характера страстное любопытство в сочетании с наивным восприятием мира. Движимый любопытством, он самостоятельно расследует преступление своего хозяина. Даже под угрозой расправы Калев продолжает добывать улики против Фолькланда, влекомый, как он сам признается «главной движущей силой», любопытством.

Неоднозначно воспринимается этот персонаж исследователями. Так, М.П. Алексеев считает, что «в характере Калеба, как он раскрыт в романе, есть нечто неправдоподобно маниакальное; он столь же настойчиво пытается из чистого любопытства проникнуть в тайну своего господина, как тот неумоимо его за это преследует» [1; С. XXIII]. Д. Урнов предполагает, что именно благодаря любопытству Калев получил возможность реально смотреть на мир: «Удовлетворив свое любопытство, Калев Вильямс познал жизнь. Следуя за этим “вожатым”, он все дальше уходил от своих радужных представлений о мире» [3; С. 16].

Интересны интерпретации зарубежных исследователей. Так, А.Е. Мерч видит в образе Калеба «”любителя” детектива, вдохновленного исключительно своим намерением добраться до правды» [6; Р. 30], предвосхитивший появление образов детективов в последующих модификациях данной жанровой модели. П. Томас интерпретирует поступки Калеба «как миф о первородном грехе, как причина, которая отчуждает индивида от возможности социальной гармонии и посвящает его в социальный мир борьбы и разногласий с властью» [8; Р. 17]. В этом отношении справедливо замечание Дж. Скаггса, считавшего, что «роман Годвина <...> характеризуется значимым конфликтом между идеями Просвещения, распространенными в период, когда он писал свой роман, <...> и полуфеодальной, христианской идеологией и верой в Старый Завет, в то, что преступные деяния всегда будут наказаны Богом, независимо от отдельных поступков» [7; Р. 15]. Таким образом, любопытство Калеба не представляется нам случайным или «неправдоподобно маниакальным». Эта черта характера главного героя позволяет автору поставить вопрос о допустимости знания истины для обычного человека, не принадлежащего высшим слоям общества – в духе просветительской идеологии, и одновременно закладывает важнейшую типологическую черту в центральный для социально-криминального романа образ сыщика-любителя, отличающегося от профессионала интуицией, глубоким проникновением в природу человека и его поступков.

Кроме того, Годвин рисует нарастание страстного желания героя быть посвященным в тайну хозяина как нечто роковое, неотвратимо ведущее к страшным последствиям:

Оригинал	Перевод	Дословный перевод
<p><i>When I first removed into Mr. Falkland's family, the novelty of the scene rendered me cautious and reserved. The distant and solemn manners of my master seemed to have annihilated my constitutional gaiety. ... The story I now heard, and the curiosity it excited, restored to me activity, eagerness and courage. I had always had a propensity to communicate my thoughts; my age was of course inclined to talkativeness; and I ventured occasionally in a sort of hesitating way, as if questioning whether such a conduct might be allowed, to express my sentiments as they arose, in presence of Mr. Falkland [4; P. 108].</i></p>	<p><i>В начале моего пребывания в доме Г. Фалькленда, новость положения делала меня скромным и внимательным. Холодные и важные приемы моего господина почти совершенно уничтожили мою природную веселость. ... История, которую услышал я и любопытство, ею во мне возбужденное, возвратили мою деятельность, смелость и живость. От природы я был развязан, и сверх того, возраст мой увлекал меня к говорливости; наконец я осмелился позволять себе по временам некоторые вопросы, как бы для того, чтобы видеть, не достигну ли я при помощи этого средства возможности выразить свои чувства в присутствии Г. Фалькленда [2; Ч. 2, Гл. 4, С. 81-82]</i></p>	<p><i>Когда я только влился в семью Фолькленда, новизна положения предавали мне осмотрительности и сдержанности. Сдержанные и серьезные манеры моего хозяина, казалось, истребили мою врожденную веселость. ... История, которую я сейчас услышал, восстановила во мне активность, рвение и смелость. Я всегда имел склонность высказывать свои мысли; мой возраст, несомненно, склонял меня к разговорчивости; и я осмелился однажды с нерешительным видом, как бы спрашивая, позволительно ли такое поведение, выразить свое мнение, когда оно появилось, в присутствии Мистера Фолькленда</i></p>

Обратной стороной этого желания Калеба является его очевидная провокация Фолькленда на опрометчивые слова и поступки, которые впоследствии позволят любителю-детективу восстановить полную картину преступления. Русский переводчик в целом верно передал эту ситуацию, описав черты характера главного героя как «любопытство», «смелость», «деятельность». Хотя в переводе можно встретить и такие стилистически и семантически не совсем верные характеристики героя, как «говорливость» и «развязность», создающие образ несерьезного и ветреного молодого человека, чего нет в подлиннике.

Отношения между персонажами романа строятся на антагонизме преступника и сыщика. Однако и здесь Годвин усложнил свою задачу, изобразив образ Фолькленда привлекательным для читателя. Фолькленд — аристократ, воспитанный на понятиях

чести и доблести, идущий на тайное преступление именно ради их сохранения. Интерес к герою-преступнику поддерживается и тем, что в связи с ним Годвин впервые ставит вопрос о допустимости преступления против недостойного человека и подходит к психологическому рассмотрению проблемы. Он детально показывает муки совести Фолькленда, доводящие его до физического изнеможения, приводит его рассуждения в попытках оправдать свой поступок. Русский переводчик адекватно передал эту сторону романа Годвина. Очевидны его попытки донести психологический накал характера преступника и его отношений с сыщиком, что может стать предметом специального анализа.

Итак, представленный анализ перевода романа «Калеб Вильямс» демонстрирует противоречивые тенденции, наблюдаемые в русском обществе и литературе того вре-

мени. С одной стороны переводчик стремится показать все художественное своеобразие подлинника, прибегая к буквальному переводу, примечаниям и т.д. Тем не менее, текст перевода отражает и процесс ученичества, и пробы пера, свойственные рус-

ской прозе конца 1830-х гг., когда происходило формирование канонов романного повествования, и русский переводчик пытался переосмыслить и по-своему преподать иноязычный текст русскому читателю.

Литература

1. Алексеев М.П. Примечания к роману У. Годвина «Калеб Вильямс» // Годвин У. Калеб Вильямс. — М.-Л.: Гослитиздат, 1949. — С. III-XV.
2. Годвин В. Калеб Вильямс: перевод с англ. С.Г. СПб.: Тип-я А. Смирдина, 1838. — Ч. I — 224 с. Ч. II — 196 с. Ч. III. — 244 с. Ч. IV. — 271 с.
3. Урнов Д. Вильям Годвин — основоположник «социального романа» // Из истории западно-европейских литератур XVIII-XX в. — М.: МГУ, 1957. — С. 7-25.
4. Godwin W. Caleb Williams. — Oxford, New-York: Oxford University Press, 1982. — 351 p.
5. Grossman J. The Art of Alibi. English Law Courts and the Novel. — Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2002. — 202 p.
6. Murch A.E. The Development of the Detective Novel. — London: Peter Owen Ltd., 1958. — 272 p.
7. Scaggs J. Crime Fiction. — London and New-York: Routledge, 2005. — 173 p.
8. Thoms P. Detection and Designs. Narrative and Power in 19-th century Detective Fiction. — Ohio: Ohio University Press, Athens, 1998. — 177 p.

Коротко об авторе

Матвеевко И.А., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в области природных ресурсов, Томский политехнический университет (ТПУ)
Служ. тел.: (3822) 42-63-49

Научные интересы: сравнительное изучение русской и английской литератур XIX века, художественный перевод

Briefly about the author

I. Matveenko, Candidate of Philological Sciences, associate professor of foreign language department, Natural Resources Institute, Tomsk Polytechnic University

Scientific interests: comparative study of Russian and English literatures of the XIX century, literary translation

---

УДК 008+80

Ушникова Ольга Валентиновна
Olga Ushnikova**РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ****VALUES ROLE IN THE
POLY CULTURAL WORLD**

Рассматриваются вопросы формирования аксиологической картины мира у студентов в соответствии с задачами, поставленными ФГОС третьего поколения. Приводится определение ценностей и их классификация, а также результаты межвузовского исследования ценностных ориентиров студентов

Ключевые слова: ФГОС, общекультурные компетенции, аксиология, ценности, картина мира

The article examines the questions of the axiological picture of world formation with the higher school students in accordance with the task set by the third generation federal state standard in education. Definition of the values and their classification as well as the results of interuniversity research of the students' basic set of values are presented

Key words: federal state standard, cultural competences, axiology, values, picture of the world

Процессы глобализации, интеграции и мобильности в международном сообществе становятся неотъемлемой частью современной жизни. Российская молодежь должна и может соответствовать требованиям современного мира и стать эффективным участником мировых процессов. Однако довольно часто интеркоммуникация происходит через призму национального контекста и нередко не удается понять особенности поведения и реакции людей другой культуры и донести мысль без смысловых потерь. Большинство проблем возникает по причине незнания культуры страны – партнера по международному общению. Только понимание культуры в широком смысле, в том числе осведомлённость о ценностях, обычаях, традициях, правилах поведения людей, их менталитете, привычках и национальном контексте в целом могут гарантировать успешное взаимодействие.

Как показывает практика, необходимо переходить к метапредметному изучению дисциплин, целенаправленно интегрируя культурологический подход с изучением иностранного языка или других дисциплин гуманитарного цикла. На данный момент

изучение культурологической составляющей в основном ведется по направлению «Межкультурная коммуникация». Однако без специального, нацеленного формирования общекультурной компетенции велика вероятность возникновения ошибок в межкультурном общении и, как следствие, коммуникативная неудача.

Проблема формирования общекультурной компетенции стала особенно актуальной в связи с переходом на федеральный государственный образовательный стандарт третьего поколения. В приказе Рособразования от 10.02.2010 № 109 говорится о задачах высших учебных заведений по переходу на уровневую систему высшего профессионального образования и о главенствующей роли компетенций в подготовке специалиста – профессионала. Под компетенцией понимается способность человека применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Выпускник высшего учебного заведения должен продемонстрировать сформированность таких общекультурных компетенций, как:

– способность анализировать мировоз-

зренческие, социально и личностно значимые философские проблемы;

– способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества;

– готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям (Приказ).

Знание ценностей своей культуры и культуры своего соседа – один из критериев сформированности общекультурных компетенций. Прежде чем выявить, что современные молодые люди знают о ценностях родной им культуры и культур других стран, необходимо определиться с самим понятием «ценности», изучить его признаки и составляющие и существующие классификации ценностей.

В процессе коммуникации и наблюдения человек овладевает языком и культурой; с раннего возраста учится определять для себя полезность или пагубность каких-то событий и явлений окружающего мира. Оценивая их с точки зрения добра и зла, он начинает осознавать их ценность. Создается аксиологическая картина мира, в результате чего образуется ценностное отношение человека к миру. Категория ценностей формируется в сознании людей, когда они сравнивают разные явления, осмысливают окружающую действительность, определяют важность и существенность происходящего. Аксиологическое отношение к предмету / явлению определяет его ценность для человека.

Данный процесс начинается, как уже было отмечено, в детстве и продолжается в сознательном возрасте, потому что в жизни человека нередко изменяется отношение к тем или иным явлениям окружающей действительности и, как следствие, происходит переоценка одних ценностей и возникновение других. Одновременно происходит два процесса: культурное наследие передается от одного поколения к другому и параллельно возникают новые ценности, часто не

принимаемые старшим поколением.

Именно ценностные отношения определяют социальное взаимодействие и играют важнейшую роль в культуре, поскольку устанавливают отношения людей с природой и социумом. *Ценности* можно определить как «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное и безобразное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы)» (ФСІ). В толковом словаре С.И. Ожегова ценность определена кратко – «важность, значение», а ценности – «ценный предмет, явление» (ТСО).

Американские этнологи и этнопсихологи К. Клакхон и Ф. Стродбек подчеркивают значение ценностей как *принципов*, которые придают стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности при решении общих человеческих проблем (Kluckhohn C., Strodtbeck F., 157). Хотя ценности и являются свойством явлений и предметом, они – не когерентная их характеристика, а присущи предметам и явлениям в силу их *вовлеченности* в сферу общественного бытия и социальных отношений. Они служат *ориентиром* в окружающей действительности. Ценности выражаются в нравственных нормах, принципах, идеалах, целях и установках (ЭТС). Регулятивно-целевое значение ценностей отмечено и в работах А.В. Кирьяковой (А.В. Кирьякова, 22).

Необходимо подчеркнуть прагматический потенциал ценностей, определяемый ролью предмета или явления в обществе, в то время как сам предмет / явление без медиатора никакой ценности не представляет (СТП). Таким медиатором выступает человек.

Определенную сложность представляет систематизация ценностей, т.к. в работах изложены различные классификации. Различают материальные, духовные и общественно-политические ценности, а также, согласно аксиологической шкале, положительные и отрицательные ценности

(Электронные словари и Энциклопедии).

Кроме того, выделяют витальные (здоровье, безопасность), социальные (социальный статус человека, его образовательный уровень), религиозные (бог, вера), моральные (добро, достоинство), политические (свобода слова, законность) и эстетические (красота, гармония) ценности (К.С. Романова). Есть также ценности экономические (богатство), вечные (добро), логические (полезное и пригодное), этические (истина) (Философский словарь).

Один из основоположников аксиологии Р.Б. Перри в своих работах «Общая теория ценностей» и «Сфера ценностей» выделил истинные и ложные, сложные и простые, развитые и неразвитые, позитивные и негативные, сложные и простые, скрытые и активные ценности (цит. по А.В. Кирьякова, 7).

Роль ценностей в жизни человека неоспорима и их понимание является ключом к сохранению культуры. Осознание же ценностных ориентиров представителей других культур облегчает межкультурное взаимодействие и помогает преодолеть культурный барьер. В плане межкультурной коммуникации совокупность материальных и духовных ценностей составляют культуру. Диалог культур — это равноправный обмен продуктами созидательной деятельности человека (З.К. Сабитова). Особенно это важно понимать в ситуации, когда настолько обострились глобальные проблемы и так актуален вопрос их разрешения. Глобализация проявила истощение культурного потенциала и ценностей, прежде всего духовных.

Среди основных глобальных проблем выделяют отношения между Востоком и Западом, человеком и обществом, социумом и природой (А.И. Пушкарь), т.е. все те отношения, которые в немалой степени регулируются нашими ценностными представлениями. Ключом к разрешению глобальных проблем современности является синтез культуры и духовных ценностей. Более того, только при таком синтезе может быть успешным взаимодействие культур Восток-Запад (ibid). Речь не идет о взаи-

мопроникновении культур, т.к. именно национальные особенности создают самобытность культуры и многообразие мировых культур. Современному жителю глобального мира необходимо знать и уважать ценности культуры другого народа.

Следует уточнить приведенное определение, ибо в современных условиях речь идет уже не только о диалоге, но и о полилоге культур. Таким образом, полилог культур не только подразумевает обмен продуктами деятельности, но и учет широкого национального контекста, включающего особенности национального менталитета, характера, и, что немаловажно, ценности культуры.

Какие ценности знает современная молодежь? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нами проведен опрос среди студентов Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЗабГГПУ) — 27 респондентов и Читинского государственного университета (ЧитГУ) — 23 респондента, в котором студентов попросили дать определение понятия «ценности» и назвать основные ценности русской, английской / американской и китайской культуры. Эти две культуры были выбраны в связи с тем, что английский язык является общепринятым языком мирового общения, а Китайская народная республика — ближайший сосед Забайкальского края. Как показали итоги опроса студентов третьего курса факультета иностранных языков ЗабГПУ и студентов второго курса горного института ЧитГУ, хотя определение понятия «ценности» и представляет для студентов определенную сложность, тем не менее, основные его составляющие были отмечены.

Согласно коллективному определению студентов, ценности — это важность, значимость, то, что дорого для человека или общества, что приносит пользу обществу, то, что хранят и чем дорожат из века в век; то, что нужно поддерживать, то, ради чего живут люди; то, что необходимо и не может быть оспорено. Ценности — это совокупность представлений о добре и зле, то, что не хочется терять, моральные установки /

принципы, заложенные в детстве, духовный мир человека. Более конкретно, ценности — это культура, искусство, польза, смысл, национальное богатство, материальные или духовные блага.

В качестве основных ценностей русской культуры называются памятники, обычаи, традиции, праздники (это самые популярные ответы); а также церковь, исторические ценности, храмы, парки, литература, поэзия, природа, искусство, живопись, театр, язык, доброта, простота, образованность, богатая история, открытая душа, гостеприимство, щедрость, самопожертвование, здоровье, семья, патриотизм и даже матрешки. Ряд респондентов отмечает, что в последнее время материальные ценности вытесняют исконные русские духовные ценности.

Из 50 респондентов 18 затруднились назвать основные ценности американской культуры и 20 — китайской. Среди основных ценностей американской / английской культуры студенты называют, прежде всего, памятники, праздники, традиции, обычаи, музыку и язык, а также деньги, карьеру, материальный достаток, социальное положение, открытость культуры, свободу, оптимизм, личное пространство, толерантность, вежливость. Кроме того, упомянуты Beatles, футбол, Голливуд.

Памятники, религия, язык, трудолюбие, покорность, сплоченность народа, история, культура, церемонии, подчинение государственной системе, конфуцианство, философия, мудрость, письменность, а также китайская стена, единоборства, фарфор и чай — основные, по мнению студентов, ценности китайской культуры.

Следует отметить, что, описывая ценности, характерные для русской и китайской культур, студенты называют в основном духовные, а говоря об американской культуре, упоминают материальные ценности.

Таким образом, можно сказать, что, хотя имплицитно понятие «ценности» и осознается всеми респондентами, его эксплицитная вербализация представляет определенную сложность. В основном называются периферийные признаки, и редко

кем четко обозначаются центральные его составляющие. Кроме того, в умах студентов смешаны такие понятия, как стереотипы, традиции и обычаи, особенности национального характера и ценности. Что касается конкретных ценностей разных культур, то ответы здесь не отличались развернутостью и подробностью, отсутствует хоть сколько-нибудь целостное и систематизированное представление о ценностях. Около 50 % студентов называют памятники, обычаи и традиции основными ценностями трех культур.

Взаимодействие разных культур предполагает способность людей усваивать и ассимилировать ценности других культур (Е.А. Соколов, 61). Исходя из сказанного, имеется насущная необходимость интегрировать изучение ценностей с другими предметами общепрофессиональной подготовки будущих специалистов для того, чтобы у студентов сформировалось полноценная аксиологическая картина мира. Результаты воспитания и образования в высшей школе могут быть гораздо лучше, если будет иметь место симфония «дидактического союза» науки, образования, культуры, базирующаяся на единых духовно-нравственных ценностях (Д.В. Чернилевский, 144-145).

Как в 1949 г. отметил Карл Манхейм, система ценностей, характеризующая данное общество, является результатом той духовной работы, которая осуществляется этим обществом (Манхейм К. Диагноз нашего времени / цит. по Кирьякова А.В., 17). Успех в решении глобальных проблем, успешность актуальной сейчас программы академической мобильности, сохранение духовной культуры общества в немалой степени зависит от того, знаем ли мы свои ценности и ценности других культур и готовы ли мы жить в условиях уже не только диалога, но в условиях полилога культур и готово ли общество и, в данном случае, высшая школа к такой духовной работе. Специализированное и нацеленное обучение и развитие у студентов аксиологической картины мира может быть одним из способов достижения обозначенных целей и развития общекультурных компетенций.

Литература

1. Кирьякова А.В. Теория ценностей – методологический базис / аксиологии образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf>.
2. Приказ Рособразования от 10.02.2010 № 109 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ed.gov.ru/actual/uobr/12552/>.
3. Пушкарь А.И. Цивилизация, культура, духовные ценности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 2005. – С. 22-26.
4. Романова К.С. Трансформация ценностей как индикатор изменения общества и личности / Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук 2008. – Вып. 8. – С. 165-179.
5. Сабитова З.К. Межкультурная коммуникация и обмен культурными ценностями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://world.russianforall.ru/upload/iblock/3cb/sabitova.doc>.
6. Соколов Е.А., Буланкина Н.Е. Проблемы поликультур и полиязычий в гуманитарном образовании. – Изд-во: Университетская книга, Логос, 2008. – 207 с.
7. Чернилевский Д.В., Петракова Т.И. О модернизации образования на основе духовно-нравственных ценностей / Высшее образование в России. – № 4. – 2010. – С. 144-147.
8. F. Kluckhohn and F. Strodtbeck, Variation in Value Orientations, Peterson & Co., 1961. – p. 157.
9. Мир словарей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_bes/cennost-69111.html.
10. СТП – Словарь терминов по психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/c/tsennost.html>.
11. ТСО – Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/>
12. ФС1 – Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar.plib.ru/dictionary/d39/162.html>.
13. ФС2 – Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/c/tsennost.html>.
14. ЭСЭ – Электронные словари и Энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovar.plib.ru/>

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Ушникова О.В., канд. филол. наук, доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Тел.: (3022) 32-46-11

O. Ushnikova, Candidate of Philological Sciences, associate professor of the social-cultural service and tourism department, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: лингвистика текста, методика преподавания иностранных языков, межкультурная коммуникация

Scientific interests: text linguistics, methodology of foreign languages teaching, inter-cultural communication

Педагогические науки

УДК 85.15 + 30.18

Калина Наталья Дмитриевна
Natalia Kalina

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНО-ГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ДИЗАЙНЕРА

TECHNOLOGY OF FORMATION OF THE FUTURE DESIGNER'S CONSTRUCTIVE- GRAPHIC COMPETENCE

Рассмотрены две последовательно действующие технологии формирования конструктивно-графической компетентности дизайнера – контрольная и конструктивная рефлексия и система образов

Ключевые слова: студент, рисунок, обучение, знаково-символическая деятельность, познание, творчество, смыслы

Two consistently operating technologies of formation of the designer's constructive-graphic competence – control and constructive reflexion and system of images are considered

Key words: student, drawing, training, sign-symbolical activity, knowledge, creativity, senses

---

Рисунок рассматривается как специфический вид интеллектуально-эстетического и знаково-символического познания действительности и осуществляется в связи с оценками, ценностями и идеалами, сочетающими реальную объективность, вымысел и красоту.

Конструктивно-графическая компетентность будущего дизайнера в выполнении рисунка с натуры направлена на интерпретации восприятия и сферу творческой деятельности, в которой органично сочетаются процессы познания действительности, ее эстетического осмысления и авторского конструктивного отношения к деятельности. Данная компетентность основывается на принципе «от абстрактного к конкретному» и рефлексивном умении преобразовывать образы действия в графические знаково-символические средства рисунка.

И.А. Зимняя отмечает, что в Америке (в 70-х гг. XX в.) уже формировалось образование, ориентированное на компе-

тенции. Оно основывалось на контексте предложенного Н. Хомским понятия «компетенция» применительно к грамматике языка [4]. В нашем исследовании конструктивно-графическая компетентность – это специфический склад смысловой модели личности будущего дизайнера в ее когнитивно-оценочной форме, а визуально-графическая культура изображения является ее материализованным отражением. Когнитивный аспект компетенций рассматривается во взаимодействии рационального и чувственного в познании, а оценочный – в связи с выбором ценности. Студент оценивает целесообразность [8].

В эксперименте на смену восприятию «всего сразу» приходит другая система обучения. Совместно с образным представлением она основывается на понимании пространства в знаково-символических средствах, несущих грамматику графического языка. В.М. Солнцев характеризует язык как носитель идеальных систем,

как средство мыслительного расчленения ситуации на понятия и как орудие классификации и дифференциации этих понятий. Язык работает по схеме, при этом смысловая сторона языка выступает как организующее начало. Системообразующие свойства языка присущи знакам еще до вхождения в систему, а приобретенные свойства несут ей целостность. Каждый слой системы – это однородные знаки, имеющие как общие, так и различные свойства [7]. В выполнении рисунка с натуры мы рассматриваем иконические знаки, которые передают класс пространственных характеристик объекта и явлений перспективы. Организации знаков в целостном изображении способствует метод геометрического обобщения в структурно-семиотическом аспекте. Если обобщение обеспечивает понимание, то знаково-семиотические средства обозначают явления и позволяют их изобразить. Каждая из линий рисунка в каком-либо отношении подобна реальному объекту – направлению линии и ее величине по отношению к другим линиям, поэтому выражает когнитивно-оценочную микроструктуру.

Знак транслирует в рисунке общезначимый смысл и этим способствует обучению. Г.П. Щедровицкий сформулировал представление о структуре знака. Его образуют смыслы, конструктивные значения и понятия. Любой из предметов, включенный в ситуацию деятельности, обладает смыслом, так как воспринимается теми сторонами, которые имеют практическое значение. Первичный смысл членится на конструкции значений. Благодаря рефлексии и системе связей между элементами ситуации они образуют отношения вторичных смыслов. Их отличием является то, что к смыслу натуральной модели прибавляются логические дополнения – средства изображения и понятия деятельности [9]. Рефлексивное умение студента по сути системное, направляется на анализ и оценку роли каждой линии-знака в выражении целостного рисунка.

Знаково-символическая направленность в обучении рисунку требует органи-

зации конструктивного подхода, основаниями которого является теория элементов – устойчивая система знаков, методов деятельности и комбинаторность процессов. Конструктивный подход в обучении рисунку позволяет дифференцировать интегративную природу художественной деятельности на ряд процессов. У студентов появляется возможность усвоить каждый из них по отдельности. Результат познания рассматривается в рисунке как система, что дает возможность формировать у студентов как отдельные компетенции, так и их интегративный уровень. В связи с этим А.Г. Горбачевский отмечает, что художественное произведение – это система, но лишь как отпечаток творческого процесса [2].

Мы полагаем, что успешное формирование конструктивно-графической компетентности будущих дизайнеров зависит от организации двух последовательно действующих технологий контекстного обучения. По мнению А.А. Вербицкого и О.Г. Ларионовой, понятие «компетенция/компетентность» рассматривается по отношению к объективным и субъективным условиям, при которых учебная деятельность трансформируется в профессиональную [1].

Образность рисунка зависит от двух показателей: изобразительности (познание) и выразительности как синтеза двух планов – внешнего (воспринимаемого с натуры) и внутреннего (смыслового), т.е. активное самопревращение внутреннего во внешнее [6]. В связи с этим контекст первой технологии обучения – закономерные взаимосвязи объемно-пространственных объектов, жестко детерминирующие объективное построение рисунка с натуры. Содержание второй технологии организуется с переходом к индетерминизму, т.е. оно не отвергает закономерные явления, а частично преобразовывает их в соответствии с концептуальным контекстом художественных интерпретаций в рисунке.

На уровне адаптивной технологии (с первого по второй курс) разрешается противоречие между рациональным и чувственным в познании. Действия направляются на структуру объекта, включая

теоретический контекст знаков и когнитивно-оценочные умения. В *технологии профессионально-творческого развития* (с третьего по пятый курс) разрешаются противоречия между объективным выражением и субъективным самовыражением.

Результатом понимания сложной взаимосвязи элементов процесса является образ-модель. В ее основе студент разворачивает в представлении имеющийся опыт и выражает его в рисунке. Т. Шибутани рекомендует заменять образы представления символами, словами или конструктами, что в значительной мере упрощают рефлексивный процесс [10]. Для целей развития и обогащения познавательных и художественных стратегий у студентов в учебном процессе проектируется система теоретических конструктов как ценностно-смысловое ядро личности. Во внутреннем плане действия эти конструкты становятся смысловыми. Д.А. Леонтьев определяет смысловой конструкт как обобщенную и устойчивую категориально-оценочную шкалу, выражающую ценностное значение для субъекта характеристик определенного класса объектов и явлений действительности. В результате их дифференциации и оценки по этому параметру им приписываются соответствующие смыслы [5]. Усвоение конструктов способствует построению в образно-понятийной системе учащегося конструктивных моделей и развитию предметно-теоретической рефлексии.

При выполнении рисунка студенты неоднократно обращаются к представлению одного и того же объекта, трансформируя и преобразуя его форму. Смена качественно различных, но в каких-то моментах тождественных друг другу образов соотносится с рефлексивным умением и пространственным мышлением учащегося.

Когнитивные образы строятся в единстве чувственного и рационального и представляют собой смысловые конструкты ситуации. С одной стороны, их задачей является теоретическое обоснование наблюдаемого, а с другой — концептуальное построение интерпретаций.

Оперативные образы отражают осо-

бенности объекта изображения со стороны решения задач и строятся для каждого действия в отдельности в качестве операционного или знакового конструкта.

Образы воображения являются прогностическими и интерпретационными конструктами деятельности, формируются при эстетическом преобразовании существенных отношений объекта.

Смысловое содержание деятельности определяет мотивация, а пространственно-образная рефлексия — последовательность образов. Каждый из образов инструментален по отношению к конечной цели и комбинаторному моделированию процесса.

В структуре рефлексивного умения выделяют две составляющие: контрольную (самоконтроль) и конструктивную (самоуправление) [3]. Соответственно этому компетенции и рефлексия формируются у студентов на двух уровнях обучения — познавательном и творческом.

В *адаптивной технологии* обучения развитие компетенций в выполнении рисунка соотносится с системными отношениями геометрического обобщения объекта в структурно-семиотическом аспекте, также с опытом визуально-графической культуры изображения, закрепленным в форме понятий. Конструктивные значения связей ориентируют нормативно заданные познавательные стратегии. С ориентацией на содержание конструктов — понятий взаимосвязей, студенты структурируют получаемую от объекта информацию. В процессе построения целостного рисунка комплекс конструктов представляет собой актуализацию компетенций.

Модели контрольной рефлексии формируются у студентов в системе рационально-чувственного познания, основанной как на целостном восприятии модели, так и на детально-структурном понимании конструктивно-графического процесса. Понимание объективной структуры исследуемого предмета — это понимание идеальной полноты существенных признаков реального объекта, которые дифференцируются по уровням познания того или иного рода связей и в соответствии со знаками геомет-

рического обобщения.

В выполнении рисунка когнитивный образ деятельности (концепция геометрического обобщения ситуации) преобразуется в систему оперативных образов действий, зависящих от условий пространственного вида на объект, поэтому эти образы развиваются в связи с методами (анализ через синтез, сравнение, измерение и построение). К оперативным образам относятся отдельные когнитивно-оценочные микро-структуры (знаки существенных признаков) и смысловые конструкты (подалгоритмы процесса), которые определенным образом организованы и мотивированы к дальнейшему использованию.

Контрольная рефлексия выступает в форме проверки соответствия действий имеющимся в памяти эталонам, нормам и правилам деятельности, что приводит в построении рисунка к повышению результативности решения типовых задач.

Конструктивная рефлексия основывается на ценностно-смысловой и концептуальной модели и возникает в решении проблемных задач рисунка. Конструктивный уровень рефлексии более высокий, чем контрольный, поэтому формируется на его основе.

В *технологии профессионально-творческого обучения* осуществляется поиск нового способа в выполнении рисунка — художественной интерпретации геометрического обобщения реальной действительности. В обучении рисунку использовались более сложные в пластическом отношении модели. В то же время задачи усложнялись за счет применения эвристических принципов художественной выразительности, которые служили своеобразной надстройкой, способствующей обогащению моделей геометрического обобщения.

Модель конструктивной рефлексии обеспечивала применение в рисунке эвристических принципов, перестройку мысленных образов и переструктурирование информации. Преодоление возникающих в процессе деятельности противоречий приводило к формированию не только конструктивной рефлексии, но и к личностному самовыра-

жению как переосмыслению собственного отношения к тем или иным явлениям.

Содержание обучения рисунку на уровне познания и творчества различается. Различной является концепция деятельности и система образов. Если требование познания — однозначность в выполнении цели, то на уровне творчества достижение цели многозначно. Эстетическое постижение пространства требует новых идей. Поэтому помимо когнитивных и оперативных образов конструктивная рефлексия студента регулируется образами воображения. Именно воображение способствует интерпретации накопленных в сознании учащегося конструктов, комбинированию и трансформации их в решении задач с неопределенными условиями нетипичных ситуаций практики. В то же время в связи с личностной настройкой, способствующей субъективной оценке и художественной интерпретации объективной модели, студенты формируют интерпретационные конструкты.

Конструктивная рефлексия является условием моделирования художественных интерпретаций в рисунке, поэтому опирается как на восприятие целостной ситуации, так и на отдельные взаимосвязи, что способствует выявлению недостающих звеньев проблемной ситуации. Соотношения деталей в художественном образе не искажают объективную реальность, а лишь усиливают ее значимые моменты.

Выразительность рисунка связана с отклонениями от объективной нормы и интерпретациями содержания. Восприятие реальной модели интерпретируется студентом с опорой на принцип «*внутренней необходимости*» в применении того или иного знания. Применение принципов художественной выразительности способствует интерпретациям формы и содержания рисунка. С их помощью в изображении организуется более гармоничный порядок, чем он существует в реальности. Также непонятность каких-либо свойств, частей и их связей, нечеткая их определенность в пространстве способствуют личностным дополнениям в рисунке. Признаки модели определяются как-то иначе, в более понят-

ной как для себя, так и для других форме, выявляя при этом индивидуальный стиль рисунка.

В технологии творческого развития педагог проектирует конструкты-аналоги использования принципов выразительности. Эвристический принцип как ценностная ориентация является конкретным проявлением смысла в выполнении цели. В связи с тем, что каждый из смыслов имеет значение только в составе целостности, то конструкты развивают у студентов не только ценностно-смысловую сферу личности, но и визуально-графическую культуру изображения. Возьмем для примера такой принцип, как «центр композиции». На его основе в рисунке обосновывается смысловое развитие главного и подчиненного. Если рассматривать применение принципа «плановые зависимости», то в конструкте можно увидеть, что для каждого из планов применяется своя подсистема конструктивных значений и знаковых средств, их выражающих. Смысл применения различных средств зависит от места и роли в целом и, в то же время, от взаимосвязи с другими средствами, т.е. одного плана рисунка с другими.

Эффективность организации технологии обучения рисунку проверялась относительно традиционного обучения. В традиционном художественном образовании используется пассивно-созерцательная модель обучения, при которой не формируется конструктивно-графическая компетентность будущего дизайнера. Рисунок на геометрическое обобщение модели выполнялся студентами индуктивными методами и на эмпирическом уровне. В экспе-

риментальной активно-деятельной модели обучения, основанной на конструктивном подходе, дедуктивных методах геометрического обобщения в семиотическом аспекте и художественной интерпретации, формировалась конструктивно-графическая компетентность в качестве двух уровней субъектного опыта. Исследование систематизировало и углубило теоретические основания подхода, усвоение которых позволило студентам экспериментальной группы получить значительно лучшие результаты.

Исследования подтверждают, что конструктивный подход, основанный на теории элементов и образной комбинаторной основе в обучении рисунку, является новым и приводит к существенному повышению эффективности обучения. Его основания позволяют не только обучать объективным связям явлений перспективы и светотени, но и являются основным средством в формировании контрольной и конструктивной рефлексии будущего специалиста, а на их основе исследуются степени объективности изображения и степени художественной интерпретации, что также является новым. Кроме того, процедуры подхода теоретически описаны и наглядно представлены для других, поэтому на его основе могут быть получены повторные результаты.

Компетенции геометрического обобщения являются фундаментальными по отношению к более высокому творческому конструктивно-графическому уровню компетентности, который развивается параллельно с личностными феноменами, направленными на рефлексивное осмысление концепций эстетического в рисунке.

Литература

1. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. – М.: Логос, 2009. – 336 с.
2. Горбачевский А.Г. Морфология искусства. – М.: Аграф, 2002. – 864 с.
3. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Академия, 1999. – 207 с.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aspirant.rggu.ru/article.html?id=50758>.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.

6. Оганов А.А., Хангельдиева И.Г. Теория искусства. – М.: Издательский дом Международного ун-та в Москве, 2006. – 358 с.
7. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 342 с.
8. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. – Лен.: Изд-во Лен. ун-та, 1968. – 124 с.
9. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г.; сост. Г.А. Давыдова. – М.: Вост. лит., 2005. – 463 с.
10. Шибутани Т. Социальная психология; пер. с англ. В.Б. Ольшанского. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 544 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Калина Н.Д., канд. пед. наук, профессор, доцент кафедры рисунка и живописи Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, член СХ РФ, Заслуженный работник культуры
atk5049@mail.ru

N. Kalina, Candidate of Pedagogical Sciences, professor, associate professor of the drawing and painting department, Vladivostok State University of Economics and Service, a member of Artists Union of Russia, honored worker of culture

Научные интересы: теория искусства, рисунок, живопись, дизайн

Scientific interests: the art theory, drawing, painting, design

---

Политология

УДК 316.32

Джук Андрей Викторович
Andrey Dzhuk

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

ORGANIZATION PROVISION OF THE RUSSIAN FEDERATION ECOLOGICAL SAFETY AS ONE OF THE STATE POLITICIANS' DIRECTIONS

Рассматриваются проблемы экологической безопасности Российской Федерации, т.к. глобальные угрозы экологических катастроф поставили человечество как биологический вид на грань выживания. В этих условиях обеспечение и стабилизация экологически безопасного развития России в системе внутренних и внешних координат становится первоочередной задачей для государства

Ключевые слова: экологическая безопасность, здоровье, экологические проблемы, концепция, природные ресурсы, устойчивое развитие

The ecological sphere is traditional priority object of the government regulation. The author considers problems of the Russian Federation ecological safety because global threats of ecological catastrophes have brought mankind as biological type on verge of survival. In these conditions provision and stabilization of the ecological safe development of Russia in system of internal and external coordinates becomes one of the most important problems for the state

Key words: ecological safety, health, ecological problems, concept, natural facility, firm development

Понятие «глобальная экологическая безопасность» в науке четко не сформулировано. В широком смысле безопасность — это способность противостоять угрозам по отношению к жизни, здоровью, благополучию, основным правам человека, источникам жизнеобеспечения, ресурсам, социальному порядку.

Выделяют три главные угрозы безопасности:

1) военные — глобальная ядерная война, распространение оружия массового уничтожения, международные перевозки вооружений, крупные войны и локальные конфликты;

2) экономические и социальные — массовая нищета, порождающая голод, чрез-

мерный рост населения и урбанизация, массовая международная миграция, пандемии;

3) экологические — изменения состава атмосферы и последствия загрязнения природных пресных вод, океанов прибрежных акваторий; обезлесивание и опустынивание; эрозия почв и потеря плодородия земель; опасные выбросы загрязнений; производство, перевозка и применение токсичных химических веществ и материалов; передача опасных технологий и экспорт опасных отходов в развивающиеся страны (экологическая агрессия).

Существование современной цивилизации требует решения ряда глобальных экологических проблем, возникших вследс-

твие антропогенных воздействий.

Экологическая сфера традиционно находится в числе приоритетных объектов государственного регулирования. «Продвижение российских реформ, — подчеркивается в Концепции внешней политики Российской Федерации, — существенно расширило возможности сотрудничества на мировой арене. В отношениях между государствами все большую роль играют экономические, политические, научно — технические, экологические и информационные факторы» [1].

В последние годы отчетливо проявляется отступление экологии под «натиском» экономики и все более очевидной становится деактивизация участия российского государства в планировании, осуществлении и контроле за ходом экологических реформ. Налицо тенденция снижения экологически безопасных параметров жизнедеятельности в государстве, которая ныне вышла за рамки отдельных регионов и приобрела общенациональный характер. Сопутствует этому, а порой и детерминирует прогрессирующая общемировая глобализация экологических проблем. «Специфика современной экологической обстановки состоит в том, что кризисных точек как в проблемном, так и в пространственном смысле становится все больше и они оказываются тесно связанными между собой, образуя некую становящуюся все более частой сеть, вырваться из которой человек уже просто так не может в силу пространственной ограниченности...» [2].

Экологическая безопасность является значимым элементом национальной безопасности и занимает в ее системе одно из ключевых мест. Однако, как подчеркивает Ф.Г. Мышко, «системной концепции государственного управления сферой обеспечения экологической безопасности до сих пор не существует» [3]. За последнее время в правоведении и юридической практике предлагались и реализовывались более 50 различных концепций. Между тем, ни одна из них не была посвящена сугубо экологической отрасли, тем более — ее безопасности.

В этих условиях обеспечение и стабилизация экологически безопасного развития России в системе внутренних и внешних координат становится первоочередной задачей для государства.

Природные, техногенные и социальные обострения в России достигли такой критической точки, когда оценку экологического состояния общества нужно трактовать как угрозу национальной безопасности. В России в экологически неудовлетворительном состоянии находится 15...25 % территории, где проживает 50...60 % населения.

Понятие «концепция» (от лат. *conceptio* — понимание, система) означает определенный способ трактовки какого-либо явления, процесса, факта, принципиальную точку зрения на систематизацию и познание. Однако термин «концепция» рядом исследователей употребляется и в более узком смысле как главный замысел, конструктивный принцип в организации определенного вида деятельности. Потребность в разработке и реализации концепции экологической безопасности России на современном этапе в социологическом и социально-правовом плане объективно обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, организация обеспечения экологической безопасности как одно из направлений государственной внутренней и внешней политики осуществляется в любом цивилизованном обществе, которое явно заинтересовано в создании благоприятных условий для устойчивого развития и принятия мер превентивного характера, способствующих устранению угроз экологической безопасности.

Во-вторых, последовательно усложняющиеся взаимосвязи социально-экономического развития, с одной стороны, и научно-технического, с другой, в современную эпоху требуют обеспечения на государственном (межгосударственном, международном) уровне организации научного управления общественными (а равно и экологическими) процессами в форме разработки системы социально-правового противодействия неблагоприятным тенденциям в сфере экологии и устранения последствий чрезвычай-

ных ситуаций (ЧС) природно-техногенного характера.

В-третьих, новая социально-политическая и конституционно-правовая ситуация в России, характерной чертой которой является тенденция ее движения в мировое пространство, обуславливает потребность приведения норм отечественной нормативной правовой базы в соответствие с международными концепциями обеспечения экологической безопасности.

В-четвёртых, долгосрочная социально-экономическая политика государства должна стать теоретико-методологической базой для разработки и реализации концепции обеспечения экологической безопасности России.

Разработка современной концепции обеспечения экологической безопасности основана на идее предупреждения и возмещения вреда, причиненного окружающей среде, здоровью и имуществу граждан путем загрязнения, порчи, уничтожения, повреждения, нерационального использования природных ресурсов, разрушения естественных экологических систем и другими экологическими последствиями нерациональной антропогенной деятельности.

Концептуальный подход к обеспечению экологической безопасности Российской Федерации закономерен и объясняется глобальной угрозой экологических катастроф, поставившей человечество как биологический вид на грань выживания.

В современной реформируемой России представляется рациональным использовать элементы концепции перехода на модель устойчивого развития. Стратегия развития России с преимущественно сырьевой экономикой не согласуется с экологическими особенностями и ограничениями территории страны в регионе планеты. В условиях глобализации рисков безопасности эта проблема в конце XX в. обернулась депопуляцией народа. По прогнозам ООН, население страны к 2025 г. с 146 млн чел. уменьшится до 120 млн, т.е. Россия может утратить культурно-историческую идентичность и цивилизационный статус мировой державы. В современной реформируемой

России представляется наиболее рациональным использовать элементы концепции перехода на модель устойчивого развития. Специфика такого перехода определяется особенностями российской духовности и менталитета, истории и национальных традиций, пониманием нравственных императивов и экогуманистических ценностей, своеобразием процессов приватизации, демократизации и перехода к рынку, реализации национальных единств, достижения социальной справедливости, оптимизацией властных структур и механизмов управления, евразийскими культурно-этническими и территориально-природными реалиями, экологической ситуацией в России и т.д.

В концепции перехода России к устойчивому развитию заложен ноосферный подход к согласованию трех основных уровней (гражданин, общество, государство), форм безопасности и устойчивого развития общества социальной, экономической и экологической. Проблема рассматривается с учетом возможностей сохранения устойчивого развития территории в триаде взаимодействия объектов «природа – население – хозяйство» на уровнях «центр – федеральные округа – регионы – муниципальные образования».

В России до сих пор в государственной стратегии и отраслевой политике природопользования преобладает упрощенная антропоцентристская концепция отношения к природе и ее ресурсам. Именно ресурсное отношение к среде жизни, мысли, деятельности и управления по иерархии приоритетов «общество – природа – хозяйство» необратимо превращает территорию страны в зоны экологического обнищания. Экологически обезличенный физико-географический подход к территории планеты преобладает в науках о Земле, в геологии и градостроительстве, в развитии промышленности и технике, в стратегии размещения и развития производительных сил, в землеустройстве и политике природопользования.

Подобный подход сохраняется и в средней концепции, официально принятой мировым сообществом в принципах Де-

кларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), Повестке дня ООН на XXI в. и других программах. Он господствует на глобальном рынке природных ресурсов, превратив до трети территории планеты в регионы экологического обнищания. Ноосферная концепция отношения к биосфере планеты как среде жизнеобеспечения поколений человечества учитывает уязвимость западного (узкорыночного) варианта развития. В.И. Вернадский предвидел: «...человек становится основной геологообразующей силой планеты, и придет время, когда ему придется взять на себя ответственность за развитие не только общества, но и биосферы в целом» [4].

Время пришло. Речь идет о стратегической актуальности применения ноосферных принципов отношений в системе «природа – общество» на территории государства, особенно в жизнеобеспечивающих циклах производство – потребление – утилизация отходов.

Актуальность принятой в России ноосферной модели перехода к устойчивому развитию подтверждается концепцией национальной безопасности, в которой ставится задача коренного улучшения экологической ситуации в стране. Она должна быть подкреплена адекватными действиями во всех сферах управления развитием территории. Экотехнополисный переход территории к устойчивому развитию позволяет учитывать приоритеты безопасностей (снижение рисков и угроз) как стандарты устойчивости развития всех уровней: защита прав личности, достижение устойчивого экономического развития общества, обеспечение безопасности территории государства. В нем есть возможность согласовывать безопасность функционирования объектов, отраслей и территорий с приоритетами и стандартами устойчивого развития страны во всех фундаментальных направлениях и, прежде всего, в социальной и экономической стратегии. От их адекватного сочетания зависит в конечном итоге уровень ожидаемой продолжительности жизни.

В системе приоритетов безопасности и рисков кризиса должны выделяться естест-

венные права человека на жизнь (гарантии устойчивости жизнеобеспечения поколений, безопасности жизнедеятельности человека и жизнеспособности хозяйства), гуманистические, духовные и иные гарантии. Но экономические права субъектов рынка не должны противопоставляться экологическому равноправию поколений, другим стандартам и ценностям исторической устойчивости развития общества. Потому риски и угрозы социальной, экономической и экологической безопасности эпохи переходного периода должны охватываться системой индикаторов (стандартов) устойчивого развития, основным из которых является уровень ожидаемой продолжительности жизни (УОПЖ) поколений. Индекс УОПЖ должен быть дополнен базовыми характеристиками состояния общества, от которых зависит качество развития. Эти индикаторы могут являться нормами (стандартами) обеспечения безопасности личности и общества на территории государства. И комплекс индикаторов безопасности (устойчивости, бескризисности) общества необходимо учитывать в анализе, планировании и определении приоритетов по стратегической вертикали управления развитием территории государства: федеральный центр, субъекты федерации, муниципальные образования.

В фундаменте устойчивого развития территории должны учитываться основные формы безопасности населения социальной, экономической, экологической. В условиях экологического риска фактор экологической безопасности территорий переходит в разряд стратегически приоритетных, который должен учитываться как основа и условие развития и роста экономических структур общества. В этом сущность социально-экологической и политической самоидентификации функций государства, субъектов рынка на территории и даже системы стандартизации. Потому (наряду с военной и другими формами) должна учитываться стратегически замещаемая экологическая основа государственности с потенциалом экологической безопасности поколений и устойчивого развития хозяйс-

тва страны в регионе биосферы планеты.

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы обусловлена:

– необходимостью в дальнейшей, последовательной разработке наиболее приемлемых форм перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития с учетом интересов экологической безопасности;

– потребностью в изучении и поиске механизмов соединения на практике теоретических наработок, нормативно-правовой базы экологической безопасности с практической деятельностью, экономическими, политическими и прочими интересами РФ;

– необходимостью разрешения острых социальных проблем, связанных с экологической ситуацией в стране, возникающих у

многих категорий граждан РФ;

– изучением зарубежного опыта в организации системы экологической безопасности и возможностью применения его в отечественной государственно-правовой системе в новых условиях социально-экономического развития нашего государства;

– дальнейшей разработкой теоретической основы экологической безопасности, развития положений социальной экологии (экологической социологии), нормативно-правовой основы для принятия эффективных управленческих решений, направленных на прогнозирование и оптимизацию экосоциальных процессов и явлений, происходящих на современном этапе развития РФ.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. – 2000. – 11 июля.
2. Копылов М.Н. Международные организации и охрана окружающей среды // Школа. – М., 2007. – № 9. – С. 267-278.
3. Мышко Ф.Г. Экологическая безопасность. – М., 2003. – 298 с.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 2008. – 583 с.
5. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизика техники) // Вопросы философии. – М., 2009. – № 2. – С. 147-162.
6. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Наука. – М., 2004. – № 7. – С. 12-21.
7. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М.: Россия молодая, 2004. – 365 с.

Коротко об авторе

Джук А.В., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
brilliant7a@rambler.ru

Briefly about the author

A. Dzhuk, post-graduate, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: социальные структуры, институты и процессы

Scientific interests: social structures, institutions and processes

---

УДК 323

Ханин Денис Игоревич
Denis Khanin

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

THEORY AND PRACTICE OF REGIONAL ELITE FORMATION

Проведен анализ формирования региональной элиты в историческом контексте, выявлены условия и особенности эволюции. Автор приходит к выводу, что важнейшим критерием формирования и позиционирования элитного класса является способность к управлению другими людьми, т.е. организаторские способности, а также материальное, моральное и интеллектуальное превосходство. Выборы стали для региональной элиты способом получения независимости от федерального центра

Ключевые слова: государство, политика, воспроизводство элиты, политическая элита, норма, теория, номенклатура, региональная элита, политический класс, концепция, метод, функции, привилегии, рекрутирование, выборы, бизнес-элита

This article analyzes the formation of regional elites in historical context, identifies conditions and features of evolution. The author concludes that the most important criterion for the formation and positioning of the elite class is the ability to manage other people, reorganizational skills, as well as financial, moral and intellectual superiority. The elections had become for the regional elite a method for obtaining independence from the federal government

Key words: government, politics, reproduction of the elite, political elite, rule theory, nomenclature, regional elites, political class, concept, method, function, benefits, recruitment, election and business elite

*«Элита – люди, имеющие интеллектуальное либо моральное преимущество над массой безотносительно к своему статусу»
Л. Боден [1]*

Политическая практика развитых и стабильных демократических государств показывает, что процесс распределения и реализации власти вовсе не предполагает равноправного участия в нем всех граждан. Всегда и везде власть осуществляет узкий круг лиц, представляющих собой меньшинство. Но это меньшинство в силу ряда факторов заставляет массы признать себя. Обоснование неизбежности деления общества на властвующее меньшинство и управляемое большинство представлено в политической науке в концепции элиты.

Классическая концепция элиты создана представителями итальянской школы

политической социологии. На основе наблюдения за реальным поведением элиты в политической жизни они создали целостное представление о роли элиты в обществе. Итальянский правовед Гаэтано Моска в двухтомном труде «Основы политической науки» обосновал идею о том, что во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существует два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый всегда более малочисленный, но осуществляет все политические функции и монополизирует власть, второй более многочисленный, уп-

равляется и регулируется вторым, кроме того, поставляет ему материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма. Моска проанализировал также проблему формирования (рекрутирования) политической элиты и ее специфических качеств. Он считал, что важнейшим качеством формирования политического класса (элиты) является способность к управлению другими людьми, т.е. организаторская способность, а также материальное, моральное и интеллектуальное превосходство над другими. По концепции этого известного социолога политический класс постепенно меняется и в его динамике существуют две тенденции: аристократическая и демократическая. Аристократическая тенденция ярко выражается в стремлении политического класса стать наследственным если не юридически, то фактически. Преобладание этой тенденции приводит к вырождению элиты и общественному застою. Демократическая тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев. Такое обновление предотвращает дегенерацию элиты и делает ее способной к эффективному руководству обществом. Равновесие, говорил Моска, между аристократической и демократической тенденциями наиболее желательно для общества, ибо оно обеспечивает как преемственность, так и стабильность в руководстве государством. Теория «политического класса» Моска нашла свое неожиданное подтверждение в тоталитарных государствах (опыт СССР, где правил политический класс коммунистов). Независимо от Г. Моски теорию политических элит разрабатывал Вильфредо Парето в «Трактате общей социологии». Он также исходил из того, что миром во все времена правило и должно править избранное, наделенное особыми психологическими и социальными качествами меньшинство — элиты. Эта элита отличается от других высокой результативностью и действует с высокими показателями в той или иной сфере деятельности. Совокупность таких индивидов и составляет элиту. Она

делится на правящую, которая прямо или опосредованно участвует в управлении и неправящую контрэлиту. Контрэлита — это люди, обладающие также характерными для элиты психологическими качествами, но не имеющими доступа к руководящим функциям в силу своего социального статуса и различного рода барьеров. Развитие общества, как представлял Парето, происходит посредством периодической смены, циркуляции элит. Причина такой циркуляции заложена в том, что правящая элита стремится сохранить свои привилегии и передать их по наследству людям с неэлитарными качествами. Это ведет, с одной стороны, к качественному ухудшению ее состава, с другой, количественному росту контрэлиты. Последняя, опираясь на недовольные массы, свергает правящую элиту и устанавливает собственное господство. В истории таких примеров предостаточно и, как мы видим, к власти все равно приходит элита, но более другого содержания, чем прежняя.

Вклад Моски и Парето в современную политическую теорию связан главным образом с определением структуры власти и сосредоточением внимания на групповом характере реализации власти в любой ее форме.

В территориально-крупных странах элита имеет обособленные уровни строения: общегосударственный и региональный. Региональная политическая элита — социальная группа, являющаяся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в сфере политики. Она обладает необходимыми для этого преобладающими ресурсами: экономическими, политическими, административными. Элиты создают нормы, по которым живут все слои общества. Поскольку региональные элиты не могут обладать суверенной властью, они соподчинены элитам общегосударственным и согласуют с ними свой курс [2].

Политическая элита региона представляет собой социальную страту, которая достигла самого высокого политического статуса, оказывает определяющее влияние на процессы принятия политических реше-

ний в регионе. Элита обеспечивает согласование интересов субъектов политического процесса на уровне региона, между регионом и федеральными элитами, между различными регионами.

Региональная политическая элита неоднородна. В ней выделяются следующие сегменты (специализированные группы): идеологические, административные, военные, экономические, интеллектуальные и т.д. — по видам деятельности. Элита также состоит из властвующей и контролиты (системной оппозиции) [3].

Исследователи региональных политических элит обычно применяют 3 основных подхода анализа:

1) позиционный (Р. Милибанд, Р. Миллс, Р. Патнэм) выявляет и изучает формальные статусные позиции индивидов в иерархии власти, их функции;

2) репутационный (Ф. Хантер) выявляет степень влияния и авторитет властвующих лиц в общественном мнении;

3) «решенческий» (деятельностный) подход (Р. Даль) раскрывает реальные влияния на принятие решений на основе анализа политической динамики и итогов политических процессов, в т.ч. на уровне внутриэлитных взаимодействий [4].

Каждый из подходов требует применить своеобразный набор методов и процедур, каждый имеет свои преимущества и погрешности. Позиционный подход чаще всего реализуется в методе анализа документов официального происхождения — законов, подзаконных актов, биографических справок, сообщений о назначениях и отставках.

Репутационный подход в основном означает проведение экспертного опроса или (реже) массового анкетного опроса, интервью.

«Решенческий» (десизионный) подход предполагает доступ аналитика к процессу принятия решений внутри элиты либо доступ к текущему архиву политической структуры. Применяется наблюдение, эксперимент, анализ документов (чаще — неофициальных).

Роль региональных элит в общероссий-

ской системе высокостатусных групп определяется в постсоветский период целым комплексом объективных и субъективных факторов. Региональные элиты получили благодаря приватизации и децентрализации самостоятельные ресурсы влияния.

Во-вторых, региональные элиты стали формировать вертикально-организованные «команды», автономные от общероссийских политических элит. Исходной формой данного институционального строительства явились традиционные для России патрон-клиентарные отношения.

В-третьих, региональные элиты начали формулировать свои корпоративные интересы, используя местные особенности идентичности для легитимации собственной власти.

Мощную поддержку процессу элитогенеза оказала избранная в 1990-х гг. модель децентрализованного федерализма. Региональные элиты в федеративном государстве получают важные преимущества в области защиты своих интересов [5].

В начале 1990-х гг. федеральные элиты, будучи несплоченными и политически расколотыми, вынуждены передать региональным элитам значительный объем ресурсов. К ним относились договорной порядок легитимации отношений «центр-регион»; практика двусторонних «асимметричных» соглашений; одобрение, присвоение региональными элитами ресурсов явочным порядком; признание контроля глав субъектов РФ за назначением руководителей территориальных структур ведомств: прокуроров, судей, глав избирательных комиссий, налоговых и таможенных служб. Как справедливо отмечает М.Х. Фарухшин, федеральный центр «не только существенным образом ослабляет свою власть и во многом теряет контроль за ситуацией в субъектах федерации, но и в определенной степени попадает в зависимость от регионального руководства». Следовательно, процесс децентрализации вышел из-под контроля федеральных элит и приобрел черты неуправляемости. К 1999 г. в регионах сложились устойчивые правящие элиты, воспринимавшие себя в роли

автономных равноправных «игроков» на политической арене. Крайнее выражение данная тенденция получила в сепаратистских настроениях элит ряда республик и высокоресурсных либо окраинных областей [6].

Вместе с тем, стратегии региональных элит во взаимоотношениях с общероссийской элитой многообразны, что зависит от степени ресурсной обеспеченности каждого региона, социальных особенностей элит и лидеров; их идеологических ориентации.

Одной из важнейших задач, стоящих перед современным политическим руководством России, является создание системы действенного, эффективного управления во всех звеньях государственного аппарата Российской Федерации. В качестве основных агентов административных реформ выступают институты политической власти, органы исполнительной власти, государственная бюрократия, научная общественность, бизнес-сообщество [7].

Современные исследователи различают два этапа формирования постсоветской элиты: «ельцинский» и «путинский». Так, О. Крыштановская отмечает, что за девять лет правления (1991-1999) Б. Ельцин так и не смог интегрировать верховную власть. При этом ни одна государственная структура не стала доминантной. В условиях вакуума власти неформальные группировки и кланы брали на себя государственные функции, конкурируя между собой за право выступать от имени президента. По мнению ученого, «в ельцинский период произошел распад верховной власти. Диффузия власти привела не к демократическому разделению властей, а к управленческому хаосу» [8].

«Путинский» этап характеризуется устранением причин, которые привели к разрушению управленческой вертикали при Б. Ельцине. Новый президент вернул федеральному центру значительный объем власти над регионами, расширил базу поддержки центра на местах и наметил пути для восстановления действия механизмов управления территориями, при этом формально не нарушая демократических при-

нципов. Была создана управляемая, упорядоченная система исполнительной власти. Если при Б. Ельцине власть рассредоточивалась, перемещаясь от центра к регионам, то при В. Путине снова стала возвращаться в центр, центробежные тенденции уступили место центростремительным.

Исследователи отмечают, что современная правящая элита России отличается от советской многими важными качествами: генезисом, моделями рекрутирования, социально-профессиональным составом, внутренней организацией, политической ментальностью, характером отношений с обществом, уровнем реформаторского потенциала [9].

В середине 90-х гг. XX в. на смену формирования региональных элит «из центра» пришел процесс их саморазвития, закрепленный в новых механизмах элитообразования в регионах, что позволило стабилизировать элитный корпус – 53 (более 60 %) президента республик в составе РФ избраны повторно. Из действовавших в 2002 г. глав субъектов Российской Федерации 16 руководят своими регионами десять и более лет [10]. В связи с новой политической обстановкой изменился и социальный портрет элит: возраст, образовательный ценз, социальная база рекрутирования. Региональные элиты располагают различными весьма серьезными ресурсами влияния и проходят завершающий этап институционализации. Выборные тенденции набирали силу. Поэтому в ряде регионов в порядке исключения еще в 1992-1993 гг. верховная власть разрешила проведение выборов глав администраций. Этот процесс продолжал развиваться и закончился принятием 17 сентября 1995 г. указа президента, который определял срок выборов назначенных президентом глав администраций субъектов федерации – декабрь 1996 г. Так был осуществлен переход к выборной системе руководителей исполнительной власти субъектов федерации. Последнее назначение главы администрации состоялось в июле 1997 г. в Кемеровской области.

Выборы стали одним из самых значительных достижений демократии в России,

что привело к глубоким изменениям во всей политической системе.

Выборность региональных руководителей принципиально изменила профиль российской власти: выборы не только привели наверх новых людей, но и сделали губернаторов (глав) опасно независимыми от центра. События в Чечне продемонстрировали обществу неэффективность военных методов. Политические рычаги управления регионами были крайне ослаблены не только из-за введения выборного принципа формирования губернаторского корпуса, но и из-за отсутствия единой нормативной базы взаимодействия центра и территорий, противоречий в законодательстве. Экономические ресурсы долгое время оставались чуть ли не единственными реальными рычагами влияния центра, что привело, в свою очередь, к искажению межбюджетных отношений, налоговой системы. Так называемые “трансферты” позволяли центральной власти управлять регионами, но это касалось лишь бедных, дотационных территорий [11].

Экономический потенциал местной власти определяется масштабами ресурсов, в том числе и человеческих (успех региональной власти зависит от продуманности региональных проектов развития при опоре на профессиональный бюрократический аппарат), которыми располагает регион, а также степенью контроля, установленной властью над этими ресурсами [12].

В современных условиях политическая элита субъектов Российской Федерации все в большей мере вытесняется с арены действия политических факторов федерального масштаба, а ее интересы замыкаются на подконтрольной ей территории.

Взамен утраченных возможностей оказывать общедоказательное влияние главы регионов получили гарантии экономической и иной помощи из центра при условии политической поддержки региональными элитами позиций центра в ходе федеральных выборов.

Усиление административной составляющей в составе региональной политической элиты является характерной чертой

нынешней российской ситуации в политической сфере: максимальная вероятность победы на выборах в законодательные органы власти субъектов РФ имеется у представителей глав исполнительной власти регионов.

Используя интегральный административный ресурс, чиновники высшего ранга надолго закрепляются в элитных группах, что приводит не просто к частичному искажению представительства социально-политических интересов общества, но к полной имитации этого представительства.

В таких условиях элита более эффективно выполняет работу по обеспечению собственного устойчивого положения, которая традиционно ведется не по формальным принципам работы в высших органах власти, а по неформальным “правилам игры”, структурирующим элиту по принципам личной преданности.

Определяющей тенденцией формирования института местной власти является постепенное “сращивание” элиты с крупным бизнесом. Интересы чиновничества и крупных бизнесменов часто пересекаются, а в результате в регионе процесс принятия стратегических решений проводится по принципам реализации закулисных договоренностей между госаппаратом и руководством ведущих экономических структур.

Ядром формирующегося института местной политической элиты выступает либо властная (представители исполнительной и законодательной власти региона), либо политико-экономическая (крупные бизнесмены) составляющая. Максимальным политическим влиянием при этом обладают представители таких структурных групп, как “Глава региона”, “Глава областного центра” и “Главы конфессий”, однако в общем совокупном объеме политического веса руководителей региона доля этих групп не велика.

За субъектами РФ сохраняется обширное поле для политического, экономического и социального творчества.

Формирование региональных элит преимущественно в качестве влиятельных субъектов политического процесса. Изме-

нившийся облик региональных элит постепенно перевел в новое качество характер построения диалога между политическими субъектами. Новое позиционирование региональных управленческих элит в общероссийской элитной структуре кардинально изменило ее облик и превратило региональную элиту в фактического обладателя власти на местах. В итоге, несмотря на активные процессы суверенизации, постепенно крупные российские компании усилили свое влияние на региональную власть как прямыми (победы ставленников федеральных компаний на региональных выборах), так и косвенными (эффективное лоббирование своих интересов) способами. Приобретая мощных союзников в лице центрально-российской экономико-политической элиты, а также ввиду отсутствия действенных механизмов и способов продуктивного лоббирования региональных интересов, автоматически снизилась степень региональной «независимости». Оптимизация внутриэлитного взаимодействия открыла возможности повышения эффективности элит России, стабилизации общественной системы, улучшения качества жизни.

На основании изложенного, констати-

руем, что важнейшим критерием формирования и позиционирования элитного класса является способность к управлению, т.е. организаторские способности, а также материальное, моральное и интеллектуальное превосходство. Управленческая деятельность в рамках всех теорий элит, безусловно, рассматривается как ключевая, системообразующая.

Сегодня в России элита имеет наибольшее воздействие на цели, формы и направленность регионального политического процесса.

Региональный уровень строения и активности элиты понимается в качестве субнационального политического пространства, которое самоорганизуется на протяжении длительного времени вследствие устойчивых отношений между субъектами политики. Региональный уровень элиты не изолирован от общегосударственного, межрегионального (в масштабе федеральных округов) и локального (уровня муниципальных образований). Между уровнями элиты сложилась система взаимодействия «по вертикали», действующая вследствие обмена политическими ресурсами.

Литература

1. Боден Л. Философия неравенства. — М.: Мысль, 1990. — С. 214.
2. Пляйс Я.А. Политическая элита России, тенденция развития и современные особенности: Аналитический обзор. — Ростов н/Д.: СКАГС, 2004. — С. 71-78.
3. Мохов В.П. Региональная политическая элита России. — Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. — С. 91-98.
4. Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк. — М., 1996. — С. 15-21.
5. Бахлова И.В. Региональные политические элиты в федеративном государстве. — Изд-во Мордов. ун-та, 2000. — С. 65-70.
6. Гаман О.В. Региональные элиты в постсоветской России // Российская Федерация. — 1995. — № 10. — С. 107-112.
7. Федоренко Н.В. Региональная управленческая элита: особенности формирования и функционирования // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции Макроэкономические проблемы современного общества (федеральный и региональный аспекты). — Пенза, 2007. — С. 32-34.
8. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. — М., 2005. — С. 235.
9. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учеб. пособие. — М., 2004. — С. 289.
10. Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2006. — С. 84.

11. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Политическая социология. – 2003.

12. Лихачев И.В. Политические элиты современной России: сущность, особенности, перспективы: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – С. 129.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Ханин Д.И., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
sir.xanin2011@yandex.ru

D. Khanin, post-graduate, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: политическая элита, выборы, государство, политика

Scientific interests: political elite, elections, government, politics

---

Культурология

УДК 008

Камедина Людмила Васильевна

Ludmila Kamedina

СМЫСЛОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КУЛЬТУРНО-ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ МИХАИЛА ВИШНЯКОВА

SEMANTIC REPRESENTATION IN CULTURAL-POETIC WORLD OF MICHAEL VISHNYAKOV

Анализируется смысловая репрезентация в культурно-поэтическом мире М. Вишнякова. Эта репрезентация представлена славяно-языческими, православными и мировыми образами, символами, знаками. Автор приходит к заключению, что творчество М. Вишнякова – своеобразная модель русского культурного бытия, транслируемая современникам и потомкам

Ключевые слова: смысловая репрезентация, национальные ценности, традиции, культурно-поэтический мир, диалог культур

In this article the author analyzes the semantic representation in the cultural-poetic world of M. Vishnyakov. This representation is expressed by the slavyano-pagan, orthodox and world images, symbols, signs. The author comes to conclusion that M. Vishnyakov's creativity is the original model of Russian cultural life, which transferred to contemporaries and descendants

Key words: semantic representation, national values, traditions, cultural-poetic world, dialogue of cultures

Культурно-поэтический мир русского поэта последней трети XX столетия Михаила Вишнякова представлен символами, знаками, кодами предшествующих культурных традиций. В этой связи актуальной проблемой является освоение наследия поэта, которое в эпоху возрождения национальных ценностей может быть переосмыслено в границах духовной целостности русской культуры. Задача настоящего исследования – на основе смысловой репрезентации смоделировать универсальный проект русского бытия, каким он представлялся М. Вишнякову.

Русская культура складывалась из знаков, символов, образов народной и христианской культур [6]. Казаки, которые осваивали Сибирь, принесли в сибирские земли русские культурные традиции, народные праздники, обычаи, обряды, иконы, молитвы и т.д. Все это растворилось в Даурской

земле, где жил и творил М. Вишняков.

Первая линия словесно-поэтического наследия М. Вишнякова – мир славянского язычества, воссозданный в особых образах, ритмах, запахах, цветописи. Один из разделов сборника сочинений поэта называется «Славяне». Здесь описывается богатство Русской земли, славные битвы, упоминаются языческие боги, волхвы и идолы. Здесь задается ритм русской жизни – несущаяся конница, звон половецкой сабли: «Вздыбилась, летит Россия / в грозовой десятый век» [1; Т. 1; С. 260].

Затем эти ритмы, образы, знаки и смыслы перетекают в пространство Даурии. Поэт «берет горсть родной русской земли» и переносит все, что он сам любит, что ему дорого, в Даурскую землю. Другими словами, русское культурное бытие репрезентируется в культурный мир «окраинной земли», с одной стороны, далекой, с дру-

гой — близкой и родной. Следует отметить, что эта земля издавна привлекала русского человека. В Древней Руси ходили слухи о сказочно богатых землях на востоке. Целые семьи, деревни срывались со своих мест и устремлялись на восток в надежде обрести «рай земной». Побег в Даурию были так часты, что сибирским воеводам было приказано ловить беглецов, заставляя их целовать крест на том, чтобы «в Даурскую землю не съезжать» [3; С. 171].

В творчестве М. Вишнякова сохраняются ценности русской культуры: любовь к родной земле; гордость за великое прошлое и славные победы; воспевание красоты родной земли, добрых дел русских людей, их милосердия и терпения. В стихотворении «Голубику посыпали сахаром» поэт воспроизводит такие культурные знаки русского бытия, как гостеприимно накрытый стол, долгие разговоры, натопленную баньку с березовым веником, которая лечит не только тело, но и душу. Эти национальные «пароли» поддерживают связь между сменяющимися поколениями, сохраняют историческую преемственность в потоке времени и напоминают о целостности русского культурного бытия [9]. Поэт сам констатирует смысловую репрезентацию в строке — «Здравствуй, русская жизнь незабываемая!»

Однако в творчестве М. Вишнякова мир славянской культуры выступает во взаимодействии с миром кочевой культуры, представленным через такие образы, как «ржавые курганы», «синие родники», грозы и «ветры кочевий», «кованые ножи», юрты, войлок, ночные отары и т.д. В поэме «Даурское лето» поэт, отмечая ритмы азиатской жизни — набег, побоища, кровную месть, констатирует: «Быть может, уживчивый русский характер/ один и сумел сцементировать здесь/ все эти народы и все племена» [1; Т. 2; С. 121]. В этой поэме М. Вишняков поэтически воссоздает и образ мироустройства даурского кочевника: неторопливое течение жизни, созерцательность, думы о вечном, гостеприимство, всегда горящий очаг, «тишину ночи», «сонного ягненка» и Будду в изголовье. Мятая душа лирического героя находит в «глубинной Азии»

покой: «Скажи, отчего в этих темных равнинах/ ко мне, славянину, пришел исцеляющий душу покой?» [1; Т. 2; С. 120].

Славянский мир и мир кочевой культуры объединяет такая особенность, как целостность мировосприятия носителей этих культур. М.И. Гомбоева, исследуя образ мироустройства хори-бурят, отмечает, что «истоки целостного мировоззрения находятся в образе жизни людей кочевой культуры, в глубинной связи животноводов с миром природы» [2; С. 78]. Особое значение для обеих культур имеет культ предков, что также находит отражение в творчестве М. Вишнякова: он часто разговаривает с умершими — дедом, бабкой, отцом, матерью, старшим братом, друзьями.

В восточной и славянской моделях мироустройства часто совпадают горизонтальные смыслы, связанные с личностным, земным, и вертикальные (духовные) смыслы, выводящие человеческую мысль к божественным истинам. Холистическое видение мира в целостности земного и небесного [10], человеческого, природного и божественного отражается в поэзии М. Вишнякова. Он пишет: «Родная Даурия, синие сны!/ Спасибо за редкие в жизни минуты,/ за доброе утро,/ за высь возвышений и глубь глубины.../ Пусть резко и круто/ высокое солнце встает над судьбой./ Теперь уж навеки со мной остается/ и холод колодца,/ и черная трубка с багряной резьбой» [1; Т. 2; С. 125-126].

Вторая культурная линия поэзии М. Вишнякова — православная — была задана в X столетии всей древнерусской культуре христоцентричной византийской традицией. Русское культурное бытие наполнилось религиозными смыслами, которые передавались из поколения в поколение. Смысловая репрезентация первообразца культурной модели русского мира с его ценностными установками, эстетическими образами и художественным богословием обнаруживается в классической культурной традиции: в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского и др. Не исчезает духовный смысл и в произведениях русской советской литературы,

например, у таких писателей, как В. Кожин, В. Распутин, С. Куняев, Н. Рубцов и др [7; С. 139]. Принадлежит к этой плеяде русских авторов и М. Вишняков. Он осваивает русские религиозные смыслы через опыт своих предков, старообрядцев деда и бабки, через христоцентричную культуру Древней Руси, через собственный религиозно-мистический опыт постижения русского бытия.

Так, по мысли М. Вишнякова, «русский путь» в мире — «вещий», «пророческий», определенный Божьим промыслом: «А будет ночь иль утро? / Беда или победа? / Общественная смута? / Наш путь еще неизвестен... / На это Божья воля» [1; Т. 1; С. 76]. В поэме «Золото короны» «люди Белой идеи» уповают на Бога. Сам поэт считает, что поэтический дар дан ему Богом, присутствие которого он чувствует во время написания стихов. Например, в стихотворении «Письмо из охотничьей избушки» поэт фиксирует зарождение поэзии. Он остался один в аскетичной обстановке лесной избушки, перед ним зажженная лампада — символ жизни, «морозная луна» — друг поэтов, блеск звезд — все это способствует вдохновению, и оно приходит: «И черчу я ответные знаки / на снегу под морозной луной» [1; Т. 1; С. 107]. Божественное присутствие отмечено строчками: «Не один я сегодня во мраке — / кто-то есть по соседству со мной». В этом стихотворении М. Вишняков повторил поэтические коды творчества русского поэта Б. Пастернака. В своем лирическом послании «Зимняя ночь» Б. Пастернак кодирует процесс творческого вдохновения, пришедшего к нему в февральскую метель, в которой зарождается огонек тепла, любви и поэзии — «Свеча горела на столе, / Свеча горела» [4; С. 420]. М. Вишняков заменяет свечу лампадой. Писание строк-знаков на снегу сродни у М. Вишнякова евангельскому сюжету, в котором Христос сидел в одиночестве и чертил знаки на песке [Ев. Иоанн: 8, 6]. Греки, переводя первый стих молитвы «Верую», называли Христа «поэтом Неба и Земли». В своем стихотворении М. Вишняков повторяет жест Христа-поэта, тем самым приравнивая сотворение

стиха к сотворению мира.

Постоянны обращения М. Вишнякова к ангелам, святым, Богородице. Его любимый ангел — архангел Михаил, небесный покровитель поэта, с которым поэт вступает в диалог: «Михаил Архангел с коня / грозно спрашивает меня: / «Это ты, человек бедный, / Божий мир поставил над бездной? / Огнеметным копьём в борьбе / не по змию бьешь — по себе». Ответ поэта искренний и точный: «Этот храм не я изувечил, / не покойный отец, не дед. / Это — гром недавних побед. / Красный гром прокатился в поле...» [1; Т. 1; С. 100]. Вину разрушения и поругания святынь автор возлагает на «красный гром», который прокатился над Россией, уничтожив святыни. Почитание святого Михаила Архангела связано в поэзии М. Вишнякова не только с личным покровительством, но и с боевым, грозным духом архистратига небесного воинства. Его Архангел на коне, как воин, который восстает против зла мира. Именно ему, Архангелу Михаилу, предстоит в конце времен сразиться с духом зла и победить антихриста [5; С. 351-353]. В поэзии М. Вишнякова Михаил Архангел — защитник Руси, ее святынь, погранных традиций. Поэту близок воинствующий ангел. Идею духовной победы русской культурной традиции над «дикой степью» озаменовал и первый храм Читы, названный также во имя святого Михаила Архангела. Небесный архистратиг одерживал духовную победу над кровной мстостью и враждой, он воздвигался для последней битвы со злом. Этого не мог не знать М. Вишняков, проживший в Чите почти всю жизнь.

Стихотворение «Пой, Чикой!» можно назвать знаковым. Село Красный Чикой в Забайкальском крае принято считать старообрядческим. Когда-то в нем поселились сосланные духовные потомки «расколоучителя Аввакума». Здесь, как нигде в Забайкалье, родилось много «русоголовых и голубоглазых ребятишек», здесь долгое время сохранялась православная старообрядческая вера. Здесь отмечена традиция ставить «расписные ворота», как в Древней Руси. Именно Чикой представлен у М. Вишня-

кова русскими «воротами» в «глубинную Азию». У ворот — «Богородица с сыном стоит». Особое почитание Богородицы отмечено у старообрядцев. Поэт «поставил» Небесную покровительницу Русской земли на «воротах» России-Азии, чтобы охранять русское пространство. Использовал М. Вишняков и национальный символ времени — прядение пряжи. В Чикое время остановилось и стало вечностью: «время вечную пряжу прядет» [1; Т. 2; С. 47]. Главные ценности русской жизни, духовные смыслы национального бытия репрезентируются в этой небольшой деревне, ставшей в поэзии М. Вишнякова центром русского мира в Азии. Название стихотворения и рефрен даны в стихотворении М. Вишнякова в повелительном наклонении — «пой, Чикой!». Это и требование, и вера-надежда-любовь к русской песенной поэзии, которая транслирует национальные идеалы, символы, знаки и смыслы русского культурного бытия.

Из почитаемых святых в поэзии М. Вишнякова — «Златоуст да Никола», которые также вписываются поэтом в русский культурный мир, также несут ответственность перед Богом за судьбу России. В культурном образе сна М. Вишнякову видится, как Николай Чудотворец собирает под «чистые светлые знамена» русский народ. Духовные смыслы особого божественного покровительства над Россией сплетаются с духовными смыслами особого пути русского народа.

Истина, которую впитал с молоком матери русский поэт, — в «пшеничном поле», умытом росой, в любви к березам и их «милому шелесту», который «все время стоит в ушах», «в серебряных брызгах на валунах реки Каменушки», в «синей степи» и «спелых жарках», наконец, в «счастливых слезах» от соприкосновения с картинками русского образа. Слезы умиления при виде образа русской красоты — это дар Божий, дающий через слезу ощущение причастности к Русской земле, народу, предкам, которые генетически передавали из рода в род острое ощущение родной земли. М. Вишняков подтверждает это в стихах: «Я, видимо, очень русский,/ иначе откуда счастливые

слезы/ при виде тропинки во ржи?» [1; Т. 1; С. 125].

Раскрывая духовный смысл «русской правды», М. Вишняков подводит русского человека к постижению своей подлинной истории, своего национального бытия, к возрождению самосознания, национальной самоидентификации. Не нарушая линию исторической преемственности вертикальных духовных смыслов русской культуры, поэзия М. Вишнякова наследует и воспроизводит образы и смыслы классической русской литературы. В его поэзии найдутся смысловые репрезентации из А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Гончарова, Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Некрасова, С. Есенина, А. Блока, Н. Гумилева, И. Бунина, а также диалоги с современными ему поэтами — В. Высоцким, Н. Рубцовым, Ю. Кузнецовым и др.

Однако творчество М. Вишнякова представлено не только славяно-языческой и русской православной традициями, к ним органично примыкает мировая культура. Это находит отражение в диалогах М. Вишнякова с древними поэтами и философами Гомером, Феано, восточными поэтами Ли Бо, Ай Цин, с западноевропейскими лириками XIX — XX вв. П. Верленом, Р.М. Рильке. Русский поэт обращается к образам и символам мировой культуры, потому что они волнуют его так же, как образы и символы Руси/России. Это знак уважения к культуре Другого. Такие отношения были заданы еще А. Пушкиным, и русская культурная традиция никогда от них не отказывалась.

Любовь к женщине, грусть осенней тоски, которая превращает поэта в «раненый листок», ощущения красивой ленивой пантеры, готовой к неожиданному прыжку, — вот мир волнений М. Вишнякова, переданный поэзией Верлена и Рильке. Загадочно-обманчивая пантера напоминает Россию, спящую до времени. Символичны и два стихотворения, взятые у Рильке — «Будда» и «Россия». Диалог с западноевропейским поэтом М. Вишняков пропускает через любимую Даурию, в которой сошлись Русь и «глубинная Азия». Золотые купола

храмов с колокольными звонами и неподвластный течению быстрого времени Будда — все это остается в культурных знаках русского поэта.

В поэме «Золото короны» М. Вишняков описывает большой Русский Исход после октябрьской революции, совершившийся на «окраинной земле» России в глубь Азии, которая веками наступала на даурские земли, а теперь принимала в себя русскую Даурию. В стихотворении «Видение на Нерче» М. Вишняков рассматривает наступление Азии на Даурию и отступление от нее как «прилив и отлив»: «тунгусско-манчжурские сопки... растворились в славянской крови», «щемящий березовый запах» в Азии «дышит тайной» [1; Т. 2; С. 20]. Русский Исход, по мнению М. Вишнякова, не вечен. В конце XX в. закончилось время революционной смуты, и «медленно Русь отступает на запад». «Глубинная Азия» вновь поглощает пространство «окраинной земли». Однако отступление России, ее «вечные сны» — это явление кажущееся. Россия «спит глубоко, но обманно, / как дерн, под титановой пяткой ракет», — напишет М. Вишняков [1; Т. 1; С. 91]. По мнению поэта, Россия в своих снах накапливает силы, собирает слова, сохраняет духовные смыслы для будущего поколения.

Одна из поэм М. Вишнякова имеет знаковое символическое наименование — «Даурский трилистник». Три листа древней Даурии в культурно-поэтическом мире М. Вишнякова символизируют три вектора: славяно-языческий, православный и мировой, аккумулирующие духовные смыслы всех трех направлений и формирующие культурную модель русского бытия на «окраинной земле» России. Эта культурно-поэтическая модель русского мира М. Вишнякова не остается в состоянии покоя, внутри нее сохраняются, зреют, затухают исторические идеи. Духовные смыслы «даурского

трилистника» то поглощаются «глубинной Азией», то растворяются в русской Даурии, то отступают на запад. Не случайна последняя запись М. Вишнякова в «Раноставах великого «Слова» от 1 января 2000 г., дата-предчувствие новой эры, которая начинается со знакомого образа сна: «Сегодня мне приснился автор “Слова”. Он задумчиво сидел на белом коне, который, опустив голову, мирно щипал траву на высоком холме моей Даурии... Но за плечом всадника — совсем рядом, ясно различимо — синели поля и перелески Древней Руси» [1; Т. 2; С. 288]. В любимый вишняковский жанр сна включены известные русские символы: белый конь — символ победы; молодой юноша-автор — символ расцвета творчества, свободы и любви молодой рождающейся Руси; «высокая» Даурия — символ древности, первообраз евразийства; синие поля — символ вечного и бесконечного пространства Русской земли; перелески как легкие преграды, которые ничем молодому всаднику-победителю; Древняя Русь — зеркало Даурии.

Таким образом, оригинальность творчества М. Вишнякова заключается в том, что он смотрит на русскую жизнь из «глубинной Азии», из «таинственной Даурии», где «переплавились» многие культурные традиции: восточные, русские, западные. Рефлексируя в духовных смыслах национальной традиции, поэт соединяет в своем культурно-поэтическом мире ее артефакты — темы, образы, смыслы, символы, знаки. Он выстраивает художественное целое из временных пластов, воскрешая память о прошлом. Исходя из этого, можно заключить, что духовные смыслы художественно-поэтического мира М. Вишнякова — национальный ориентир русского культурного бытия, транслируемый современникам и потомкам.

Литература

1. Вишняков М.Е. Стихи и поэмы. В 2-х т. — М.: Русь, 2005.
2. Гомбоева М.И. Образ мироустройства хори-бурят. — Чита: ЗабГПУ, 2002. — 189 с.
3. Панченко А.М. Русская история и культура. — СПб.: Юна, 1999. — 515 с.

4. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. — М.: Художественная литература, 1988. — 511 с.
5. Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. — М.: Белый город, 2007. — 704 с.
6. Пономарёва Г.М. Культура допетровской Руси // Культурология: История мировой культуры. — М.: Академия, 2003. — С. 245-262.
7. Сохряков Ю.И. Творчество Ф.М. Достоевского и русская проза XX в. (70-80-е гг.). — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — 240 с.
8. Толковая Библия в 3 книгах — СПб.: Странник, 1913. Репринтное издание 1987 г.
9. Тростников В.Н. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. — М.: Издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004. — 270 с.
10. Smuts J.C. Holism and Evolution. Macmillan, 1926. 384 p.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Камедина Л.В., канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры литературы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЗабГГПУ)
kamedina_ludmila@mail.ru

L. Kamedina, Doctor of Philological sciences, assistant professor, professor of the literature department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University

Научные интересы: русская литература, русская культура

Scientific interests: Russian literature, Russian culture

УДК 572.026

Креchetova Ольга Викторовна
Olga Krechetova

КУЛЬТУРНЫЙ СЕМИОЗИС КАК РЕЗУЛЬТАТ АУТОПОИЕЗА

CULTURAL SEMIOSIS AS A RESULT OF AUTOPOIESIS

Статья посвящена проблеме исследования культурного семиозиса с позиции аутопойезной теории. С точки зрения данной теории культура представляется круговой, относительно замкнутой системой, результатом человеческой деятельности, которая поддерживается традициями и обычаями, являющимися внутренними аутопойезными механизмами

Ключевые слова: культура, аутопойез, знак, семиозис

The article is devoted to the problem of culture investigation in terms of autopoietic theory. From the point of view of this theory culture is presented as a circulatory, relatively closed system, the result of human activity supported by customs and traditions which are inner autopoietic mechanisms

Key words: culture, autopoiesis, sign, semiosis

Одной из актуальных проблем гуманитарного знания является культурный генезис человека, который обуславливает сущность человеческого бытия. Сложность исследования данного явления заключается в том, что человек как объект исследования представляет собой научный синкретизм, потому как человеческое сознание, с одной стороны, является биологическим феноменом, с другой — является результатом культурного влияния того этноса, к которому он принадлежит.

Исходя из данных соображений, представляется важным для гуманитарной области знания построить теорию культурного генезиса на выводах, сделанных нейробиологами, а именно применить теорию аутопойеза для объяснения сущности и воспроизводства человеческой культуры как некоего особого семиотического кода производства и хранения культурной информации, т.к. именно передача культурной информации от одного поколения к другому обуславливает выбор одних и тех же стратегий поведения и соблюдение традиционных форм повседневной деятельности.

Сам термин «аутопойез» произошел от греческого *αὐτό (auto)*, обозначающего «сам» и *ποίησις (poiesis)* имеющего значение «создание» и буквально значит «самопроизводство» и выражает диалектическое единство структуры и функции. В настоящей статье культура рассматривается с позиций теории аутопойеза, как самообновляющаяся и самоорганизующаяся семиотическая система, как результат деятельности человеческого познания и его постоянного воспроизводства.

Данная теория начала разрабатываться во второй половине прошлого столетия чилийскими нейробиологами Умберто Матураной и Франциско Варелой [10; 11], ранние изыскания которых в области нейрофизиологии и перцепции поставили исследователей перед проблемой информационно-теоретического обоснования познания. Впоследствии теоретические выводы данных специалистов вышли далеко за пределы биологии и нашли свое отражение в работах, посвященных проблемам философии, эпистемологии, лингвистики, коммуникации и теории социальных систем, а также социальной антропологии.

По мере накопления знаний в области нейробиологии о жизнедеятельности живых организмов У. Матураной и Ф. Варелой было сформулировано несколько положений, отражающих сущность организации живых систем в целом: «аутопойзный механизм — это механизм, организованный (определяемый как единство) как система процессов производства (трансформации и деструкции) компонентов, которые (i) через свои взаимодействия и трансформации постоянно обновляют и реализуют систему процессов (отношений), которые их произвели; (ii) выстраивают систему как определенное целое в том пространстве, в котором они (компоненты) существуют путем спецификации топологической сферы ее реализации как системы... То пространство, которое определяется как аутопойзная система есть замкнутое целое и не может быть описано или определено через определения, применяемые в описании других систем... Живая система как молекулярная система представляет собой закрытую динамическую молекулярную архитектуру, которая по мере своей постоянной трансформации в течение длительных колебаний постоянно самостоятельно развивается (*перевод автора* — К.О.) [11; С. 4]. По мнению У. Матураны, аутопойз — это центр когнитивной движущей силы живой системы. Для того чтобы жить автономно, живые системы нуждаются в ресурсах извне, из той окружающей среды, в которой они обитают. Другими словами, они одновременно являются как автономными, так и зависимыми системами. Очевидно, что это положение парадоксально, оно противоречит само себе и смысл его не может быть постигнут путем линейного способа мышления, согласно которым все можно свести к бинарным моделям «да / нет», «или / или». Данный парадокс автономности и зависимости является характеристикой живых существ. По предположению Матураны и Варелы, живые системы суть самопроизводящие механизмы. Никакие другие механизмы не способны на это: все остальные механизмы не могут производить себе подобные — они состоят из множества дру-

гих механизмов, отличных от них самих, то есть они созданы по принципу аллопоейза. Поскольку аутопойзные системы одновременно представляют собой и производящее и производимое, можно сказать, что они представляют собой круговые системы, потому как работают в пределах «продуктивной кругообразности» [10; С. 122].

Как было установлено У. Матураной и Ф. Варелой, живые системы — структурно зависимые системы. Исследователи назвали этот феномен структурным детерминизмом. Структура данной системы — это способ, которым ее компоненты взаимодействуют без изменения самой системы. Структура живой системы отличается от всех остальных тем, что она все время изменяется. Данное положение доказывает тот факт, что она постоянно адаптируется к постоянно меняющейся окружающей среде. Утрата организации приводит к смерти самой системы. Окружающая среда влияет на организм, и организм, в свою очередь, также влияет на структуру окружающей среды, таким образом, образуя кругообразность взаимодействий, и, как следствие, появляется компенсаторное поведение взаимодействующих организмов. Такое поведение можно назвать структурным сцеплением (*structural coupling*) [10; 11]. Такое структурное сцепление можно наблюдать и в культурной среде.

Культура, будучи порождением человеческого разума и человеческой деятельности, как относительно закрытая семиотическая система до определенного момента накапливает некий опыт, структурированный в знаковые сущности — тексты. Движущими кругообразными силами культурного генезиса становятся традиция и обычай, которые также представляют собой совокупность неких текстов — они питают культуру до определенного момента изнутри.

Изменения в семиотической системе любой культуры будут происходить тогда, когда ее семиотические пласты придут в движение от некоего внешнего воздействия, таким внешним фактором, воздействующим на культурную семиотическую систему, может являться другая культура.

В этом случае происходит не только трансформация культуры или переход культуры на качественно новый виток, но и деформация культурной системы в целом. Об этом факторе культурогенеза рассуждал отечественный специалист в области семиотики культуры Ю.М. Лотман, отмечая, что какой бы самодостаточной и самодовлеющей система ни была, она вступает в контакт с другими подобными системами, т.е. она открыта для внешних взаимодействий с другими системами. Такое взаимодействие дает толчок к активации внутренних механизмов культуры и переосмыслению своих собственных знаковых систем, таким образом, переключая относительно замкнутую систему из состояния покоя в состояние активного познания и/или создания новых знаковых систем [5; С. 71].

В этом случае уместно говорить о диалогии культур, в котором одна культура будет носить ориентирующий характер, а другая ориентироваться. Причем, ориентируемая культура будет интерпретатором текстов, порожденных ориентирующей культурой, но интерпретировать поступающие к ней тексты она будет по своим внутренним законам. Вторжение этих текстов, как отмечает Ю.М. Лотман, «играет роль дестабилизатора и катализатора, приводит в движение силы местной культуры, а не подменяет их» [5; С. 49]. Все же в какой-то момент ориентирующий характер одной культуры на другую может исчезнуть, т.к. наступит перенасыщение информацией принимающей культуры, обработка ее завершится, в результате которой выстроится новая знаковая парадигма, которая либо начнет транслироваться в обратном порядке (т.е. из воспринимающей она превратится в ориентирующую), либо ассимилируется. Система стабилизируется, что приведет все знаковые подсистемы воспринимающей культуры в состояние покоя, но уже на другом уровне (витке) развития культуры. Такой процесс, по мнению Ю.М. Лотмана, отражает синусоидно-волнообразный и пульсирующий характер поступательного движения, что является доказательством кругообразности [5; С. 55].

Культурная среда – это семиотическая, социальная сфера жизнедеятельности индивида. Она обеспечивает условия для постоянного роста и развития человека не как биологического существа, а как существа социального. В свою очередь, человек как живая система определяется круговой организацией. Данная круговая организация поддерживает самое себя, что обеспечивается порождением множества каузальных или причинно-следственных связей, что соответствует главным характеристикам всех знаковых систем. По причине того, что человек – это познающая система, то и его культура будет соответствовать одной из главных характеристик живых систем – она будет гибкой, т.е. способной до определенного предела насыщаться новой информацией как изнутри, так и в процессе внешних взаимодействий.

Огромный пласт культурной информации, а также информации о культуре заложен в естественном языке на всех уровнях, тем самым делая язык первичной культурной моделирующей системой, поскольку, согласно утверждению А.В. Кравченко, вопрос функционирования языковых знаков заключается в раскрытии того, в чем состоят и каким образом протекают процессы языковой категоризации [2; С. 74]. «Способность классифицировать явления, распределять их по разным группировкам и классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что в актах восприятия человек судит об идентичности одних объектов другим или же, напротив, об их различии. Категоризация воспринятого – это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать увиденное, услышанное и т.п.» [4; С. 25]. Далее развивая свою мысль о природе языкового семиозиса, А.В. Кравченко указывает на то, что языковые знаки, будучи категориями в онтологическом плане, в свою очередь сами служат целям категоризации, но уже языковой, посредством которой осуществляется знаковая репрезентация расчлененного мира [2; С. 76].

Существование знаковых сущностей

любой природы невозможно без интерпретации, которая пронизывает повседневную жизнь любого этнического сообщества, ориентируя представителей разных этносов на выбор необходимой поведенческой стратегии в контексте «здесь и сейчас». Интерпретация опирается как на индивидуальный опыт, так и на опыт национальный, общекультурный. Чем больше случаев столкновения с различными культурными явлениями, тем больше шансов у данного явления приобрести знаковую форму, т.е. наполниться содержанием, которое обусловлено опытом интерпретатора. Как указывает А.В. Кравченко: «Неслучайно, поэтому, самое большое количество знаковых отношений обнаруживается в культурной среде как совокупности проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов... Следовательно, «знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт» [2; С. 85]. Данное определение как никакое другое более всего подходит для определения культурных знаковых сущностей, потому как культурный знак постигается сознанием только через опыт взаимодействия с окружающей средой.

Так, например, обрядовые песни, загадки, пословицы, поговорки, идиоматические выражения сохранили свою способность интерпретироваться примерно одинаково с точки зрения разных интерпретаторов, и поэтому стали знаковыми сущностями, а некоторые даже символами русской культуры, по своей сути являясь знаками конвенциональными. Будучи по своей природе антропогенными, они являются составной частью русской культуры, неся не только смысловую (языковую) нагрузку, но и этическую и эстетическую. С другой стороны, являясь некими языковыми артефактами, они могут быть и естественными знаками в определенном контексте. Все приведенные выше примеры языковых явлений в любом случае будут знаковыми, т.к. они легкодоступны и компактны (в относительно краткой форме содержат максимум содержания и известны большинству носителей языка), а также стабильны (сохраняют свою фор-

му на протяжении довольно долгого периода времени), к тому же, они всегда носят интенциональный характер, как и любой другой культурный знак. Способность интерпретатора зависит не только от личного опыта взаимодействия с культурными знаками подобного рода, но и его общекультурной компетенции. Личный опыт также приобретает во время идентификации человека с этносом, к которому он принадлежит. Еще М. Хайдеггер утверждал, что индивиды имеют тенденцию к отчуждению себя от мира вещей, об этом же говорил Э. Бенвенист, который считал необходимым условием осознания себя через оппозицию «я – другой» [1; 9]; об этом же упоминает и отечественный исследователь семиотики фольклора Т.В. Цивьян, приводя в своем исследовании «Модель мира и ее лингвистические основы», что *отчуждение* происходит по бинарной оппозиционной модели «я – чужой», либо «я – другие», либо «я и мир» и зачастую носит мифологизированный характер. Как отмечает Т.В. Цивьян: «Это фундаментальное противопоставление может исходить из человека как точки отсчета, то есть быть представлено как антропоцентрическое...» [7; С. 8-9]. В доказательство исследователь приводит анекдот про девярых людей, который заключает, что «Я – иной по отношению ко всем людям, другим для меня; чтобы учесть нас всех (и меня) нужен *иной*, посторонний» [7; С. 9]. Здесь исключительность обуславливается индивидуальным аутопойезом, осознанием себя как некой конечной системы, которая неким образом противостоит другим системам, имеет свой опыт взаимодействия с окружающим ее миром и претендует на исключительность. В таком ракурсе человек склонен считать других подобными ему самому, сравнивать и через сравнение постигать другого. Именно таким образом происходит идентификация человека и «встраивание» в общую культурную среду как определенную, общую для всего этноса, консенсуально-каузальную среду взаимодействия.

Можно выделить два аспекта функционирования культурных конвенциональ-

ных знаков, имеющих целью передачу информации: коммуникация и сигнализация [2; С. 90]. Данные аспекты, думается, играют важную роль в случаях межкультурной коммуникации. Коммуникация есть передача информации, либо расширение сферы взаимодействий на основе опыта подобных взаимодействий, либо на основе собственного опыта (знания). Она призвана вызвать определенные поведенческие реакции, которые прогнозируемы благодаря наличию примерно одинакового (идентичного) опыта у отправителя и получателя информации. Это можно пронаблюдать на примере коммуникации представителей одной культуры.

В процессе же сигнализации отсутствие опыта взаимодействий с культурной средой нередко ведет к непредсказуемости поведения интерпретатора знаковой сущности, т.е., выражаясь в терминах Ч. Пирса, то, что для отправителя символ, для отправителя всего лишь знак-индекс [6; С. 172]. Это уже признак ситуации межкультурной коммуникации, в которой зачастую возникают проблемы во взаимодействии коммуникантов. Для того чтобы знак стал символом, необходимо, как минимум, два условия: во-первых, контекст интерпретации; во-вторых, фоновые знания субъекта коммуникации, которые всегда предполагают опыт или знание той культуры, с которой осуществляется коммуникация. Если культура, по Ю.М. Лотману, суть коллективная память, можно заключить, что культура есть эмпирическое знание, т.е., опыт всего национального со- и самосознания [5; С. 88]. Если культура – это система, элементы которой находятся во взаимосвязи, то ее можно назвать особой когнитивной областью взаимодействия. Как указывает А.В. Кравченко, коммуникативная когнитивная область включает в себя две подобласти – область языковых и неязыковых взаимодействий. Данные области не существуют отдельно одна от другой, а накладываются, пересекаются, образуя консенсуальные области взаимодействия разной интенсивности. Такие и подобные взаимодействия и совпадения порождают формирование од-

нотипного ряда концептов, а значит, практически идентичных семиотических сфер в сознании каждого, что приводит к успешному результату коммуникации в целом [3; С. 90-91].

Информация, которая заложена в культурном знаке, должна нести не только смысловую, но и ценностную нагрузку, иначе сущность, называемая знаком, просто становится бессмысленной. Культурный знак в самом общем виде может быть представлен как некая ценностно-смысловая сущность, выполняющая не только семиотическую, но и адаптивную функцию, т.е. семиотическая и адаптивная функция культуры проявляются одновременно как определенное целое: человек с самого своего рождения адаптируется как биосоциальный организм к окружающей его среде, при этом под окружающей средой следует понимать не только биологический аспект данного понятия, но и, в большей мере, социально-культурную среду, к которой происходит адаптация. Адаптация же, в свою очередь, происходит через освоение семиотического пространства культуры, к которой принадлежит индивид, т.е. через освоение своей культурной семиосферы, т.е. знаковых сущностей, в которых закреплены определенные смысловые и ценностные значения. Являясь по своей структуре иерархичной многослойной семиотической системой, культура оперирует на различных своих уровнях определенными текстами, закодированными в различных знаках, несущих определенную смысловую нагрузку. Смыслы являются основополагающими при кодировании или декодировании информации, заложенной в знаках. Знаки же, в свою очередь, формируют культурные тексты. Различные типы знаков определяют разные типы текстов. Все разнообразие знаковых систем и текстов составляет семиотическое поле культуры. В случае если речь идет о поведенческом аспекте культуры, можно говорить о том, что национальное поведение состоит из естественных, вербальных и конвенциональных знаков, которые реализуются в человеческой деятельности одновременно:

какие-то из них являются конвенциональными (правила привычного поведения, которые строго регламентированы этикетом, в том числе и бытовые правила поведения, которые нигде не фиксируются, но прочно усваиваются в процессе жизнедеятельности индивида по принципу «так надо, потому что так было всегда»).

Человек, несущий в себе определенную культуру, обладает определенным набором культурных установок и образцов (паттернов) поведения, усвоенных им в процессе жизнедеятельности. Данные определенные наборы помогают индивиду адаптироваться к среде обитания и установить неразрывную связь со своей культурой. Р. Линтон указывает на то, чтобы функционировать успешно как единица социума, индивид должен аккумулировать определенные стереотипные формы поведения, т.е. культурные паттерны. Большое количество таких паттернов ориентировано на поддержание социума, а не на удовлетворение самого индивида. Таким образом, однажды усвоив определенный набор смысловых и ценностных ориентиров, он руководствуется ими в бесконечном числе ситуаций взаимодействия с другими людьми [8; С. 214].

В заключение можно сделать следующие выводы:

– культура есть порождение человеческой деятельности, следовательно, является круговой системой, поддерживающей самое себя при помощи внутренней структурной организации, механизмами которой являются традиция и обычай;

– культура может получать ресурсы извне в виде чужеродных культурных семиотических текстов, которые подвергаются декодированию и трансформации по законам внутренней саморегуляции данной культуры, либо же трансформируется сама под влиянием извне;

– культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся средой обитания человека, влияющая на формирование его как аутопойезной системы. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире, а также носит адаптивную функцию;

– различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование, следовательно, представлять собой культуры различных типов. Культура «выходит» из человеческого сознания и познания и замыкается на человеке.

Литература

1. Бенвенист Э. Природа местоимений // *Общая Лингвистика*. – М., 1974.
2. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
3. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск: БГУЭП, 2008. – 320 с.
4. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: ИЯ РАН. – 127 с.
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство – СПб., 2002. – 768 с.
6. Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 165-226.
7. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
8. Linton R. The Individual, Culture, and Society // *Social and Cultural Foundations of Guidance*. – A Sourcebook ed. by Esther M. Lloyd-Jones and Norah Rosenan, USA, 1968. – С. 212-219.
9. Heidegger M. Being and time. New York: Harper & Row, 1962.
10. Maturana H.R. and F.J. Varela *Autopoiesis and Cognition: The organization of the living*. Boston: Reidel, 1980.
11. Maturana H.R. Autopoiesis, structural coupling and cognition: a history of these and other notions in the biology of cognition // *Cybernetics and Human Knowing*. – 2002. – pp. 5-34.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Кречетова О.В., соискатель кафедры ТиПЛ, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) krechetova75@gmail.com

O. Krechetova, applicant for scientific degree, Theoretical and Applied Linguistics department, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: философская антропология, семиотика культуры, когнитивная лингвистика

Scientific interests: philosophical anthropology, cultural semiotics, cognitive linguistics

---

Науки о Земле

УДК 622.272.4 (622.274.4)

Лизункин Владимир Михайлович
Vladimir Lizunkin

Матвеев Александр Евгеньевич
Alexander Matveev

ТЕХНОЛОГИЯ ОТРАБОТКИ КРУТОПАДАЮЩИХ СБЛИЖЕННЫХ УРАНОВЫХ ЖИЛ МАЛОЙ МОЩНОСТИ

TECHNOLOGY OF NARROW RAKE VEINS OF URANIUM SUPERIMPOSED SEAMS EXTRACTING

Приведены особенности горно-геологических и горнотехнических условий отработки маломощных крутопадающих сближенных урановых жил. Проанализирована существующая технология их отработки. Предложена более эффективная технология, позволяющая повысить концентрацию горных работ, увеличить производительность труда, уменьшить разубоживание руды и затраты на закладочные работы

Ключевые слова: *доставка, очистной блок, проветривание, сближенные маломощные крутопадающие жилы, система разработки, скважины малого диаметра, Стрельцовское месторождение, твердеющая закладка*

The paper presents features of mining and geological conditions for the extracting of narrow rake veins of uranium in superimposed seams. The actual technology of extracting has been analyzed. More efficient technology has been suggested. It can increase concentration of mining, working efficiency, reduce ore dilution and shave expenditures connected with stowing operations

Key words: *transportation, purifying, airing, superimposed narrow rake veins, mining system, a small diameter cleft, small-bore holes, Streltsovskoye field deposit, consolidating stowing*

В настоящее время ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО) отрабатывает урановые месторождения Стрельцовского рудного поля, локализованные в скальных породах, которые характеризуются сложными горно-геологическими условиями залегания. Крутопадающие маломощные (до 2,5 м) рудные тела включают 70 % руды от общих запасов месторождения [1].

В целом по Стрельцовской группе месторождений руды относятся к неустойчивым или среднеустойчивым, вмещающие породы вне зон тектонических нарушений среднеустойчивые. Для рудных залежей

характерна высокая изменчивость элементов их залегания (угла падения, мощности, длины по падению и простиранию). Коэффициент крепости руды и пород по шкале проф. М.М. Протодяконова изменяется от 6 до 18.

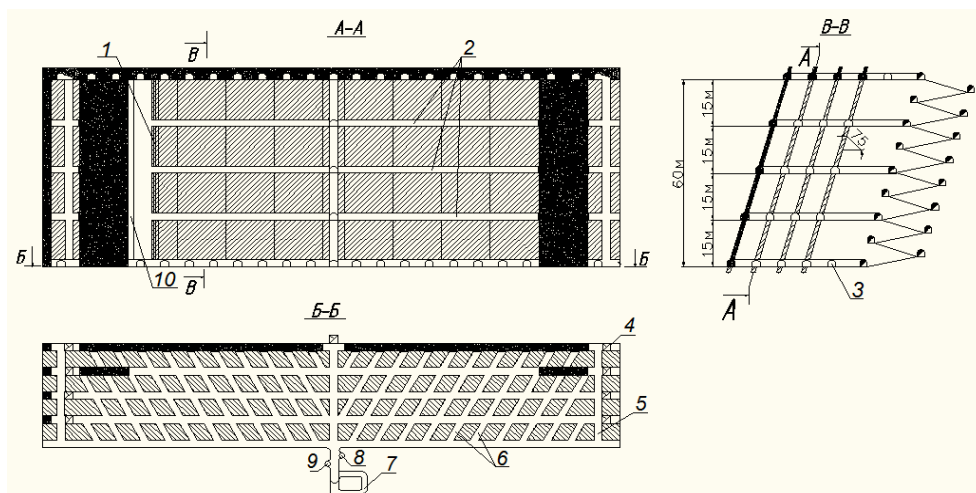
Физико-механические свойства пород рудного поля весьма дифференцированы. Эффузивы основного состава (базальты, андезито-базальты, андезиты) характеризуются минимальной пористостью, обладают высокими упругими, пластическими и достаточно высокими прочностными параметрами. Лавовые брекчии и агломераты этих пород ха-

рактируются пониженной прочностью и упругостью, высокой общей пористостью. Дацинты и фельзиты по физико-механическим свойствам отличаются от других пород разреза и качественно сходны между собой. Они имеют высокую полную и эффективную пористость, большую прочность, по отношению модулей упругости и коэффициента Пуассона, отмечается склонность этих пород к хрупким деформациям. Породы туфогенно-осадочных прослоев обладают высокой пористостью, низкими значениями коэффициентов Пуассона и модуля упругости, что характеризует эти породы как относительно пластичные.

Одной из главных проблем рудников ОАО «ППГХО» является относительно высокая себестоимость добываемого урана. Это вызвано увеличением доли отрабатываемых маломощных крутопадающих рудных тел с 12 до 50 %, что привело к повышению разубоживания руды в целом с 25 до 38 %, в связи с применением системы разработки горизонтальными слоями с нисходящей слоевой выемкой и твердеющей закладкой. Эта система имеет также низкую производительность труда и высокие затраты на погашение выработанного пространства твердеющей закладкой.

Поэтому повышение эффективности отработки маломощных крутопадающих, особенно сближенных жил является актуальным для предприятия. Анализ отечественного и мирового опыта показал, что это может быть достигнуто, прежде всего, путем совершенствования технологии и технических средств на основе применения системы разработки подэтажных штреков со сплошной выемкой и последующим заполнением выработанного пространства твердеющей закладкой, внедрения самоходных буровых установок, погрузочно-доставочных машин, отбойки руды скважинами малого диаметра, а также снижения затрат на закладку.

На рисунке для условий ОАО «ППГХО» приведена система разработки подэтажными штреками со сплошной выемкой с последующим заполнением выработанного пространства твердеющей закладкой [2]. Сущность системы заключается в выемке рудного массива камерами, отбойки руды параллельно сближенными скважинами малого диаметра (1) из подэтажных выработок, выпуске отбитой руды через днище и погашение пустот камер твердеющей смесью. Направление отработки жил – от висячего бока к лежащему.

Система разработки подэтажных штреков со сплошной выемкой с последующим заполнением выработанного пространства твердеющей закладкой:

1 – взрывные скважины; 2 – подэтажный штрек; 3 – транспортный штрек; 4 – вентиляционно-ходовой восстающий; 5 – орт-заезд; 6 – погрузочный орт-заезд; 7 – спиральный съезд; 8 – вентиляционный восстающий; 9 – рудоспуск; 10 – отрезной восстающий

Предлагаемая система имеет следующие параметры: высота блока – 60 м, длина блока – 100...150 м, ширина блока равна мощности рудной залежи. Длина камеры изменяется от 10...15 м и более и зависит от устойчивости вмещающих пород, высота подэтажа – до 15 м.

Подготовка блока включает проведение спирального съезда (7), рудоспуска (9), полевого транспортного штрека (3) и трех ортов (5), пройденных через 50 м. Из центрального и фланговых ортов на всю высоту блока проходят вентиляционно-ходовые восстающие (4).

В нарезные работы входит проведение подэтажных буровых штреков и отрезных восстающих (10). Конструкция днища блока определяется горно-геологическими и горнотехническими условиями и типом применяемого при выпуске оборудования. В данных горно-геологических условиях при разработке маломощных крутопадающих жил предлагается применение плоского днища с доставкой руды малогабаритными самоходными погрузочно-доставочными машинами типа ST-2D, ПД-2Э(Д) и т.д.

Отработка блока производится от флангов к центру. Отрезной восстающий формируется на всю высоту камеры путем секционного взрывания вертикальных параллельных скважин.

Отбойка руды в блоке производится вертикальными параллельно сближенными скважинами малого диаметра. Применение последних позволяет уменьшать законтурное разрушение вмещающих пород, уменьшить на 20...30 % объем буровых работ и ВВ, оформить более ровные стенки камер, а значит уменьшить потери обогащенной рудной мелочи на лежащем боку [3].

Скважины диаметром 52,0 мм бурят самоходными буровыми станками типа Simba H157. После взрывания каждой серии скважин (2...4 ряда) производится выпуск отбитой горной массы через погрузочные заезды (6), пройденные из доставочного штрека сближенной жилы, который затем используется в качестве бурового при её отбойке.

Погашение выработанного пространства при системе разработки подэтажными штреками осуществляют твердеющей смесью после отработки камеры. Подача закладочной смеси в камеры производится через погрузочные заезды вышележащего горизонта. При погашении камер все сопряженные с ними выработки изолируются перемычками. Состав твердеющей смеси определяют исходя из необходимой прочности закладочного массива.

Проветривание в блоке производится за счет общешахтной депрессии по следующей схеме. Свежая струя через вентиляционный восстающий (8) проходит в подэтажные выработки (2), далее в очистное пространство, из которого загрязненный воздух выходит через погрузочные заезды вышележащего горизонта и выдается на поверхность.

Достоинства предлагаемой системы разработки по сравнению с горизонтальными слоями с нисходящей слоевой выемкой и твердеющей закладкой:

- достаточно высокая производительность блока за счет применения более производительного самоходного бурового и погрузочно-транспортного оборудования, концентрации горных работ в очистном блоке и независимость ведения очистных процессов очистной выемки, вследствие этого снижение себестоимости добычи руды;

- формирование более прочной, по сравнению с горизонтальными слоями, монолитной твердеющей закладки, т. к. камера заполняется сразу на всю высоту.

Технико-экономическими расчетами установлено, что применение предлагаемой технологии позволит, по сравнению с существующей системой разработки, увеличить в 2...3 раза производительность труда забойного рабочего, сократить на 25...30 % объем твердеющей закладки и разубоживание руды, т.е. в целом повысить эффективность отработки маломощных крутопадающих сближенных жил.

Литература

1. Вольфсон Ф.И. и др. Особенности геологии урановых месторождений Стрельцовского рудного поля. – Чита: ЗабНИИ, 1970. – Т. 1, 2. – С. 100.

2. Матвеев А.Е. Повышение эффективности обработки маломощных крутопадающих урановых жил // X всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения»: тез. докл. – Чита: ЧитГУ, 2010. – Ч. I. – С. 70-73.

3. Викторов С.Д., Галченко Ю.П., Закалинский В.М., Рубцов С.К. Разрушение горных пород сближенными зарядами // РАН Ин-т проблем комплексного освоения недр. – М.: Научтехлитиздат, 2006. – 276 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Лизункин В.М., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой подземной разработки полезных ископаемых, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ), зав. горным отделом Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН)

Тел.: 8-914-471-31-19

V. Lizunkin, Doctor of Engineering Sciences, professor, Zabaikalsky State University (ZabGU), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences

Научные интересы: механическое и буровзрывное разрушение горных пород, физико-техническая и физико-химическая геотехнология, геомеханика

Scientific interests: rock disintegration and drill excavation, physicotchnical and physicochemical geotechnology, geomechanics

Матвеев А.Е., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
matveev-86@inbox.ru

A. Matveev, postgraduate, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: обработка маломощных крутопадающих жил с применением самоходного оборудования

Scientific interests: extracting of narrow rake veins using mobile equipment

УДК 543.061

Масалова Елена Владимировна
Elena Masalova

**МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛЬНО
ДОПУСТИМЫХ УРОВНЕЙ
ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ НА
ПРИМЕРЕ РЕК ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ**

**METHOD FOR DETERMINING REGIONAL
MAXIMUM PERMISSIBLE LEVELS OF
POLLUTANTS ON THE EXAMPLE OF
TRANS – BAIKAL REGION'S RIVERS**

Освящены вопросы определения региональных предельно допустимых концентраций. Выбрана оптимальная методика для расчета. Рассчитаны региональные предельно допустимые концентрации по выбранной методике, с введением поправочного коэффициента. Используются данные Заб УГМС и Восток НИИВХ

The article questions the definition of regional sanctified maximum permissible concentration. The optimal method for the calculation is selected. Regional maximum permissible concentration of the chosen method is calculated, with the introduction of the correction factor. The data of Zab AHEM and East NIIVH were used

Ключевые слова: предельно допустимые уровни, фоновые концентрации, вероятность, доверительные интервалы, методики определения, химический состав, водные объекты, контроль качества

Key words: maximum permitted levels, the background concentration, probability, confidence intervals, methods for determining, the chemical composition, water facilities, quality of control

В настоящее время контроль и нормирование антропогенного воздействия на водную среду основан на системе предельно допустимых концентраций (ПДК). Однако данная система, несмотря на повсеместное распространение, требует серьезных доработок. Главным недостатком ПДК является отсутствие показателей региональной резистентности гидробионтов и местного гидрохимического фона. На практике в качестве приоритетных поллютантов принимаются загрязняющие вещества, чье высокое содержание является естественным для региона, не ухудшающим экологическое состояние водного объекта, однако такая ситуация может создавать трудности при использовании водных ресурсов в хозяйственных целях. В основе выбора приоритетных региональных показателей лежит

ориентация на вещества, наиболее характерные для сбрасываемых в водные объекты региона сточных вод [7].

Данный подход позволяет оптимизировать контроль качества воды водных объектов, сократить число определяемых показателей и сосредоточить основное внимание на веществах, действительно представляющих опасность для здоровья населения.

Российские и зарубежные исследования в области определения ПДК загрязняющих веществ свидетельствуют об отсутствии единой методики определения экологически допустимого уровня концентраций исследуемого соединения. Так, опыт зарубежных стран в вопросах охраны водных объектов основан на методах определения качества воды с учетом биоиндикаторов. Данная проблема освещена

в работах А. Браунлоу, Д. Дривера, Кабата – Пендиаса и др. [2; 5; 6]. Российские ученые в своих работах по определению ПДК исследуемого соединения исходят из того, что концентрация вещества, длительное время существующая в водоеме, оптимальна и, определив пределы ее колебания, можно определить и предельно допустимый уровень. Методики рассмотрены в работах С.А. Патины, Д.Г. Замолодчикова, Г. Т. Фрумина, П.А. Лозовика [8].

В методике С.А. Патины понятие «биогеохимический порог экологической толерантности» рассматривается как предельно допустимое для данного вещества. Этот метод можно применять в случаях, когда распределение концентраций исследуемого вещества в водной среде подчиняется нормальному закону, но при этом получаются высокие концентрации загрязняющих веществ.

Д.Г. Замолодчиков предложил другой подход для определения экологически допустимого уровня (ЭДУ) концентрации исследуемого вещества, основанный на выявлении такого уровня содержания соединения в воде, который «выпадает» из наблюдаемого распределения. Данный подход не учитывает форму кривой распределения и соответственно приводит к весьма высоким величинам региональных ПДК.

Методика, предложенная Г.Т. Фруминым, в наибольшей степени учитывает распределение концентрации токсикантов, реально существующих в водоемах. Она основана на построении для каждого вещества функции распределения и нахождения ЭДУ по уравнению. В итоге получаются более низкие величины региональных ПДК.

Несколько иной подход, заключающийся в использовании уже имеющихся величин ПДК, представлен в работе П.А. Лозовика. Методика позволяет учитывать геохимические особенности территории и токсичность элемента по критерию ПДК.

Рассмотренные методики могут использоваться при условии, если все организмы, находящиеся в водной среде, способны адаптироваться к существующим концентрациям химических компонентов.

Поскольку пределы адаптации для разных веществ различны и чаще всего неизвестны, необходимо проводить дополнительные биологические исследования. Так как в водоемах, не подвергавшихся антропогенному воздействию, можно получить заниженные значения региональных ПДК, а в антропогенно загруженных водоемах – более высокие показатели, данные исследования являются весьма сложной задачей.

При определении экологически допустимого уровня содержания вещества в природной воде необходимо учитывать геохимические особенности территории региона. В настоящей работе принята методика П.А. Лозовика, основанная на использовании уже имеющихся величин ПДК исследуемого вещества:

$$ПДК_{рег} = \sqrt{C_{фон} * C_{ПДК}}, \quad (1)$$

где $C_{фон}$ – фоновое региональное содержание исследуемого соединения;

$C_{ПДК}$ – значение общероссийской ПДК.

При расчете региональных ПДК использовались данные Забайкальского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (ЗабУГМС) и Восточного Филиала ФГУП «Российского научно-исследовательского института комплексного использования и охраны водных ресурсов» (ВостокНИИВХ) за 10 лет.

Анализ химического состава рек Забайкальского края показал повсеместное превышение ПДК по металлам. Данный факт объясняется влиянием на состав поверхностных вод таких факторов, как водность, почва и горные породы.

Высокое содержание нефтепродуктов, бихроматной окисляемости (ХПК), фенолов, фосфора, биологического потребления кислорода (БПК) в реках Забайкальского края объясняется болотистыми берегами, содержанием гумусовых веществ, водорастворимых веществ, подвижных форм фосфора и азота в горизонтах почвы. Высокие концентрации биогенных элементов обусловлены антропогенными факторами. Лугово-черноземные почвы используются под выпас скота, пашню, сенокосы, поэтому загрязнение поверхностных вод может происходить в результате смыва с поверх-

ности почвы. Высокое содержание железа обусловлено присутствием в почве окислов железа $[\text{Fe}_2\text{O}_3, \text{Fe}_2(\text{HO})_6]$, закиси – окиси Fe_2O_4 . Содержание цинка и меди объясняется растворением их солей атмосферными осадками и вынесением грунтовыми водами в реку.

Горные породы и минералы являются первоисточниками состава природных вод. Непосредственное влияние на формирование химического состава природных вод оказывает период водности и свойство горных пород – водопроницаемость. Последняя определяется наличием пустот в породе, т.е. пористостью. Пористость зависит от плотности горных пород и минерального состава. [3, 10]. Для определения региональных ПДК принят коэффициент аргумента нормированной функции Лапласа по водности $U_q = 1,96$, для 95 % вероятности и рассчитан коэффициент аргумента нормированной функции Лапласа по плотности горных пород по формуле В.И. Пелешенко:

$$U_\rho = \frac{x_i - \mu}{\sigma}, \quad (2)$$

где x_i – плотность горной породы;

σ – стандартное отклонение;

μ – точное среднее арифметическое значение случайной величины (математическое ожидание) [11].

Бассейны рек сложены магматическими, осадочными и метаморфическими горными породами. К магматическим горным породам относятся граниты, диориты, сиениты, андезиты, трахиты. К осадочным горным породам относят конгломераты, песчаники, алевролиты, аргиллиты, бурые и каменные угли, к метаморфическим – сланцы, кварциты, гнейсы, мраморы. Плотность данных горных пород находится в пределах $1,3...3,0 \text{ г/см}^3$ [1; 10]. Значение коэффициента аргумента нормированной функции Лапласа по плотности горных пород U_ρ , рассчитанный по формуле (2), равен $0,06$.

При определении региональных ПДК с учетом коэффициента, зависящего от плотности горных пород, для определения условного фона использована формула В.И.

Пелешенко:

$$\begin{aligned} a_{\min} &= \bar{x} - U_\rho \cdot \sigma \\ a_{\max} &= \bar{x} + U_\rho \cdot \sigma, \end{aligned} \quad (3)$$

где $a_{\min}$, $a_{\max}$ – нижние и верхние фоновые значения;

$\bar{x}$ – среднеарифметическое значение концентрации анализируемого вещества;

σ – стандартное отклонение;

U_ρ – значение коэффициента аргумента нормированной функции Лапласа по плотности горных пород [11].

При расчете региональных ПДК важное значение имеет применение закона распределения числа независимых факторов, оказывающих влияние на варьирование случайной величины [12]. Так как на формирование гидрохимического фона оказывает множество независимых факторов, то распределение компонентов подчинено нормальному закону распределения. [11]. Это нашло подтверждение в работах В.И. Пелешенко, В.Н. Максимова [9; 11], а также отражено в наших исследованиях. В результате математического анализа установлено, что распределение химического состава поверхностных вод рек Забайкальского края описывается нормальным законом распределения.

Для оценки совпадения эмпирического ряда нормальному или логнормальному закону распределения используются статистические параметры – коэффициенты асимметрии $|A|$ и эксцесса $|E|$:

$$\sigma_A = \sqrt{\frac{n}{N}} \quad (4)$$

$$\sigma_E = 3\sigma_A,$$

где σ_A – стандартное отклонение коэффициента асимметрии;

σ_E – стандартное отклонение коэффициента эксцесса;

n – число проб со значениями, не превышающими ПДК;

N – общее количество проб [10].

В нашем случае соблюдаются неравенства $A < |3\sigma_A|$ и $E < |3\sigma_E|$, т.е. отклонение выборочных значений A и E от их теоретического нулевого значения в случае соот-

ветствия нормальному распределению.

Расчет региональных предельно допустимых концентраций производился по формуле (1). При этом вместо фонового регионального содержания исследуемого соединения $C_{фон}$ рассчитали верхние и нижние фоновые значения (максимальное и минимальное значение регионального ПДК) по формуле (3).

Формула П.А. Лозовика приняла вид:

$$ПДК_{РЕГ} = \sqrt{a_{\min}^{\max} \cdot C_{ПДК}} \quad (5)$$

где $a_{\min}^{\max}$ – среднеарифметическое верхнее и нижнее фоновые значения;

$C_{ПДК}$ – значение общероссийской ПДК.

Подставив среднеарифметические верхнее и нижнее фоновые значения, рассчитанные с учетом принятых коэффициентов, в формулу (5), получили региональные ПДК, которые не превышают общероссийские ПДК. Расчетные значения региональных ПДК в соотношении с общероссийскими и концентрациями, определенными ЗаБУГМС, представлены на графиках 1...5.

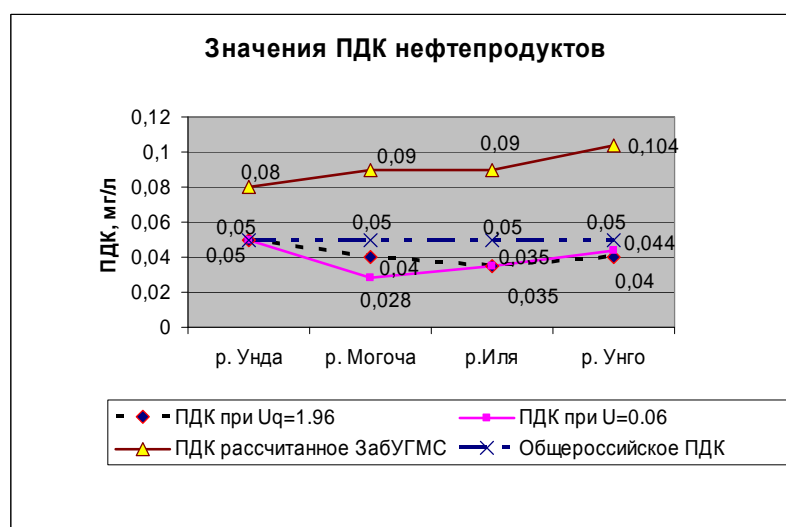

Рис. 1. Сравнение региональных ПДК нефтепродуктов по коэффициентам U_q, U_p с данными ЗаБУГМС и общероссийских ПДК

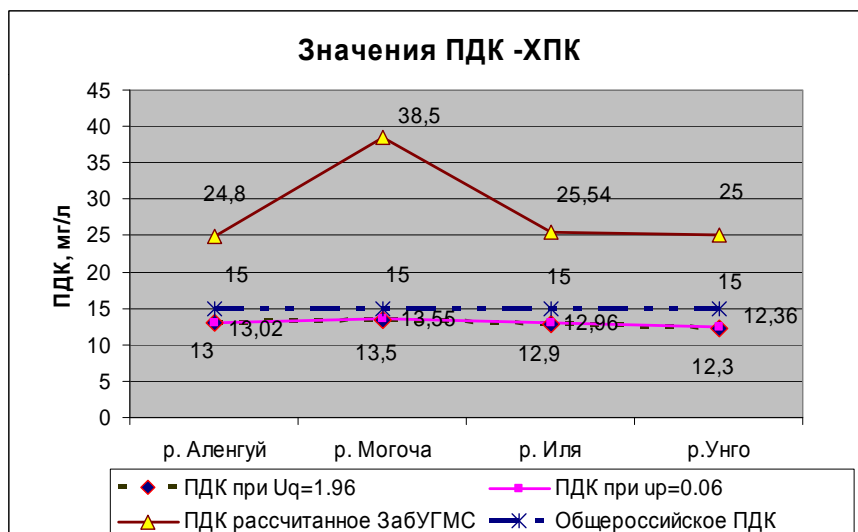

Рис. 2. Сравнение региональных ПДК – ХПК по коэффициентам U_q, U_p с данными ЗаБУГМС и общероссийских ПДК

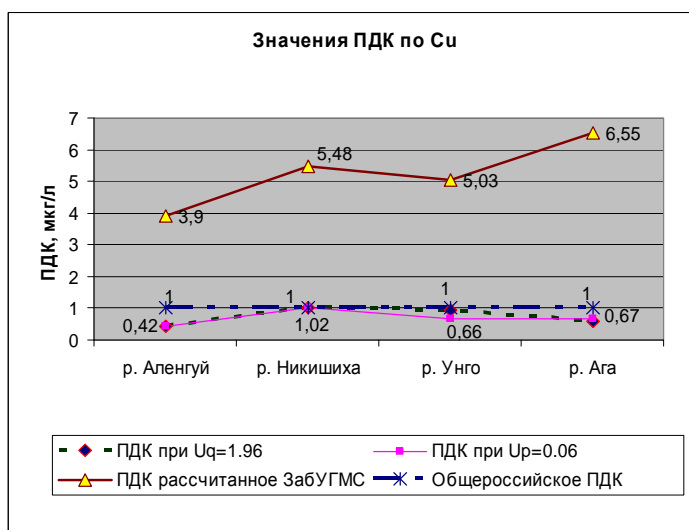

Рис. 3. Сравнение региональных ПДК – Си по коэффициентам U_q , U_p данными ЗаБУГМС и общероссийских ПДК

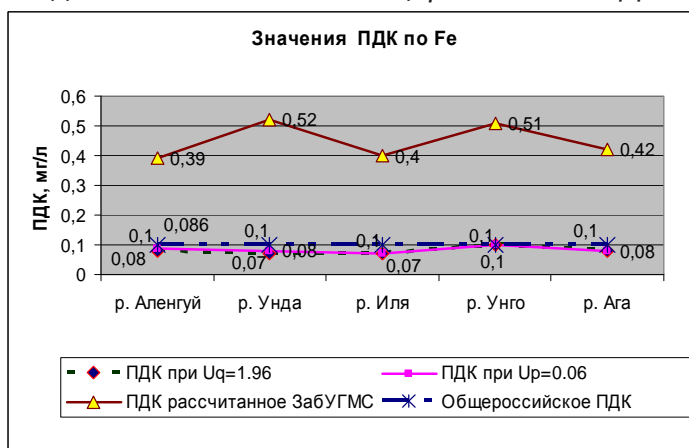

Рис. 4. Сравнение региональных ПДК – Fe по коэффициентам U_q , U_p с данными ЗаБУГМС и общероссийских ПДК

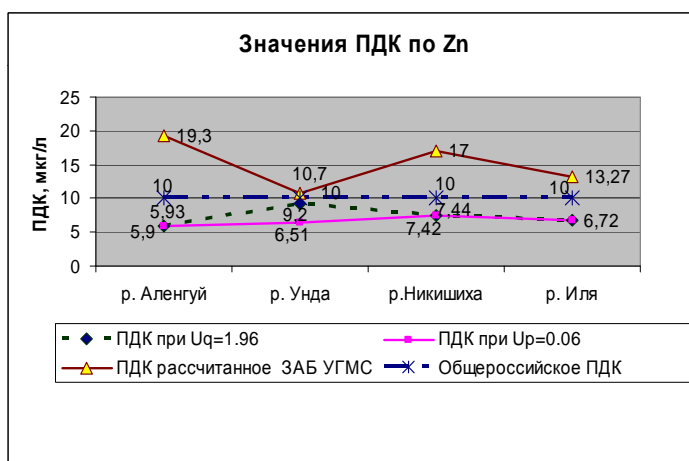

Рис. 5. Сравнение региональных ПДК – Zn по коэффициентам U_q , U_p с данными ЗаБУГМС и общероссийских ПДК

Фосфор и БПК также относятся к региональным показателям. Незначительное превышение их содержания наблюдается в реках Аленгуй, Унда и Иля. Значения концентраций фосфора (рр. Аленгуй, Иля) при рассчитанных коэффициентах U_q, U_p на 0,053...0,061 мг/л ниже концентраций, определенных ЗаБУГМС. БПК в рр. Аленгуй и Унда при коэффициентах U_q, U_p меньше значений, рассчитанных ЗаБУГМС на 0,11...0,9 мг/л.

В связи с нововведениями в области нормирования качества поверхностных вод в Забайкальском крае возникла необходимость выбора методики определения качества поверхностных вод в зависимости от региональных особенностей. Методики рассмотрены в работах С.А. Патины, Д.Г. Замолдчикова, Г.Т. Фрумина, П.А. Лозовика. К рекам Забайкальского края применима методика П.А. Лозовика, которая позволяет учитывать как геохимические особенности территории, так и региональные.

Важное значение имеет определение закономерностей распределения содержания компонентов химического состава в природных водах, которые подчинены определенным законам, каждый из которых указывает на характер гидрохимических процессов, влияющих на концентрацию компонентов в природных водах. Установлено, что концентрации в водотоках распределяются по нормальному закону, варьирование случайной величины зависит от множества независимых воздействий.

Так как значительное влияние на формирование качества поверхностных вод оказывает водность и плотность горных пород, нами рассчитаны ПДК с учетом коэффициента водности и плотности горных пород. Концентрации региональных предельно допустимых уровней для рек Забайкальского края согласно расчетам не превышают общероссийские и значительно ниже значений, определенных ЗаБУГМС.

Литература

1. Атлас Забайкальского края / Под ред. В.С. Кулакова. – Чита, 2010. – 48 с.
2. Браунлоу А. Геохимия: пер. с англ. Е.Н. Беляковой. – М.: Недра, 1984. – 463 с.
3. Геология: учебник для вузов: в 2-х ч. Ч. 1. / В.А. Ермолов, Л.Н. Ларичев, В.В. Мосейкин; под ред. В.А. Ермолова – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – 598 с.
4. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. – М.: Высш. шк., 2002. – 479 с.
5. Драйвер Джеймс. Геохимия природных вод. – М.: Мир, 1985. – 440 с.
6. Кабата – Пендиас А., Пендиас Х. Микроэлементы в почвах и растениях. – М.: Мир, 1989. – 439 с.
7. Кичигин В.И., Палагин Е.Д. Использование интегральных показателей загрязненности для анализа состояния водотоков // Водоснабжение и санитарная техника. – 2005. – № 7. – С. 25-29.
8. Лозовик П.А., Платонов А.В. Определение региональных предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ на примере Карельского гидрографического района // Журнал Геоэкология. Инженерная экология. Гидрология. Геокриология. – 2005. – № 6. – С. 527-532.
9. Экологический мониторинг: учеб пособие / Н.Г. Булгаков, А.П. Левич, В.Н. Максимов; под ред. проф Д.Б. Гелашвили. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2003. – 259 с.
10. Общая минералогия: учебник для студентов вузов / А.Г. Булах, В.Г. Кривовичев, А.А. Золотарев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2008. – 416 с.
11. Пелешенко В.И., Ромась Н.И. Применение вероятностно – статистических методов для анализа гидрохимических данных: учеб. пособие. – Киев: Киевский ордена Ленина гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1977. – 61 с.
12. Соловьева Н.Г. Теория вероятностей и математическая статистика: метод. указания. – Чита: ЧитПИ, 1995. – 34 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Масалова Е.В., ассистентка каф. «Черчение и начертательная геометрия», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
masalovaea@mail.ru

E. Masalova, assistant of drawing and descriptive geometry department, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: мониторинг поверхностных вод, качество природных вод

Scientific interests: monitoring of surface water, quality of natural waters

---

УДК 551.2 : 553.078

Павленко Юрий Васильевич
Yuri Pavlenko

**ОБЪЕМНАЯ ГЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ
ЭНДОГЕННОГО ОРУДЕНЕНИЯ
(ЧАСТЬ I)**

**THE VOLUME OF GEOLOGICAL AND
GEOPHYSICAL MODEL FOR SOUTH EASTERN
ZABAİKALIE: PATTERNS OF ENDOGENOUS
MINERALIZATION DISTRIBUTION
(PART I)**

Продемонстрирована эффективность перспективного вида минерогенических исследований на основе объемной модели строения Юго-Восточного Забайкалья, созданной методами геолого-геофизического картирования

Ключевые слова: минерогения, объемная модель, глубинное строение, структурное районирование, оруденение, закономерности, прогнозирование, Восточное Забайкалье, М-50

The effectiveness of a promising type of research mineragenetic-making on the basis of three-dimensional model of the structure of South-Eastern Zabaikalie is demonstrated, created by the methods of DAMI geological and geophysical mapping

Key words: minerageny, volume model, deep structure, structural zoning, mineralization patterns, forecasting, Eastern Zabaikalie, M-50

Введение. Совершенствование основ научного прогнозирования требует выполнения мелко-среднемасштабных специализированных исследований, систематизации знаний о процессах рудообразования, полученных за 300-летнюю историю освоения недр Забайкалья, широкое использование компьютерных технологий и современных статистических методов обработки исходных данных для характеристики рудоносности недр. Одним из наиболее перспективных направлений современных прогнозноминерогенических исследований является разработка принципов и методов объемного геолого-геофизического картирования, переход к «объемной» (по Л.Н. Овчинникову) минерогении (металлогении). Распределение оруденения в разрезе земной коры обеспечивает выявление более объективных закономерностей развития

минерализации во времени и пространстве, поскольку условия формирования и основной источник рудного вещества располагается в глубинных частях земной коры.

Структурно-вещественные причины пространственного совмещения разнотипного мультиметалльного оруденения в одних и тех же рудовмещающих структурах требуют практического решения множества вопросов генезиса руд, месторождений, их латеральной и, особенно, вертикальной зональности, возможности формирования протяженных рудоносных колон регенерированных, телескопированных, сепарированных руд и прочее, что при большом дефиците легкооткрываемых месторождений повышает шансы выявления скрытого оруденения в структурах рудных районов и узлов.

Макеты карт глубинного геологического строения создаются по материалам гео-

логических, гравитационных, аэромагнитных и геохимических съемок масштабов 1:200 000 и крупнее на основе детального изучения разнонаправленных геологических разрезов. Они обеспечивают изучение верхней (15-20 км) части земной коры, где геофизические построения «можно перевести на общепринятый геологический язык», увязать гравитационные измерения с геологическими данными, используя современные компьютерные технологии для расчета параметров геологических тел и перехода к трехмерному картографированию. Особое внимание при этом представляют геохимическая зональность рудных ореолов, вертикальная зональность оруденения и зон гидротермального изменения пород, поскольку упорядоченное расположение максимумов концентрации различных рудных элементов в разрезе земной коры в общих чертах сохраняется вне зависимости от особенностей генезиса в эндогенных условиях; например, смена снизу вверх по разрезу оруденения Fe – Cu – Zn – Pb – (Au, Ag, Ba).

Восточное Забайкалье является регионом, характеризующимся чрезвычайно сложным геологическим строением, развитием богатого и, главное, разнообразного эндогенного оруденения. Неслучайно здесь впервые в России добыты многие виды полезных ископаемых, открыты многие новые минералы, составлены первые в мире геологические карты (см. ниже), а в начале этого, нового, века составлена первая российская объемная геолого-геофизическая модель, открывающая страницу принципиально новых геолого-минерагенических исследований для выявления закономерностей пространственного распространения эндогенного мультиметалльного оруденения.

Известно, что все многочисленные модели, объясняющие закономерности пространственного размещения и особенности формирования эндогенного оруденения Восточного Забайкалья, базируются на представлениях о развитии его тектонических структур. Исследования автора разделены на три части, публикуемые в трех сле-

дующих друг за другом журналов «Вестник ЧитГУ».

1. Сведения о развитии научных представлений о минерагении региона

*Яркая особенность истории забайкальской геологии – в необыкновенной напряженности борьбы мнений
И.Г. Рутштейн*

Начало изучения и освоения месторождений Восточного Забайкалья относится к 1676 г. с открытия Аргунского месторождения, на котором казаки обнаружили старые заброшенные серебряно-свинцовые «плавильни китайцев» [8]. Выявленные в XVII-XIX вв. серебро-свинцово-цинковые месторождения в Нерчинском округе, затем многочисленные месторождения цветных камней, золота, олова, вольфрама и др. полезных ископаемых вызвали особый интерес нескольких поколений исследователей к изучению Забайкальской рудной провинции. По результатам их труда в Восточном Забайкалье впервые в России добыты флюорит, молибден, вольфрам, олово, серебро, золото, висмут, торий, открыты десятки новых минералов [8].

В районе Нерчинского Завода в 1789-1794 гг. на площадь 35 000 кв. верст создана первая в мире геологическая карта, призванная обобщить особенности распространения выявленных полезных ископаемых. Первая работа, рассматривающая закономерности размещения рудных месторождений, датирована 1867 г. [17]. В ней А.Д. Озерский указывает на размещение свинцово-цинковых месторождений и связанных с ними «металлоносных порфиров» в виде пяти полос или «продольных осей», а также обращает внимание на карбонатный состав рудовмещающих пород.

Геологические исследования региона в конце XIX в. активизировались с постройкой Сибирской железной дороги. Заключение В.А. Обручева и его сотрудников о принадлежности Забайкалья к древней

платформе позднее использовано Э. Зюсом для обоснования концепции «древнего темени Азии», а Л. де-Лонэ — для отнесения региона к зоне «каледонской складчатости» [28]. Свои взгляды на докембрийский и палеозойский возраст оруденения В.А. Обручев изменил лишь в 1938 г. после работ М.М. Тетяева, убедивших его в несомненной связи большинства месторождений региона с мезозойским магматизмом.

В 20-30 гг. XIX в. М.М. Тетяев и другие сотрудники Геологического комитета, отказавшись от господствующей гипотезы «древнего темени Азии», выдвинули другую крайнюю гипотезу — о принадлежности Восточного Забайкалья к альпийской складчатой зоне [28]. Согласно этой гипотезе все мезозойские отложения, включая меловые, подвержены интенсивной складчатости, обнажаются в окнах тектонических покровов и сопровождаются внедрением крупных послемеловых батолитовых интрузий.

Представления М.М. Тетяева о сибирских шарьяжах неоднократно оспаривал В.А. Обручев. Однако затянувшийся спор этих великих российских ученых позволил сделать вывод, с одной стороны, о сравнительной молодости рудовмещающих структур Восточного Забайкалья, что нашло свое подтверждение многими последующими исследованиями, с другой — надолго предал забвению надвиговые структуры и их диагностические признаки.

Принадлежность региона к альпийскому геосинклинальному поясу окончательно оспорена в 1930-е гг. работами Е.В. Павловского, И.В. Лучицкого, Д.С. Соколова, М.С. Нагибиной, И.С. Валицкой и др., доказавших наличие доюрских гранитов, регионального несогласия внутри разреза юры, определивших контуры, внутреннее строение палеозойских и мезозойских прогибов. Новые тектонические концепции А.Д. Архангельского и Н.С. Шатского (1933 и 1937 гг.) обосновали принадлежность региона к юго-западному флангу Монголо-Охотского геосинклинального пояса и впервые отнесли Восточное Забайкалье

к области мезозойской складчатости. В.А. Обручев работами 1935-1938 гг. опровергает принадлежность Восточного Забайкалья к нормальной геосинклинали, обосновал его складчато-глыбовое строение. Он подчеркивает домезозойский возраст преобладающей массы гранитоидов Забайкалья, а молодые интрузии считает предверхнеюрскими.

В предвоенные годы начинается систематическое картирование Юго-Восточного Забайкалья, выполняются обобщающие работы по стратиграфии, магматизму, тектонике. В регионе выделяется ряд крупных структурных зон, характеризующихся своими особенностями геологической эволюции, стратиграфического разреза и магматизма, отмечен различный возраст складчатых структур Западного (каледонский), Центрального (среднепалеозойский) и Восточного (мезозойский) Забайкалья.

Начало региональному металлогеническому анализу Юго-Восточного Забайкалья положено работами М.М. Тетяева и его группы (1927 г.), в которой отмечено зональное распределение оловянно-вольфрамовых и свинцово-цинковых месторождений Восточного Забайкалья, предположено существование взаимопереходов и генетических связей между ними. Важным толчком региональных металлогенических исследований послужило выделение А.Е. Ферсманом [32] мощного геохимически единого Монголо-Охотского «металлического пояса», в котором основная рудная минерализация связана с гранитными интрузиями. Главная забайкальская часть этого пояса представлялась «очень симметрично построенной», ибо в ней центральная зона пегматитов с драгоценными камнями окаймляется полосами пневматолитов, переходящих в гидротермалиты с вольфрамовыми и висмутовыми месторождениями, а далее по краям — поясами серебросвинцовых руд.

Особая роль в изучении полезных ископаемых и металлогении Восточного Забайкалья принадлежит С.С. Смирнову, который в период 1932-1946 гг. создал общую картину восточно-забайкальской ме-

таллогении. Он включил Восточно-Забайкальскую металлогеническую провинцию во внешнюю зону Тихоокеанского рудного пояса [29]. Автор подчеркивал, что «основная масса рудных проявлений Восточного Забайкалья относится к мезозойским стадиям металлогенеза» [30]. Разработанная им концепция о поясовом распределении мезозойского оруденения обосновывает выделение трех рудных поясов северо-восточного простирания: оловянно-вольфрамового, примерно совпадающего с Центральной антиклинальной структурой, возникшей в зоне мезозойского геосинклинального прогиба, золото-молибденового и полиметаллического, совпадающих с Пришилкинской и Приаргунской окраинными синклинальными структурами, образованными на месте краевых поднятий собственно геосинклинальной стадии (см. рис. 1). Различия в истории развития структур определили разный характер интрузивного магматизма и, как следствие, специфику рудных серий. Однако это — лишь основная тенденция, фактически же — между типовыми интрузиями, типовыми рудными сериями нет резких границ и вырвирующие геологические условия формируют переходные разности и отклонения от поясовой схемы размещения оруденения [28]. С.С. Смирнов специально останавливался также на возможности применения к условиям рассматриваемой территории гипотезы зональности Эммонса и пришел к заключению, что с позиций этой концепции объяснить взаимосвязь и размещение мезозойских месторождений невозможно. Выявленные факторы рудной зональности определили металлогенические исследования на многие годы вперед.

Выводы С.С. Смирнова успешно уточнялись и детализировались О.Д. Левицким, Ю.А. Билибиным, Г.Л. Падалка и другими исследователями. Работами О.Д. Левицкого [13; 14] уточнено возрастное расчленение рудоносных интрузий и определены формы связи с ними оруденения.

Ю.А. Билибин рассматривал Восточно-Забайкальскую провинцию как внешнюю зону обширного Тихоокеанского мезозойского пояса, рудные комплексы которого образовались главным образом во второй половине юры, опережая формирование аналогичных комплексов внутренних зон этого пояса (Чукотско-Чаунской, Верхояно-Колымской, Приморской) [2]. В лекциях, посвященных металлогении Восточной Сибири [9], он выделял в Восточном Забайкалье три крупных структурных единицы (области), различающиеся историей геологического развития в мезозое: Шилкинско-Аргунское междуречье, Агинскую «плиту» и Даурский хребет. Пограничные участки этих областей представляют наиболее подвижные зоны — мезо-кайнозойские депрессионные структуры, выполненные мощными толщами осадков верхней юры и нижнего мела.

В Шилкинско-Аргунском междуречье Ю.А. Билибин выделял два главных рудных комплекса, близких по времени проявления — нерчинско-заводский серебро-цинково-цинковый, приуроченный к Приаргунской и Газимурской депрессионным (синклинальным) структурам, и шерловгорский редкометалльный (сульфидно-касситеритовой формации турмалиновой группы), проявившийся в периферийной части Харанорской депрессионной структуры. Генетически оба комплекса связаны или с гипабиссальными (первый), или с субвулканическими (второй) интрузиями кислого и среднего состава. В этих рудных комплексах имеются переходные типы руд, «...перекидывающие мост между месторождениями того или другого комплексов». Аналогичные взаимоотношения полиметаллического и сульфидно-касситеритового рудных комплексов установлены в Приморской провинции, что свидетельствует о структурно-геохимической аналогии путей формирования отдельных металлогенических провинций Тихоокеанского рудного пояса.

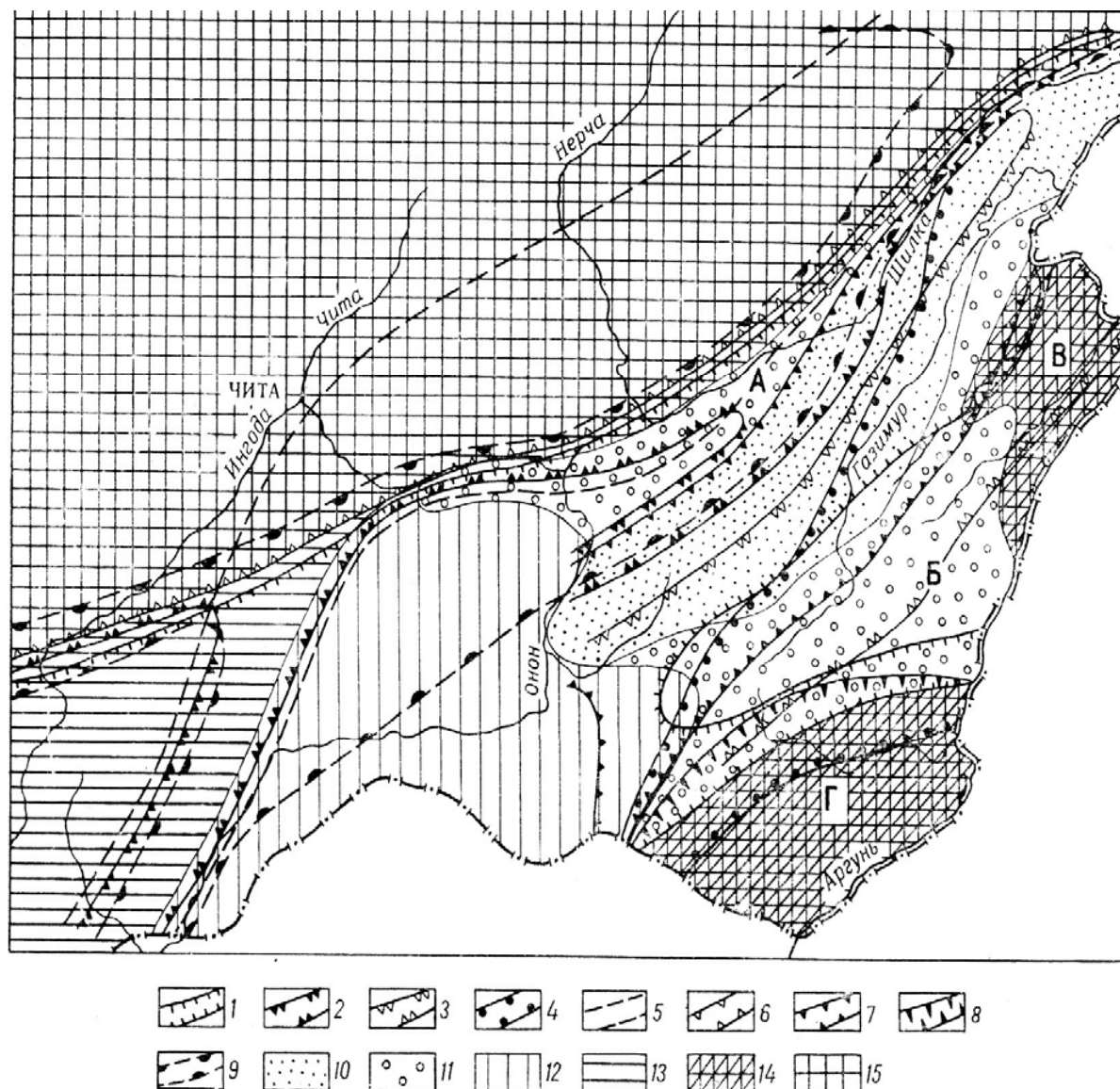

Рис. 1. Схема размещения мезозойских рудных поясов Восточного Забайкалья [14]:

Рудные пояса: 1 – Центральный оловянно-вольфрамовый; 2 – Шилка-Олекминский золото-молибденовый; 3 – Алентуге-Уровский золото-молибденовый; 4 – Приаргунский свинцово-цинковый; 5 – Пришилкинский золото-медно-свинцово-цинковый; 6 – Нерча-Хилокский флюоритовый; 7 – Калангуйский флюоритовый; 8 – Урулонгуйский флюоритовый; 9 – Балейский ртутно-сурьмяно-вольфрамово-золоторудный. Главные элементы складчатых областей: 10 – Газимурская центральная зона юрского геосинклинального прогиба; 11 – краевые зоны юрского геосинклинального прогиба (А – Шилка-Ингодинская, Б – Алгачинская); 12-13 – зоны области средне-позднепалеозойской складчатости (12 – Агинская центральная, 13 – Даурская краевая); 14 – жесткие массивы Аргунской зоны ранне- и среднепалеозойской складчатости (В – Уровский, Г – Урулонгуйский); 15 – Яблонева зона области раннепалеозойской (позднебайкальской) складчатости

В работах [1; 3; 4] Ю.А. Билибин многие интрузии кислых калиевых гранитов Юго-Восточного Забайкалья отнес к мезозойским. В пределах рудных поясов С.С. Смирнова он наметил 27 линейно вытянутые в северо-восточном направлении структурно-металлогенические зоны, объединив их в четыре основных типа: золото-шеелитовые, оловянно-вольфрамовые, золото-молибденовые и оловянно-полиметаллические. Сложный характер оруденения в пределах зон указанных типов автор объясняет развитием интрузий, относящихся к различным, относительно разновозрастным комплексам. Он склонен объединить некоторые рудные комплексы различных поясов в единые структурно-металлогенические зоны (золото-вольфрам, олово-вольфрам-полиметаллы, олово-полиметаллы), т.к. признаки «скрещивания» редкометалльного и полиметаллического, а также некоторых других типов оруденения, неоднократно отмечал еще С.С. Смирнов. В настоящее время совместное развитие в рудных узлах различных типов оруденения отмечается очень часто. Во многих из них разведаны запасы комплексных руд, а месторождений, содержащих попутные компоненты, насчитывается много десятков.

С.С. Смирнов, неоднократно указывая на телескопированное развитие мезозойского оруденения, объясняет это прерывистым поступлением порций рудоносных растворов разного состава на фоне трещинообразования. С прерывистым проявлением тектономагматической деятельности и рудообразования связываются и случаи скрещивания различных рудных комплексов. Ю.А. Билибин более подробно расчленил « типовые интрузии » и « рудные серии » С.С. Смирнова на интрузивные и минеральные комплексы, наметил в пределах обширных рудных поясов большое количество конкретных структурно-металлогенических зон и показал, что зоны часто характеризуются многократно наложенной мезозойской минерализацией. Он исходил из признания того, что существуют определенные типы структур, которым свойственны особые

черты металлогении. Каждый такой тип структур, как определенная геологическая формация, имеет особую историю геологического развития. Изучение таких геологических формаций Ю.А. Билибин считал интересным и перспективным направлением дальнейших металлогенических исследований.

Г.Л. Падалка образование большей части разновозрастных эндогенных месторождений относит к замыканию мезозойского подвижного пояса (средние — J_{1-2} , поздние — J_3 и конечные — J_3-K_1 этапы развития геосинклинальной зоны). В пределах этапов он выделяет несколько более или менее самостоятельных (разновременных) фаз интрузий. Некоторые фазы интрузий он подразделяет по глубине проявления (фации). Различие рудной минерализации в бортах и центральной части мезозойской геосинклинальной области объясняется различием проявившихся в них фаз, фаций интрузий различного состава, составом вмещающих пород и уровнем эрозионного среза.

Мезозойские интрузии и парагенетически связанные с ними месторождения Восточного Забайкалья распределялись в зависимости от благоприятных пикативных (оловянно-вольфрамовый пояс) и, главным образом, дизъюнктивных нарушений (полиметаллический и золото-молибденовый пояс). Г.Л. Падалка [19-23] подчеркивает, что основными разрывными нарушениями являются северо-восточные, а разломы северо-западного направления подчинены им. Наиболее благоприятными для образования рудных узлов являются пересечения этих разломов. Разломы пересекают древние складчатые структуры, контролируют распределение мезозойских интрузий и месторождений поздних и конечных этапов развития мезозойской подвижной зоны. Это обуславливает возможность наложения молодого оруденения на более древнее. В пределах рудных поясов С.С. Смирнова автор выделяет 14 структурно-формационных зон, важную роль в размещении рудных месторождений отводится

разрывным нарушениям крупного порядка.

По представлениям А.А. Якжина [34; 35], принципиально не отличающимся от таковых Ю.А. Билибина и Г.Л. Падалки, «мезозойская складчатая область распространена далеко за пределы Шилка-Аргунского междуречья и охватывает районы Агинского сланцевого поля, Даурского хребта и Зачиной горной страны». В отношении мезозойских месторождений различных генетических типов А.А. Якжин, как и Ф.И. Вольфсон [5; 6], А.Д. Щеглов, Н.В. Шталь, Н.И. Тихомиров, полностью разделяет концепцию формирования большей их части в пределах металлогенических зон северо-восточного направления. В них локализуются сходные по возрасту и составу рудные проявления, а сложный характер минерализации многих рудных узлов объясняется наложением и пересечением зон различного возраста и типа.

В.Н. Козеренко в металлогенических построениях исходил не из этапов тектонической и металлогенической эволюции, а из региональных различий тектонических режимов одновременно развивающихся зон [10]. Он является сторонником полициклического металлогенического развития Восточного Забайкалья. Если С.С. Смирнов подавляющую часть месторождений признавал юрскими, то В.Н. Козеренко [10] рудообразование связывает со среднепалеозойским, позднепалеозойско-раннемезозойским и средне-позднепалеозойским временем – периодами существования соответственно первичной, вторичной остаточной геосинклинальных систем. В каждой разновозрастной структурно-фациально-металлогенической зоне им выделены центральные, переходные и краевые подзоны, в которых локализованы определенные интрузии и месторождения (в центральных – олово и вольфрам, в краевых – золото, молибден, свинец, цинк). В его металлогенической модели разновозрастные однотипные структурно-фациально-металлогенические зоны сложно переплетаются, накладываются друг на друга в пространстве, отчего картина распределе-

ния эндогенных месторождений «не может быть сведена к упрощенной схеме линейно вытянутых поясов» [10].

Детализацией поясов С.С. Смирнова позднее занимался и В.С. Кормилицын [11; 12]. Относительно юрского геосинклинального прогиба им выделено девять последовательно сменяющих друг друга во времени мезозойских рудных поясов. Они пространственно сопряжены друг с другом и контролируются «главными складчатыми и разрывными структурами северо-восточного направления» (рис. 1). Интересна следующая характеристика рудных поясов [12]:

- мезозойские рудные пояса пространственно не ограничены областью юрского геосинклинального прогиба и развиваются как в герцинских, так и в более древних структурах региона;

- основными тектоническими элементами, определяющими поведение и размещение этих поясов, являются региональные разрывные нарушения типа глубинных разломов;

- ни один из выделенных поясов не существует в «чистом виде», т.к. в пространстве все они частично или полностью перекрывают друг друга в порядке последовательности своего формирования;

- наиболее сложное совмещение и перекрытие рудных поясов имеет место в области мезозойской складчатости;

- из всех рудных поясов только относительно более ранний Центральный оловянно-вольфрамовый и более поздний Балецкий ртутно-сурьмяно-вольфрамово-золоторудный пересекают Агинскую зону средне-позднепалеозойской складчатости. Другие пояса при приближении к этой зоне или тупо выклиниваются, или идут в обход этой зоны.

Становилось очевидным, что концепция геосинклинального развития Восточного Забайкалья в мезозое не обеспечивает четкого геологического толкования пространственного размещения эндогенного оруденения по следующим основным позициям [9]:

– рудные пояса, даже в наиболее ярко выраженных интервалах, не выдержаны по простиранию;

– фланговые части рудных поясов иногда тупо заканчиваются;

– рудные пояса местами обнаруживают ответвления, идущие в стороны от их главного северо-восточного простирания;

– наиболее отчетливо выделяющиеся интервалы рудных поясов смещены относительно друг друга по простиранию мезозойской мобильной зоны;

– строение различных интервалов рудных поясов неоднородно по доминирующему возрасту и составу вмещающих пород;

– положение рудных узлов вероятно определяется целым комплексом геологических факторов.

Г.И. Князев [9], разделяя представления В.А. Обручева о глыбовом характере развития Восточного Забайкалья, в мезозое, главную роль в распределении оруденения отводит мобильным зонам, окружающим юрские консолидированные массивы.

Ф.И. Вольфсон [7] отмечает, что все месторождения Восточного Забайкалья, «начиная от оловянных, вольфрамовых и молибденовых и кончая свинцово-цинковыми, золоторудными и флюоритовыми, представляют собой единую рудную серию, сформированную в один тектономагматический этап в результате ряда последовательно развивающихся стадий минерализации».

Типизируя металлогенические провинции, рудные зоны и районы Забайкалья и Дальнего Востока [26], изучая их особенности [24; 27], Е.А. Радкевич выделяет следующие типы рудных районов:

1) преимущественно прогибы, сложенные терригенными толщами с оловянно-вольфрамовой минерализацией;

2) поднятия (или прогибы на поднятиях), сложенные карбонатными породами со свинцово-цинковой минерализацией;

3) зоны структурных швов с разнообразной минерализацией;

4) краевые прогибы с медистыми песчаниками и телетермальными свинцово-цинковыми месторождениями. Для

Восточного Забайкалья ею высказано предположение о рудоконтролирующей роли зон повышенной трещиноватости в пределах рудных поясов С.С. Смирнова [25].

Направление исследований о влиянии продольных, поперечных, диагональных зон трещиноватости и глубинных разломов на металлогению региона получило в дальнейшем нарастающее развитие во многих работах [9; 31; 33], что не только все более отделило эндогенное рудообразование от эволюции и строения геосинклинальной системы, но и ставит под сомнение и даже вообще отвергает влияние геосинклинального режима на рудоотложение. Это направление базируется на тектонике литосферных плит, своеобразных тектонических структурах, формирующихся на разновозрастном складчатом основании и в древних консолидированных структурах далеко за пределами мезозойских прогибов, на локализации мезозойских интрузий в структурах, значительно оторванных по времени образования от этапа главной складчатости. Исторически это направление развивалось из представлений о складчато-глыбовом строении мезозоя Восточного Забайкалья В.А. Обручева (1938 г.), глыбовых зонах – особых структурах земной коры Г.Ф. Мирчинка (1940 г.), жестких массивах и мобильных зонах Г.И. Князева (1957-1962 гг.), структурах ревивации М.С. Нагибиной (1958 г.), тектономагматической активизации А.Д. Щеглова и др.

Изучение многочисленных месторождений, рудных полей региона показывает, что рудоносные разломы имеют самые различные направления к простиранию складчатости, в том числе и поперечные. Эти данные дополняются сведениями о распространении зон гидротермальных метасоматитов, различных геофизических аномалий, геохимических ореолов рассеяния, групп и даже зон концентрации разнообразных по составу даек, интрузивов и прочих прямых и косвенных поисковых признаков, позволяющих наметить достоверные рудоносные структуры, направленные под углом или вкрест простирания главных геологических элементов региона.

На эти структуры в ряде случаев «нанизаны» соседние рудные объекты аналогичного и даже иного состава эндогенной минерализации с подобными поисковыми признаками. Такие многочисленные факты свидетельствуют о развитии в Юго-Восточном Забайкалье равноправных северо-восточным рудоконтролирующих структур иных направлений. Пересечение, сочленение таких разнонаправленных протяженных рудоконтролирующих структур различного ранга обеспечивает неравномерное разме-

щение рудоносных участков в приповерхностных структурах земной коры, устойчиво проявляющееся при всех масштабах их изучения. Это обстоятельство свидетельствует о том, что масштабы оруденения, качество руд и формационные типы месторождений определяются совокупным влиянием глобальных, региональных и локальных геологических условий.

В исследованиях В.И. Флешлера установлена современная повышенная газоносность проницаемых зон региона (рис. 2).

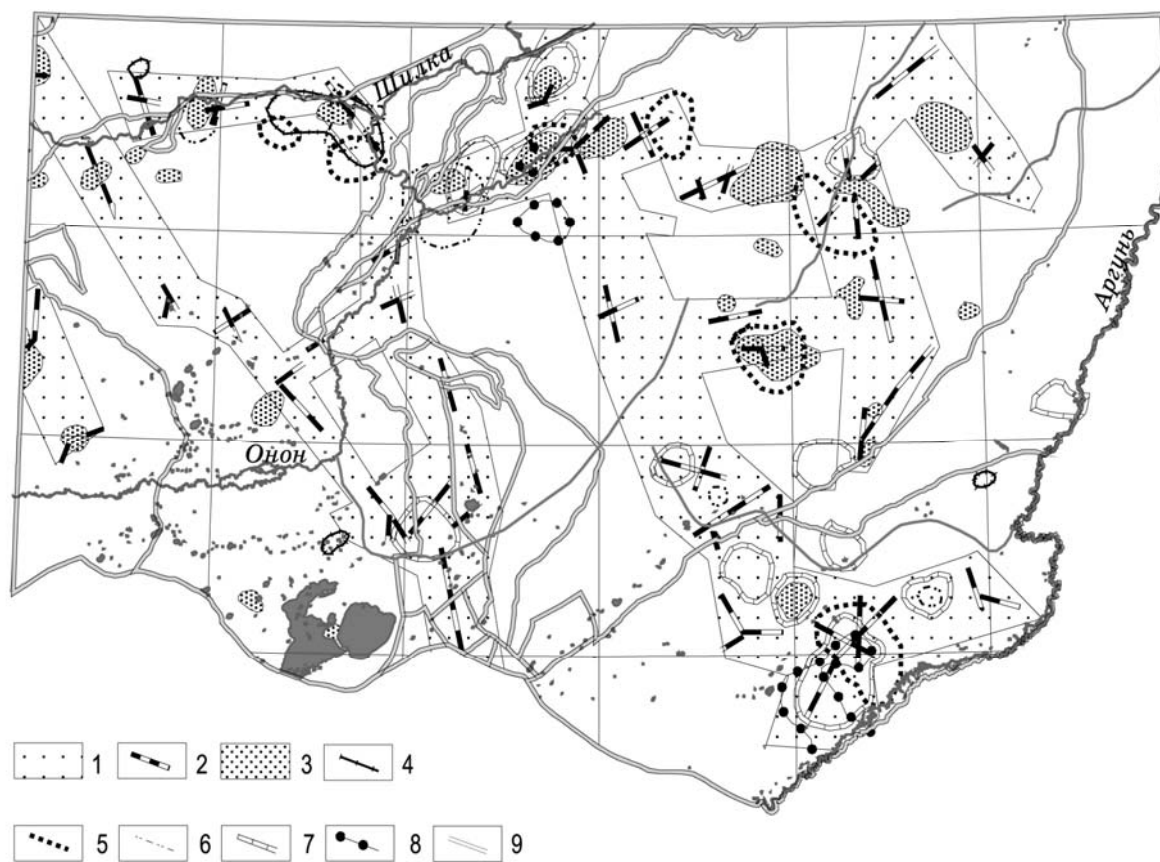

Рис. 2. Аномалии газов по результатам атогидрохимического опробования (по В.И. Флешлеру, 2000):

1 – зоны повышенной флюидопроводимости; 2 – оси интенсивных аномалий гелия; 3-8 – контрастные аномалии газов: 3 – CO_2 , 4 – N_2 и O_2 , 5 – CH_4 , 6 – H_2 , 7 – Rn , 8 – тяжелых углеводородов; 9 – границы основных тектонических структур

При составлении Государственной геологической карты листа М-50 масштаба 1:1 000 000 третьего поколения (2005 г.) автором уточнено линейно-узловое размещение рудных районов и узлов, достоверность которого подтверждена полями экстенсивности распределения эндогенного оруденения и 13 наиболее дефицитных видов полезных ископаемых; использована электронная база данных (см. ниже). При анализе этих материалов установлено, что металлогеническая картина эндогенного оруденения региона отвечает вышеизложенным моделям нескольких поколений геологов лишь в деталях, в целом же она требует иных объяснений закономерностей размещения полезных ископаемых Юго-Восточного Забайкалья.

В отличие от относительно хорошо изученной приповерхностной части глубинное строение земной коры исследовано крайне слабо и лишь косвенными геофизическими методами. Интерпретация полученных дискретных характеристик приведена в единичных работах [15; 16] и производственных отчетах [Г.А. Генко, Ю.А. Филиппенко].

По результатам региональных геофизических исследований Г.И. Менакером [15] построена объемная слоисто-блоково-очаговая физико-геологическая модель тектоносферы Забайкалья, объединяющая крайне разнородные геологические, геофизические, геохимические, аэрокосмогеологические и морфоструктурные данные. Очаговые структуры резко несогласно «вложены» в гетерогенный слоисто-блоковый остов (протыкают его), «корни» которых размещены на самых различных глубинах – от верхней части земной коры до низов верхней мантии.

В основу построений положен принцип соответствия элементов модели верхней части земной коры структурно-вещественным комплексам типовых тектонических обстановок (эндогенных режимов) в рамках геосинклинально-платформенной концепции, дополненной представлениями о

тектономагматической активизации. Установлено:

- в верхней части земной коры располагается два слоя пониженной плотности и вязкости (серогнейсовый и гранитогнейсовый), которые в очаговых зонах могут соприкасаться между собой (рис. 3);

- с глубиной насыщенность тектоносферы разрывными нарушениями уменьшается, корни зон разломов приурочены к верхнему и нижнему инверсионным слоям. Выделяются надмантийные, надбазитовые, наддиоритовые и локальные разломы;

- в разрезе тектоносферы установлены четкие субгоризонтальные границы, разделяющие ее на ряд этажей;

- слоисто-блоково-очаговый остов земной коры сформировался в позднем архее-раннем протерозое, образовались первые очаговые зоны, в межочаговых зонах завершилось становление расслоенного раннедокембрийского кристаллического основания, регион приобрел облик гранит-зеленокаменных областей;

- почти весь гранитоидный материал, присутствующий в составе современной земной коры, образован на догеосинклинальной стадии. Он является источником вещества всех последующих генераций гранитоидов, периодически поднимавшихся на более высокие уровни земной коры;

- процессы зарождения и пространственно-временной миграции режима тектономагматической активизации напрямую связаны с формированием мантийной очаговой структуры. Вулкано-плутонические комплексы вероятно являются производными нижнего серогнейсового слоя, плутонические обоих инверсионных слоев;

- в ходе эволюции рудообразования последовательно увеличивалось разнообразие руд, усложнялся состав рудных формаций, возрастала роль гидротермальных месторождений и продуктивности рудогенерирующих процессов;

- современное термическое состояние недр находится в начальной стадии развития нового этапа.

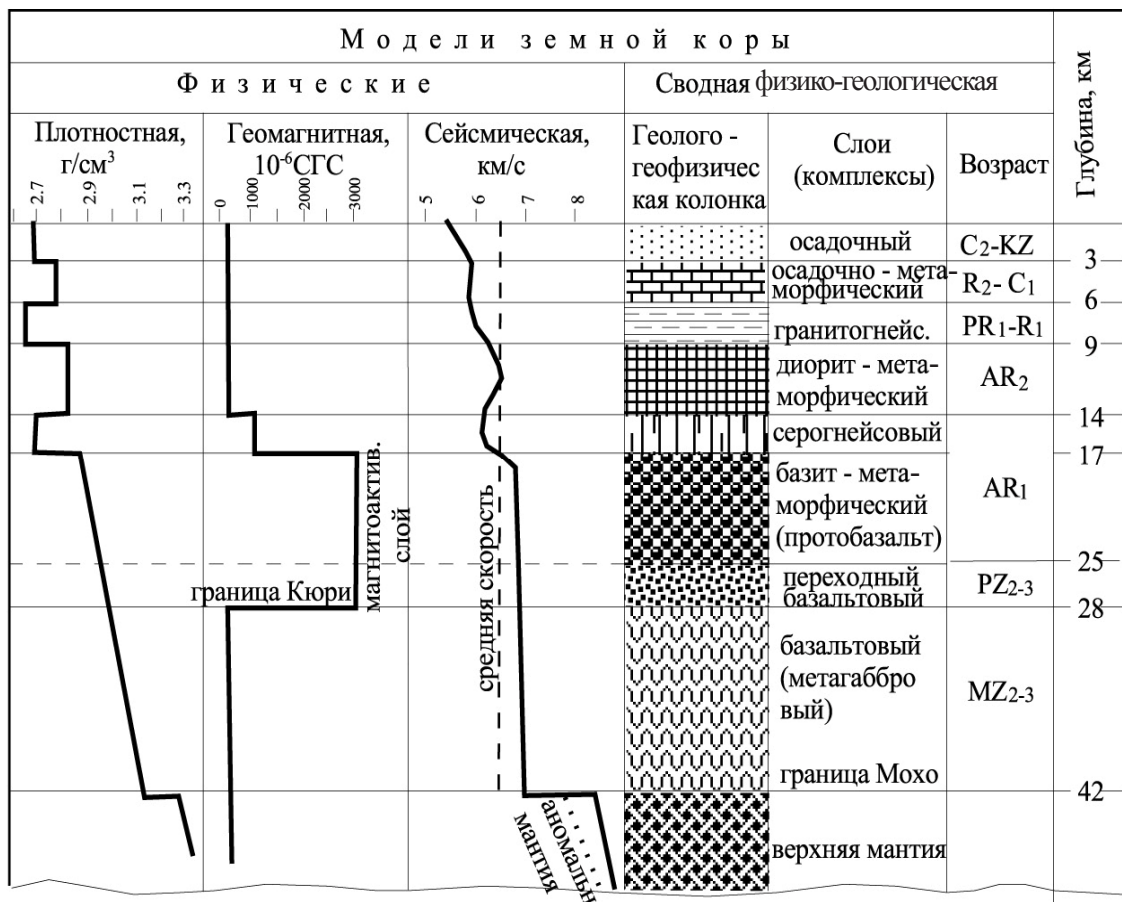

Рис. 3. Физико-геологическая модель земной коры Забайкалья в межочаговых зонах (по Г.И. Менакеру, 1989, с добавлениями автора)

Г.А. Генко, Ю.А. Филипченко по геофизическим исследованиям масштаба 1:200000 до глубины 10-15 км отмечают [18]:

- отсутствие на территории полного разреза;
- неоднородность гранитогнейсового слоя – верхняя часть преимущественно гранитогнейсовая, нижняя – преимущественно диоритогнейсовая. Слой по латерали распространён ограниченно, мощность до 2 км;
- продукты позднемезозойской тектономагматической активизации выполняют локальные наложенные структуры;
- возможность выделения единого ряда структур, различающихся степенью переработки диорит-метаморфического слоя процессами гранитизации;
- три типа залегания террасовидной кровли диорит-метаморфического слоя. В двух типах (глубина 5-8 и 8-10 км) она представлена комплексом гранитизированных

пород, в наиболее погруженном варианте кровля насыщена продуктами преимущественно кислого магматизма;

- разломы трансрегиональные, I и II порядков, протяженность на глубину первых двух типов в среднем 7-8 км, редко до 10-15 км, II порядка – чаще соответствуют протяженным линейным границам блоков;
- вокруг Газимурского мегаблока формируется концентрическая зональность структур блоков. От эпицентра к периферии мегаблока кровля диорит-метаморфического слоя воздымается чаще ступенчатой. По этим ступеням контактируют блоки с различной глубиной проработки земной коры процессами регионального метасоматического гранитообразования (рис. 4). От внешней границы кольца, образованного выступами диорит-метаморфического слоя, кровля слоя вновь погружается (за пределами листа М-50);

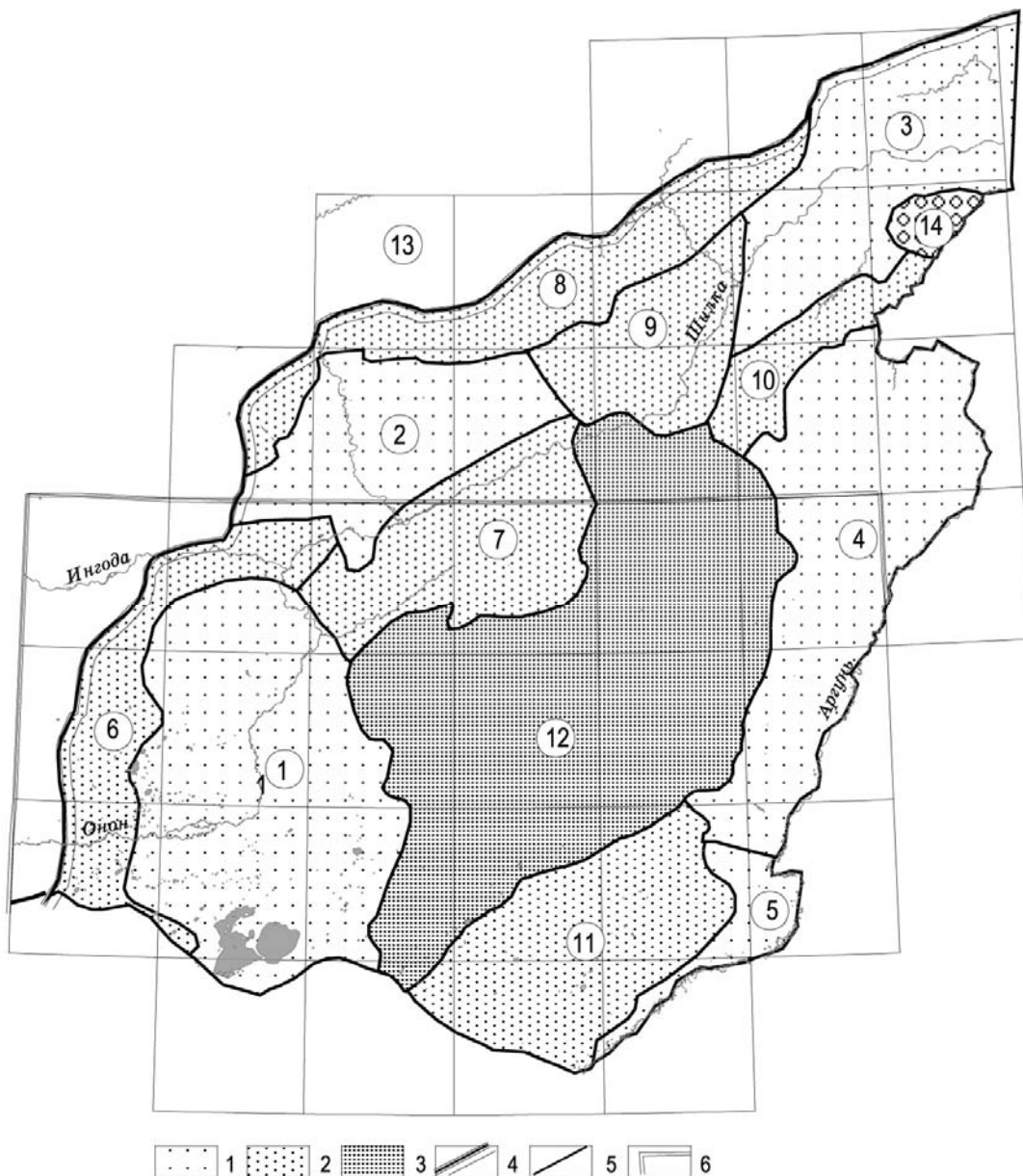

Рис. 4. Концентрическая зональность мегаблоков с различной глубиной залегания диорит-метаморфического слоя (Г.А. Генко и Ю.А. Филипченко):

1-3 – мегаблоки со средней глубиной залегания кровли диорит-метаморфического слоя, км: 1-0,3; 2 – 5-6; 3 – 8-10. Цифры в кружках – наименования мегаблоков: 1 – Восточно-Агинский, 2 – Оловский, 3 – Могочинский, 4 – Приаргунский, 5 – Далайно-Аргунский, 6 – Ононский, 7 – Борщовочный, 8 – Урюмский, 9 – Среднешилкинский, 10 – Верхнегазимульский, 11 – Урулюнгуйский, 12 – Газимульский, 13 – Ульза-Олекминский, 14 – Амурхэ, 4-5 – разломы: 4 – трансрегиональный, 5 – первого порядка, 6 – контур площади листа М-50 (Юго-Восточное Забайкалье)

— позднемезозойские впадины явно тяготеют к границам преимущественно архей-протерозойских выступов. Они накладываются на более ранние синклиналиные

складки, впадины или располагаются на их продолжении, формируя пересекающиеся и сопрягающиеся депрессионные зоны.

Современная модель [16] позволяет

выявить дополнительные минерагенические особенности региона, уточнить возможные глубины зарождения рудоносных магматических очагов, особенности распространения эндогенной минерализации в крупных геологических структурах верхней части земной коры. При ее построении использованы базы гравиметрических данных банка «Гравимаг», карты масштабов 1:200 000 и 1:1 000 000 гравиметрические и аномального магнитного поля, региональная геологическая модель глубинного строения Забайкалья-Дальнего Востока, материалы современных средне- и крупномасштабных аэрогеофизических съемок, геохимические и петрофизические данные, результаты сейсмических работ МОВ-ОГТ по профилям 1 и 2 общей длиной 126 км (1991-92 гг.). Модель создана на основе 14 нерегулярных интерпретационных глубинных геологических разрезов (до глубины 20 км) общей длиной 3200 км, построенных по программе квазитрехмерного моделирования М.Ю. Чернышева и GM-SYS.

В этой модели:

– в разрезе верхней части земной коры выделен раннедокембрийский кристаллический фундамент и верхний структурный этаж, сложенный образованиями рифея-фанерозоя. На долю рифейских-фанерозойских комплексов верхнего структурного этажа приходится не более 25 % изученной части земной коры (до глубины 15-20 км), при этом в его пределах развиты крупные останцы, тектонические пластины, выступы пород фундамента;

– выделены площадные гравитационные структуры I порядка – фрагменты Байкало-Станового и Аргуно-Верхнеамурского мегаблоков (рис. 5);

– выделена линейная гравитационная структура I порядка – Монголо-Удская ступень – долгоживущий глубинный шов (надвиг?), разделяющий мегаблоки; структура испытала многократную тектономагматическую активизацию;

– выделена площадная гравитационная структура II порядка – Восточно-Забайкальский ареал-плутон, характеризующийся мощностью гнейсогранитового слоя,

нарастающей от периферии к центру (до 11 км), а также зоной обрамления шириной 70-140 км с мощностью этого слоя 0-4 км;

– выделены площадные гравитационные структуры ареал-плутон III порядка – шесть крупных призмоподобных блоков, на которые разбит фундамент; контакты блоков имеют крутое падение; центральные Кукульбейский и Газимурский блоки (около 50 % объема) характеризуются максимальной мощностью гнейсогранитового слоя;

– выделены площадные гравитационные структуры зоны обрамления ареал-плутон – линейные и субизометричные структуры, характеризующиеся увеличенной мощностью гнейсогранитового слоя (подшва на 6-8 км); они выглядят как «отростки» ареал-плутон, развитые по ослабленным зонам;

– установлено, что ареал-плутон сформирован в раннем докембрии, в последующем неоднократно подвергался активизации по структурам раннедокембрийского кристаллического фундамента;

– установлено, что в верхнем структурного этаже (PR_1 - K_1) преобладают магматогенные образования. Стратифицированные комплексы всех возрастов тяготеют к западной и юго-восточной окраинам фрагмента мегаблока, к его центральной части приурочены терригенные комплексы нижней-средней юры (мощность до 3,5 км). В юго-западной части преобладают вулканогенно-осадочные образования палеозоя и раннего мезозоя (до 95 % объема), все они, включая отложения триаса, тектонически расслоены. В юго-восточной части карбонатно-терригенные с вулканитами отложения среднего рифея – нижнего кембрия (до 10 % его объема) слагают тектонические пластины, блоки высотой до 2 км. Здесь же развиты крупные вулканические структуры средней-поздней юры с вертикальными постройками размерами до 1 км;

– установлено, что рудоносные шахтаминский, акатуевский, борщевочный и кукульбейский комплексы слагают чаще линзовидные, чечевицеобразные, пластинчатые, редко штокообразные тела.

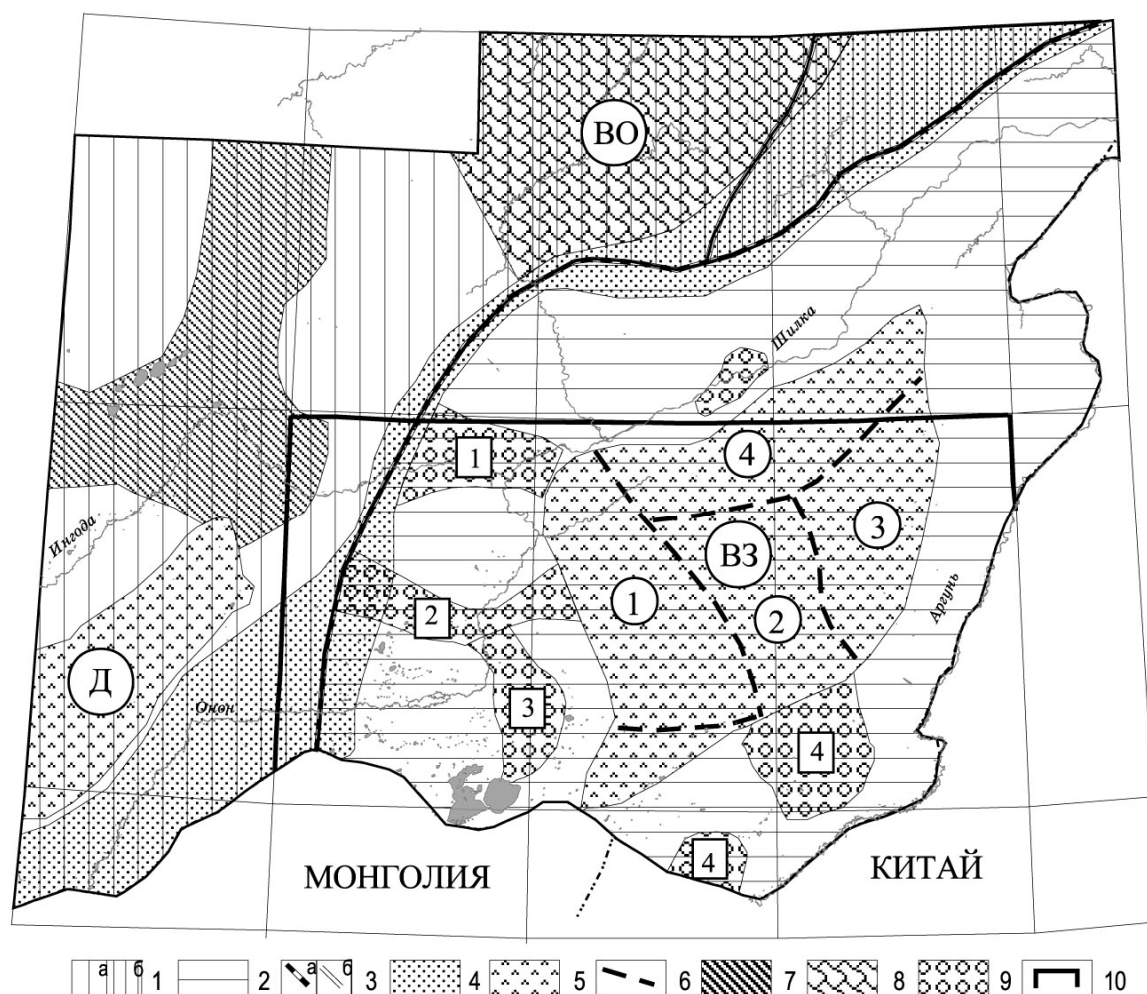

Рис. 5. Схема структурного районирования раннедокембрийского кристаллического фундамента земной коры (на уровне 5 км среза) (А.А. Духовский и др., 2005)

Мегаблоки с разным составом и строением раннедокембрийского кристаллического фундамента. 1 – Байкало-Становой, характеризующийся практически сплошным развитием гнейсогранитного комплекса («слоя») значительной мощности: а – Забайкальское звено с глубиной залегания подошвы слоя 8-14 км, б – Алдано-Становое звено – 6-8 км; 2 – Аргуно-Верхнеамурский, характеризующийся ограниченным развитием гнейсогранитного «слоя»; 3 – тектонические границы между блоками (а) и звеньями (б); 4 – проекция плоскости сместителя разлома, разделяющего мегаблоки на уровне пятикилометрового среза (Монголо-Удский глубинный шов). *Внутримегаблоковые структуры.* 5 – ареал-плутоны гранитоидного состава (полихронные очаговые структуры): Д – Даурский с однородным внутренним строением глубоких частей, В-З – Восточно-Забайкальский со сложным блоковым внутренним строением; 6 – границы блоков Восточно-Забайкальского ареал-плутона; цифры в кружках – номера блоков: 1 – Кукульбейский, 2 – Верхнегазимульский, 3 – Ундино-Золинский, 4 – Новоширокинский; 7 – Верхнехилокская зона смятия; 8 – Верхнеолекминский блок с повышенной мощностью гнейсогранитового «слоя» (до 10,5 км); 9 – очаговые и линейные зоны гранитизации; цифры в квадратах – номера зон: 1 – Завитинская, 2 – Орловско-Оловянинская, 3 – Шерловогорская, 4 – Заурулюнгуйская. 10 – контур площади листа М-50 (Юго-Восточное Забайкалье)

Интрузии шахтаминского комплекса имеют значительные вертикальные параметры (мантийно-коровая природа?), а кукульбейского – сложную апикальную поверхность и хорошо выраженную корневую систему (вертикальные размеры 3...6 км). Их корневые части приурочены к интенсивно гранитизированным структурам фундамента. Предполагается неоднородное строение шахтаминских массивов – в верхней части

(до 3,0 км) преобладают гранодиориты и лейкограниты, нижней – гранодиориты и диориты.

Таким образом, результаты геофизических исследований существенно меняют представление о рудоконтролирующих факторах, определяющих закономерности пространственного (и объемного) размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья.

Литература

1. Билибин Ю.А. Диоритовые магмы как первоисточник золотого оруденения // Избр. труды. – Т. III. – Изд. АН СССР, 1961.
2. Билибин Ю.А. Металлогенические провинции и металлогенические эпохи. – М.: Госгеолтехиздат, 1955.
3. Билибин Ю.А. Основные черты мезозойской эндогенной металлогении Восточного Забайкалья // Избр. труды. – Т. III. – Изд. АН СССР, 1961.
4. Билибин Ю.А. Основные черты мезозойской эндогенной металлогении Восточного Забайкалья: материалы по эндогенной металлогении Советского Союза // Тр. ВСЕГЕИ. – М.: Госгеолтехиздат, 1953.
5. Вольфсон Ф.И., Дружинин А.В. Закономерности размещения рудных полей в различных структурно-формационных зонах Восточного Забайкалья // Материалы к Первой Всесоюз. Конф. по геол. и металлогении Тихоокеанского рудного пояса. – Владивосток, 1960.
6. Вольфсон Ф.И., Кузнецов К.Ф. О закономерностях размещения свинцово-цинкового оруденения в Приаргунском полиметаллическом поясе Восточного Забайкалья // Закономерности размещения полезных ископаемых. – Т. II. – Изд-во АН СССР, 1959.
7. Вольфсон Ф.И. Проблемы изучения гидротермальных месторождений. – Госгеолтехиздат, 1962.
8. Геологические исследования и горно-промышленный комплекс Забайкалья / Г.А. Юргенсон [и др.] – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – С. 5-6.
9. Князев Г.И. Идеи С.С. Смирнова о рудных поясах Восточного Забайкалья и их дальнейшее развитие // Вопросы рудоносности Восточного Забайкалья. – М.: Недра, 1967. – С. 164-177.
10. Козеренко В.Н. Значение структурно-формационных зон для металлогенического анализа на примере Восточного Забайкалья // Закономерности размещения полезных ископаемых. – Т. III. – Изд-во АН СССР, 1960.
11. Кормилицын В.С. Основные черты мезозойской металлогении Восточного Забайкалья // Сов. геология, 1959. – № 11.
12. Кормилицын В.С., Иванова А.А. Полиметаллические месторождения Широкинского рудного поля и некоторые вопросы металлогении Восточного Забайкалья. – М.: Недра, 1968. – 176 с.
13. Левицкий, О.Д. Вольфрамовые месторождения Восточного Забайкалья // Месторождения редких и малых металлов СССР. – Т. II. – Изд-во АН СССР, 1939.
14. Левицкий О.Д., Аристов В.В., Константинов Р.М., Станкеев Е.А. Этыкинское оловорудное месторождение Восточного Забайкалья // Тр. ИГЕМ. – Вып. 100. – Изд. АН СССР, 1963.
15. Менакер Г.И. Строение тектоносферы и закономерности размещения рудных месторождений в Забайкалье: методические рекомендации по исследованию закономерностей размещения рудных месторождений в связи с глубинным строением рудных провинций. – Чита: ПГО Читагеология, 1989. – 65 с.

16. Методическое пособие по изучению глубинного геологического строения складчатых областей для Государственной геологической карты России масштаба 1:1 000 000 / А.А. Духовский, Н.А. Артамонова, А.И. Атаков и др. — СПб.: ВСЕГЕИ, 2005. — 135 с.
17. Озерский А.Д. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. — Изд-во Импер. СПб. минерал. об-ва, 1867. — № 8.
18. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья. — Чита: ЧитГУ, 2009. — 200 с.
19. Падалка Г.Л. Геотектоническое районирование и некоторые вопросы металлогении Юго-Восточного Забайкалья // Бюлл. ВСЕГЕИ. — 1958. — № 1.
20. Падалка Г.Л. Основные черты металлогении Юго-Восточного Забайкалья // Геол. рудных м-ний. — 1964. — № 6.
21. Падалка Г.Л. К вопросу о рудоносных интрузиях Восточного Забайкалья // Докл. АН СССР. Нов. сер, Т. XV. — 1944. — № 8.
22. Падалка Г.Л. О геологическом строении и металлогении Восточного Забайкалья: материалы по эндогенной металлогении Советского Союза // Тр. ВСЕГЕИ. — 1953.
23. Падалка Г.Л. Общие черты металлогении Восточной Сибири (Забайкалье) // Сов. геология. — 1953. — сб. 2.
24. Радкевич Е.А. К вопросу о типах металлогенических провинций и рудных районов // Закономерности размещения полезных ископаемых. — Т. II. — Изд-во АН СССР, 1959.
25. Радкевич Е.А., Томсон И.Н., Горлов Н.В. О региональных поясах и зонах повышенной трещиноватости // Сов. геология. — 1956. — № 53.
26. Радкевич Е.А. О типах вертикальной и горизонтальной зональности // Сов. геология. — 1959. — № 9.
27. Радкевич Е.А. Положение свинцово-цинкового оруденения в общей схеме металлогении Забайкалья // Тр. ИГЕМ. — Изд.-во АН СССР, 1963. — Вып. 83.
28. Рутштейн И.Г. Развитие представлений о геологическом строении и металлогении Восточного Забайкалья в XIX — первой половине XX в. // Геологические исследования и горно-промышленный комплекс Забайкалья. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. — С. 72-82.
29. Смирнов С.С. О Тихоокеанском рудном поясе // Изв.-во АН СССР. Сер. геол. — 1946. — № 2.
30. Смирнов С.С. Очерк металлогении Восточного Забайкалья. — М.; Л.: Госгеолтехиздат. — 194 с.
31. Томсон И.Н., Архангельская В.В., Семенова Н.Г. О системах глубинных разломов в Восточном Забайкалье // Скрытые рудоконтролирующие глубинные разломы. — Тр. ИГЕМ. — Изд-во АН СССР, 1962. — Вып. 84.
32. Ферсман А.Е. Монголо-Охотский металлический пояс // Поверхность и недра. — Т. IV, 3. — 1926. — С. 8-10
33. Чеглоков С.В. Значение скрытых разломов в структуре рудного поля // Скрытые рудоконтролирующие глубинные разломы. — Тр. ИГЕМ. — Изд-во АН СССР, 1962. — Вып. 84.
34. Якжин А.А. Геолого-структурное положение металлогенических провинций Забайкалья и Южной части Дальнего Востока // Тр. МГРИ. — Т. 28. — 1955.
35. Якжин А.А. Особенности металлогении золото-молибденово-турмалинового пояса Забайкалья // Сов. геология. — 1956. — № 50.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)

Служ. тел. (3022) 31-70-90

Yu. Pavlenko, Doctor of Geological and Minerological Sciences, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: мелко-среднемасштабное картирование, прогнозирование, оценка, разведка месторождений

Scientific interests: geological small-medium mapping, prognosis, estimation and exploration of mineral deposits

---

УДК 504.54

Романова Анастасия Анатольевна
Anastasia Romanova

Игнатьев Геннадий Васильевич
Gennadiy Ignatiev

РАДОН В СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ

RADON IN THE CENTRALIZED WATER SYSTEM SUPPLY

Приведены графики зависимости концентрации радона в пробе воды от места отбора. Выявлено, что радон в водопроводной воде транспортируется на значительные расстояния

Ключевые слова: радон, радон в воде, концентрация радона, измерение, проба воды, график

In this research work the results of radon concentration in tap water are presented. The radon concentration is shown by diagrams and the radon concentration depends on sampling points. The fact that radon in a centralized water system can move to a long distance is discovered

Key words: radon, radon in water, radon concentration, measurement, sample water, diagram

По данным многочисленных исследований отечественных и зарубежных ученых, основной радиационный фон на нашей планете создается за счет естественных источников излучения, где радон составляет значительную часть общей радиационной дозы. Радон — это радиоактивный химический элемент, который образуется в результате распада радия. В нормальных условиях радон — бесцветный инертный газ, значительно тяжелее воздуха. Наиболее стабильный изотоп ^{222}Rn имеет период полураспада 3,8 суток.

Радон способен попадать в дома за счет диффузии из строительных материалов и грунтового основания зданий, конвективного переноса, деэманирования воды в процессе водопотребления. Первые три источника поступления радона в здания хорошо изучены, по ним имеется большое количество публикаций, позволяющих количественно оценить мощность источников и разработать мероприятия, обеспечивающие снижение концентрации радона в воздухе помещений.

Существуют работы, посвященные определению концентрации радона в грунтовых и подземных водах [1; 2]. Следует отметить работу [3], в которой представлены результаты определения концентрации радона в водопроводной воде на территории г. Красноярск и края.

Содержание радона наблюдается в любой воде, омывающей породы даже с низким содержанием радия. Растворённый в воде радон представляет существенную угрозу для здоровья людей. Вместе с водой радон попадает в пищеварительную систему человека, вызывая внутреннее облучение. При кипячении воды радон практически весь деэманурует и поступает в организм ингаляционным способом. При норме расхода воды одним потребителем в местах с повышенной концентрацией радона в воде составляет 250 л/сут [4], что может представлять серьезную опасность для населения. Нормами радиационной безопасности регламентируется предельная концентрация радона в воде, не превышающая 60 Бк/кг [5].

Можно констатировать, что исследования по содержанию радона в воде, источников его поступления в воду хозяйственно-бытового назначения, деэманирования в процессе водопотребления не носят целенаправленного систематического характера и не позволяют корректно оценить степень опасности для здоровья населения.

В наших исследованиях для измерения удельной активности радона в воде применялась специальная установка AquaKIT

(рис. 1), в состав которой входит следующее оборудование: радиометр объемной активности ^{222}Rn «Alpha GUARD Mod. PQ2000» (4); воздуходувка «AlphaPUMP» (5), обеспечивающая прокачку воздуха через ионизационную камеру радиометра со скоростью 0,03...1 л/мин; стеклянная колба для дегазации с трехходовым герметичным запорным краном (1); предохранительная колба (2); фильтры (3;6); а также компьютер.

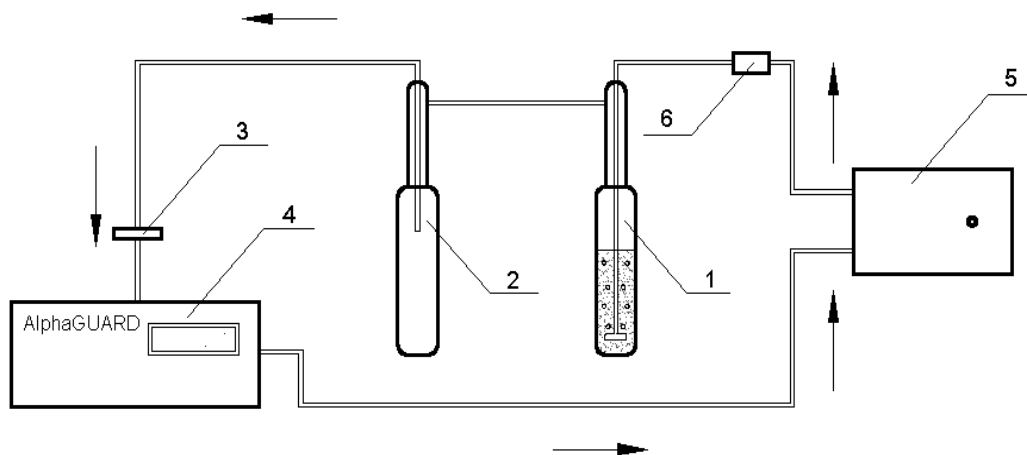

Рис. 1. Общая схема измерительной установки AquaKIT:

1 – колба для дегазации; 2 – предохранительная колба; 3 – фильтр; 4 – AlphaGUARD; 5 – AlphaPUMP; 6 – фильтр

Прибором измеряется содержание радона в воздухе, находящемся в контакте с пробой воды, при условии, что система «вода-воздух» изолирована от внешней атмосферы. Далее рассчитывается удельная активность радона в пробе воды в соответствии с методикой измерения.

Авторами проведено исследование изменения концентрации радона в системе централизованного водоснабжения г. Красноярск на двух островных водозаборных сооружениях инфильтрационного типа, далее называемые № I и № II. Подъем воды в таких сооружениях осуществляется из скважин глубиной 20...25 м ниже уровня поверхности реки.

Водозаборное сооружение № I обслуживает часть территории левого берега.

Максимальная производительность насосной станции составляет 3400 м³/ч, а фактическая – 3200 м³/ч. Вода от водозаборного сооружения к потребителям подается двумя трубами диаметром 600 мм. Отсюда следует, что средняя скорость движения воды по трубам составляет примерно 5,7 км/ч. Водозаборное сооружение № II обслуживает часть территории правого берега. Максимальная производительность насосной станции составляет 7500 м³/ч, а фактическая – 7200 м³/ч. Вода от водозаборного сооружения подается четырьмя трубами диаметром 600 мм, скорость составляет 6,4 км/ч.

Отбор проб осуществляли для водозабора № I непосредственно из водопроводного крана в точках 1...4, расположенных

по движению воды; для водозабора № II — исключительно на самом водозаборном сооружении в точке 6, что показано на рис. 2.

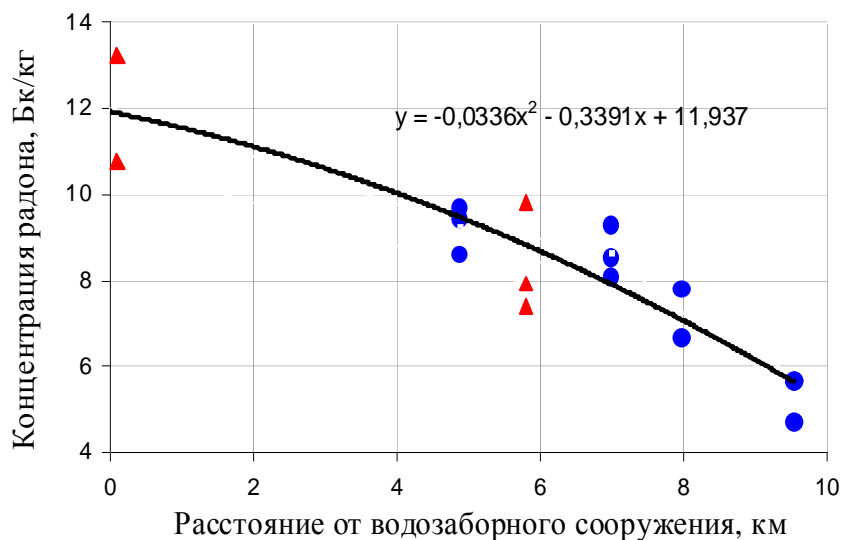

Рис. 2. Изменение концентрации радона в двух водозаборных сооружениях в зависимости от расстояния, пройденного водой:

● — водозаборное сооружение № I; ▲ — водозаборное сооружение № II

Данные измерений по двум водозаборным сооружениям представлены на одном графике. На рис. 2 видно, что характер снижения концентрации радона для двух водозаборов одинаков и зависит от расстояния, пройденного водой по системе до точки отбора. Полученные результаты аппроксимируются единой зависимостью.

Исходя из скорости движения воды по трубам, равной 5,7 км/ч (водозабор № I), можно оценить влияние радиоактивного

распада на снижение концентрации радона в водопроводной воде. На рис. 3 представлены кривая фактического изменения концентрации радона в системе водоснабжения и кривая закона радиоактивного распада радона. Радиоактивный распад незначительно влияет на изменение общей концентрации радона в системе водоснабжения и составляет не более 4 % от общих потерь радона.

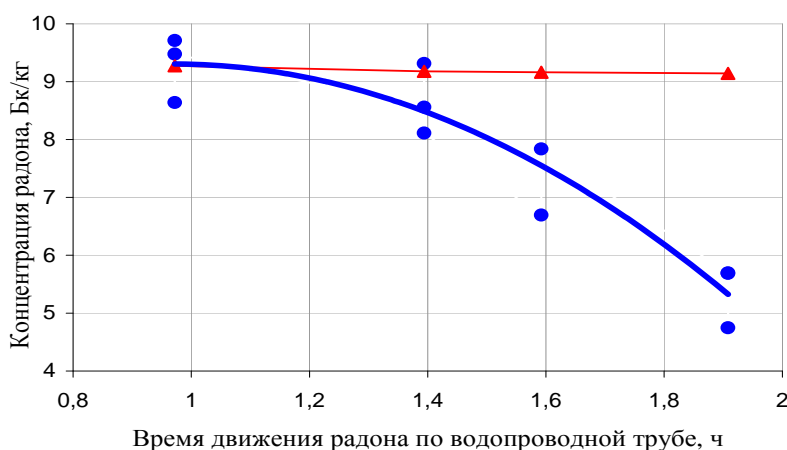

Рис. 3. Изменение концентрации радона в зависимости от времени движения радона по водопроводным трубам:

● — данные измерений; ▲ — радиоактивный распад

Следует отметить, что ни в одной из проб содержание радона не превысило нормируемого значения. Однако основная доля радона, содержащаяся в воде, деэманурует в процессе водопотребления. Радон способен перемещаться по водопродным тру-

бам централизованного водоснабжения на расстояние 10 км и более. В местах с повышенной концентрацией радона в воде это может являться для человека серьезным источником дополнительного облучения.

Литература

1. Смирнова А.Я. Радиоактивные воды центрального черноземья // Вестник Воронежского университета. Геология. Вып. 11. – 2001. – С. 244-248.
2. Воронов А.Н. Радон в подземных водах: экологические аспекты // Экологические проблемы гидрогеологии: Восьмые Толстухинские чтения. – СПб., 1999. – С. 148-151.
3. Крафт С.В. Формирование радиационных показателей в процессе гидрозолеудаления и хранения золошлаковых отходов бурогольных ЕЭС (на примере Березовской ГРЭС-1): дис. ... на соискание учёной степени канд. техн. наук. – Томск, 2010. – 186 с.
4. Строительные нормы и правила (СНиП 2.04.01-85*): Внутренний водопровод и канализация зданий. – М., 1997.
5. Нормы радиационной безопасности (НРБ – 99/2009): Гигиенические нормативы. – М.: Центр санитарно-эпидемиологического нормирования, гигиенической сертификации и экспертизы Минздрава России, 2009.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Романова А.А., ассистентка каф ПЗиЭН, Сибирский Федеральный университет (СФУ)
rom-an55@mail.ru

A. Romanova, assistant of BD&PA department, Siberian Federal University

Научные интересы: геоэкология

Scientific interests: environmental ecology

Игнатьев Г.В., канд. техн. наук, доцент, зав. каф. СМиТС, Сибирский Федеральный университет (СФУ)
info@sfu-kras.ru

G. Ignatiev, Candidate of Engineering Sciences, associate professor, head of BM&CT department

Научные интересы: строительные материалы и изделия

Scientific interests: building materials and products

Медицина

УДК 571.9 + 612.7+ 614.599.7 + 315.234

*Дычко
Елена
Анатолиевна
Elena Dyshko*

*Дычко
Владислав
Викторович
Vladislav Dyshko*

*Флегонтова
Вероника
Валентиновна
Veronika Flegontova*

*Пикинер
Дмитрий
Сергеевич
Dmitriy Pikiner*

ПСИХОФИЗИЧЕСКИЙ И ПСИХОМОТОРНЫЙ СТАТУС ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

PSYCHOPHYSICAL AND PSYCHOMOTOR STATUS OF CHILDREN WITH VISUAL DISORDER

Приведены результаты изучения психофизического и психомоторного статуса слепых и слабовидящих детей 7...17 лет

Ключевые слова: слепые и слабовидящие дети, психофизический и психомоторный статус

The article contains the results of psychophysical and psychomotor status study of blind and bad-sighted children

Key words: blind and bad-sighted children, psychophysical and psychomotor status

Постановка проблемы. Анализ последних исследований и публикаций. Здоровье человека определяется уровнем физического развития и функциональных возможностей организма, основы которых закладываются в детском возрасте [1-5].

Разработка индивидуализированного подхода к проведению коррекционно-реабилитационной работы особенно актуальна для детей с ограниченными возможностями, обучающихся в специализированных лечебно-образовательных учреждениях. Большинство концепций усовершенствования физической подготовки включают разработку и использование комплекса ме-

тодов диагностики психофизических способностей с преимуществом модельных характеристик.

Новые подходы в понимании характера нарушений психофизического развития, их структуры, глубины и потенциальных возможностей развития слепых и слабовидящих детей требуют существенного обновления содержания специального образования, форм и методов реализации, использования новых подходов и инновационных технологий, а также новых комплексных программ развития.

Физическая реабилитация слепых и слабовидящих детей с особенностями пси-

хофизиологического развития – одно из приоритетных направлений работы специальных учреждений и главной частью оздоровительной и воспитательной работы, выступает могучим способом укрепления здоровья и правильного физического развития детей (В.Г. Григоренко, В.В. Дычко).

Проблема коррекции психомоторных нарушений у детей с нарушениями зрения рассматривается как с медицинских позиций, так и с позиций сохранения психического и физического здоровья ребенка. Все психофизиологические функции в организме, психомоторная организация и двигательные способности следует рассматривать с позиций функционально генетического подхода, которой является фундаментальным теоретическим базисом современной дифференциальной психофизиологии [3].

Однако, невзирая на достаточно широкий спектр исследованных направлений, специальных работ, направленных на изучение влияния физических упражнений на психомоторику у слепых и слабовидящих детей в возрасте 7...17 лет, не проводилось.

В последнее время актуальной темой является разработка эффективных методов комплексной физической реабилитации, что обуславливает необходимость проведения валидной диагностики состояния психомоторики слепых и слабовидящих детей с оценкой исходного уровня физического развития и степени нарушения психомоторной функции, разработка и внедрение в процесс физического воспитания методов, направленных на развитие психомоторики и программы с применением индивидуальных физических нагрузок.

Цель исследования: определить психофизический и психомоторный статус детей с нарушениями зрения в возрасте 7...17 лет.

Объект и методы исследования. Базами для исследования выступили: специальная общеобразовательная школа-интернат I...III степени для слепых и слабовидящих детей г. Славянск Донецкой области; кафедра патофизиологии ЛГМУ, кафедра физического воспитания СГПУ.

В исследовании принимало участие 68

детей с нарушениями зрения и 46 практически здоровых однолетков с нормальным зрением обоего пола. Для медико-педагогических наблюдений были созданы группы по возрасту из детей с нарушением зрения и практически здоровых однолетков: младшего школьного возраста 7...10 лет, среднего школьного возраста 11...14 лет, старшего школьного возраста 15...17 лет.

Для решения поставленных заданий оценки психомоторных качеств у обследованных детей – диагностику свойств нервных процессов и функционального состояния на основе параметров простой и сложной зрительно моторной и простой слухо-моторной реакции проводили за классическими психодиагностическими методиками при помощи аппаратно-программного комплекса НС – психотест НЭТ под управлением операционной системы Windows XP Professional.

Результаты и их обсуждения. Нарушение зрения, как показано далее, приводит к отставанию в росте и развитии двигательной памяти, ситуативного мышления, пространственной ориентации, физических качеств, в связи с этим положением необходима коррекция психомоторного развития слепых и слабовидящих детей.

Результаты изучения антропометрических показателей мальчиков с нарушениями зрения свидетельствуют об отставаниях последних в росте, массе тела, длине руки, обхвате запястья, обхвате грудной клетки как в покое, так и на вдохе и выдохе, от своих однолетков, которые не имеют нарушений зрения. Они также имеют нарушение пропорциональности тела, уменьшения скоростных возможностей мышц, а также отстают за биологическим в возрасте от практически здоровых однолетков. Лишь длина ноги у мальчиков с нарушениями зрения не отличается от длины ноги у практически здоровых детей без нарушений зрения.

Нарушения зрения способствуют отставанию от практически здоровых мальчиков в росте, достижении массы тела, длине руки, обхвата запястья и грудной клетки, независимо от функционального состояния

(в покое, на вдохе и выдохе), динамометрических показателей. Они не достигают соответствующей площади поверхности тела, его пропорциональности и скоростных возможностей мышц, что необходимо учитывать при назначении реабилита-

ционных мероприятий. Такие глубокие изменения антропометрических показателей способствуют уменьшению биологического возраста у слепых и слабовидящих мальчиков в возрасте 7...17 лет.

Таблица 1

Антропометрические показатели слепых и слабовидящих детей в возрасте 7...17 лет

Показатели	Ед. изм.	7...10 лет		11...14 лет		15...17 лет		
		Мальчики с нарушен. зрения	Девочки с нарушен. зрения	Мальчики с нарушен. зрения	Девочки с нарушен. зрения	Мальчики с нарушен. зрения	Девочки с наруш. зрения	
		M ± m	M ± m	M ± m	M ± m	M ± m	M ± m	
Рост стоя	см	129,5 ± 4,75	129,0 ± 4,73	161,8 ± 2,79	153,1 ± 1,82	172,2 ± 5,94	159,0 ± 2,14	
Масса тела	кг	30,7 ± 2,57	36,2 ± 2,83	47,6 ± 1,82	46,1 ± 1,75	54,5 ± 3,83	47,2 ± 2,07	
Обхват запястья	см	14,5 ± 0,49	15,5 ± 0,49	16,8 ± 0,38	15,7 ± 0,24	17,7 ± 1,06	16,2 ± 0,82	
Обхват грудной клетки	При задержке дыхания	см	67,8 ± 1,45	74,6 ± 1,34	80,5 ± 1,69	84,1 ± 1,58	85,3 ± 6,63	89,8 ± 6,21
	на вдохе	см	74,0 ± 2,16	80,7 ± 1,86	87,7 ± 1,53	88,6 ± 1,54	91,0 ± 7,45	98,5 ± 6,40
	на выдохе	см	67,2 ± 1,69	73,6 ± 1,62	78,9 ± 1,86	80,5 ± 1,87	81,2 ± 8,77	96,2 ± 7,30
Динамометрия	левая рука	кг	12,2 ± 1,76	10,2 ± 0,58	25,2 ± 2,45	17,0 ± 1,64	32,8 ± 7,17	16,3 ± 2,30
	правая рука	кг	6,3 ± 0,98	11,2 ± 0,69	26,5 ± 2,47	19,1 ± 1,71	35,0 ± 7,13	19,3 ± 3,20
Поверхность тела	см ²	10508,2 ± 600,77	11668,0 ± 630,42	14631,6 ± 372,74	14017,8 ± 331,19	16163,7 ± 827,02	14463,8 ± 376,18	
Пропорциональность тела	%	70,0 ± 1,70	80,6 ± 1,74	73,4 ± 0,99	74,7 ± 0,86	75,8 ± 1,89	75,5 ± 1,89	

У девочек с нарушениями зрения установлено отставание в росте, массе тела, длине конечностей, обхвате запястья рук и грудной клетки, в динамометрических данных обеих рук. У них меньшая поверхность тела и нарушена пропорциональность, снижена скоростная возможность мышц. Перечисленное приводит к уменьшению биологического возраста у девочек с нару-

шениями зрения.

Проведенные многочисленные широкие обследования патофизиологических особенностей психофизического и психомоторного статуса мальчиков в возрасте 7-17 лет с нарушениями зрения показали, что у 70 из 100 % обследованных психофизическое состояние организма изменено.

**Особенности психофизического состояния мальчиков
с нарушениями зрению в возрасте 7...17 лет**

Показатели	Количество обследованных	Обнаружено показателей		Количествен. показатели M ± m
		абс.	%	
1. Диагностика свойств нервных процессов и функциональных состояний на основании параметров простых и сложных зрительно-моторных реакций				
Реакция выбора				
Среднее значение времени реакции	37	28	76	439,1 ± 17,67
Простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР)				
Скорость сенсомоторных реакций	37	32	86	281,9 ± 8,91
Реакция различия				
Среднее значение времени реакции	37	28	76	353,0 ± 13,47
Число ошибочных реакций	37	28	76	1,5 ± 0,20
Число пропусков	37	28	76	1,2 ± 0,23
Реакция на движущийся объект (РДО)				
Среднее время реакции	37	29	78	3,8 ± 1,69
Сумма времени опережений	37	29	78	1304,7 ± 165,97
Сумма времени запаздываний	37	29	78	1626,1 ± 293,59
2. Диагностика определения силы, уравновешенности и динамической подвижности нервных процессов на основе простой слухо-моторной реакции				
Простая слухо-моторная реакция (ПСМР)				
Среднее значение времени реакции	37	36	97	274,4 ± 12,35
Корректирующий тест (звуковой)				
Среднее время реакции	37	37	100	430,1 ± 12,81
Динамометрия				
Максимальная мышечная сила	37	37	100	22,7 ± 1,85
Порог удержания 50%	37	37	100	11,3 ± 0,92
Теппинг-тест – определение силы нервной системы				
Средний междударный интервал	37	34	92	233,8 ± 7,29
Число ударов	37	34	92	133,3 ± 3,91
Тремометрия – контактная				
Общее время касаний	37	37	100	4,1 ± 0,53
Координациометрия по профилю				
Количество касаний	37	37	100	3,8 ± 0,43

Параллельные аналогичные исследования слепых и слабовидящих девочек обнаружили изменения параметров психофизического состояния в 55 из 100 % случаев.

Аппаратная диагностика свойств нервных процессов и функциональных состояний, на основе простых и сложных зрительно-моторных реакций показала, ряд отличий ведущих показателей за определенными реакциями как у мальчиков,

так и у девочек. Все показатели нарушений зрительно-моторной реакции обнаружены у 76 % мальчиков и 55 % девочек. Для девочек характерным являются не только сниженные показатели в общей когорте, но и в общем количестве показатели меньше. По всем показателям слепые и слабовидящие дети, в возрасте 7...17 лет, отстают от практически здоровых однолетков с нормальным зрением.

Таблица 3

**Особенности психофизического статуса девочек с нарушениями зрения
(слепые и слабовидящие) в возрасте 7... 17 лет**

Показатели	Количество обследованных	Обнаружено показателей		Количественные показатели M ± m
		абс.	%	
1. Диагностика свойств нервных процессов и функциональных состояний на основании параметров простых и сложных зрительно-моторных реакций				
Реакция выбора				
Среднее значение времени реакции	31	17	55	435,8 ± 18,83
ПЗМР				
Скорость сенсомоторных реакций	31	21	68	272,2 ± 10,18
Реакция различия				
Среднее значение времени реакции	31	18	58	349,7 ± 14,75
Число ошибочных реакций	31	18	58	1,4 ± 0,28
Число пропусков	31	18	58	0,5 ± 0,19
Реакция на двигательный объект (РДО)				
Среднее время реакции	31	17	55	6,9 ± 2,10
Число ошибочных реакций	31	17	55	9,3 ± 1,63
Число пропусков	31	17	55	10,8 ± 1,17
2. Диагностика определения силы, уравновешенности и подвижности нервных процессов на основе простой слухо-моторной реакции				
Простая слухо-моторная реакция – ПСМР				
Среднее значение времени реакции	31	30	97	262,6 ± 11,23
Корректирующий тест (звуковой)				
Среднее время реакции	31	31	100	464,9 ± 12,12
Динамометрия				
Максимальная мышечная сила	31	30	97	17,0 ± 1,33
Порог содержания	31	30	97	8,5 ± 0,67
Теппинг-тест – Определение силы нервной системы				
Средний междударный интервал	31	26	84	231,0 ± 6,29
Число ударов	31	26	84	133,4 ± 3,36
Треметрия – контактная				
Общее время касаний	31	28	90	5,0 ± 0,73
Координациометрия по профилю				
Количество касаний	31	29	94	3,8 ± 0,39

Перечисленное свидетельствует о наличии особенностей показателей психофизиологического статуса слепых и слабовидящих детей, что требует коррекции этих показателей за счет улучшения качеств двигательной сферы, которая включает конкретный комплекс физического развития, имеющегося фонда двигательных умений, навыков и автоматизма.

Анализ сложной структуры дефекта психомоторного развития слепых и слабовидящих детей различает первичный дефект, вызванный нарушением зрения, и вторичные приобретенные отклонения, которые возникают в результате действия

первичного дефекта. К ним мы относили нарушение параметров двигательной сферы, а также формирование по этому поводу патологических типов психофизических реакций у детей с нарушениями зрения – хронический психоэмоциональный стресс.

Выводы и перспективы последующих исследований в данном направлении. Таким образом, как у мальчиков, так и у девочек с нарушениями зрения (слепые и слабовидящие) достоверно снижены основные антропометрические показатели, что приводит к несоответствию (уменьшение) их биологического возраста. Как мальчики, так и девочки с нарушениями зрения в

возрасте 7...17 лет отстают от практически здоровых однолетков с нормальным зрением за биологическим возрастом, прогнозом достижения соответствующих показателей роста и массы тела, а также максимального потребления кислорода.

У слепых и слабовидящих детей, независимо от пола, сохраняется способность к оценке и регуляции пространственно-временных и динамических параметров, точности временной оценки мышечных уси-

лий, точности пространственной оценки к контролю стойкости статического и динамического равновесия; контролю координированных движений и общей координации движений

Данные, полученные нами в результате проведенного исследования, будут использованы для разработки методов коррекции показателей психофизиологического и психомоторного статуса детей с нарушением зрения.

Литература

1. Григоренко В.Г. Теория дифференциально-интегральных оптимумов педагогических факторов физической реабилитации человека. — М.: Фонд социальных изобретений России, 1993. — 182 с.
2. Дичко В.В. Методи психодіагностики порушень психомоторних реакцій у сліпих та слабозорих дітей // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту. — 2008. — № 11. — С. 165-168.
3. Дичко В.В. Оцінка психомоторних і психофізичних реакцій сліпих та слабозорих дітей // Український медичний альманах. — 2009. — № 4. —Додаток. — С. 51-55.
4. Оцінка психомоторних якостей у сліпих та слабозорих дітей / В.В. Дичко, Т.В. Дегтяренко Т.В., І.В. Ахременко [та ін.] // Теорія і практика фізичного виховання (науково-методичний журнал). — 2008. — № 2. — С. 125-130.
5. Психолого-педагогические и медико-биологические факторы оптимизации физического воспитания школьников (норма и патология) [навчальний посібник] / В.Г. Григоренко, В.В. Дычко, К.С. Кузин [и др.]. —Бердянск, 2001. — 89 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Дычко Е.А., ассистентка кафедры физического воспитания, Славянский государственный педагогический университет (СППИ)
dichko@list.ru

E. Dychko, assistant physical education department, Slavic State Pedagogical University (SGPI)

Научные интересы: иммунный, метаболический и микробиологический статус спортсменов

Scientific interests: immune, metabolic and microbiological status of athletes

Дычко В.В., д-р биол. наук, профессор, зав. кафедрой физического воспитания, Славянский государственный педагогический университет (СППИ)
dichko@list.ru

V. Dychko, Doctor of Biology, professor, head of Physical Education department, Slavic State Pedagogical University (SGPI)

Научные интересы: психомоторика и психофизиологический статус детей с нарушением зрения, микробиологический статус спортсменов

Scientific interests: psychomotor and psychophysiological status of children with visual disorder, microbiological status of athletes

Флегонтова В.В., д-р мед. наук, профессор, Государственное учреждение «Луганский государственный медицинский университет», профессор кафедры патофизиологии

V. Flegontova, Doctor of Medicine, State agency «Lugansk State Medical University», professor of Pathophysiology

www.lsmu.edu.ua

Научные интересы: иммунный, метаболический и микробиологический статус спортсменов

Пикинер Д.С., ассистент кафедры физического воспитания, Славянский государственный педагогический университет (СПГУ)

Научные интересы: психофизиологический статус детей и микробиологический статус спортсменов

Scientific interests: immune, metabolic and microbiological status of athletes

D. Pikemen, assistant of Physical Education department, Slavic State Pedagogical University (SGPU)

Scientific interests: psychophysiological status of children and microbiological status of athletes

---

Социология

УДК 316.3

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

КОНЦЕПЦИЯ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

THE CONCEPT OF CHARISMATIC LEADERSHIP

Дан обзор феномена харизмы. Представлены концепции харизматического лидерства. Рассмотрены модели лидера, построенные на разных аксиоматических основаниях

Ключевые слова: феномен харизмы, концепции харизматического лидерства, модели лидерства, теории харизмы, харизматические стратегии

A review of the phenomenon of charisma is given. The concept of charismatic leadership is presented. The models of leadership, built on the various axiomatic foundations are observed

Key words: phenomenon of charisma, concept of charismatic leadership, leadership models, theories of charisma, charismatic Strategy

В начале приведем общие соображения. Харизматический лидер – это *политический и религиозный лидер, чье господство основывается на харизме*. Концепция харизматического лидерства первоначально разработана классиком социологии М. Вебером.

Харизматический лидер обладает необычными психическими способностями привлекать последователей и руководить ими. Происхождение этих способностей является спорным вопросом в науке и до конца пока не ясно. Харизматическое лидерство носит характер «личных» отношений харизматического лидера и его последователей. Оно предполагает веру сторонников в миссию харизматического лидера, в его необычное призвание. Харизматический лидер является воплощением одного из архетипов политического вождя, который должен всерьез верить в собственную миссию, иначе он не сможет убедить в этом потенциальных сторонников. Имитация харизматического лидерства быстро раскрывается и не позволяет достичь устойчи-

вого политического влияния.

Механизм харизматического лидерства основывается на проекции психической энергии коллективного бессознательного на данного лидера. Хотя проекция осуществляется сознательно, она представляет собой эмоциональный порыв. Лидер становится воплощением коллективных чувств и ожиданий. В результате между лидером и его сторонниками устанавливается сильная эмоциональная взаимосвязь, притягивающая новых сторонников. Харизматический лидер не только заряжается психической энергией массы, но и сам заряжает ее своей энергией. Под воздействием харизматического лидера его сторонник чувствует прилив положительных эмоций, удовлетворение чувственных потребностей, снятие социальных фрустраций и воздействий комплексов.

Виды харизматического лидера:

- 1) религиозные вожди, святые, основатели религий (М. Лютер, Хомейни, библейские пророки, Иисус Христос);
- 2) полководцы (Наполеон, Александр

Македонский);

3) вожди тоталитарных государств и движений (И. Сталин, А. Гитлер, Б. Муссолини, Мао);

4) лидеры авторитарных режимов и популистские вожди (генерал Перон, де Голль, Ф. Кастро).

Харизматическое лидерство носит религиозный или квазирелигиозный характер и проявляется в эпохи крупных революционных изменений. Харизматический лидер является как бы концентрированным выражением и орудием этих процессов. Харизматический лидер не обязательно должен быть политическим лидером, формально он может являться только духовным вождем.

Понятие харизматического лидера с определенными оговорками приложимо к некоторым политикам крупного масштаба, например, Б. Ельцину, Д. Кеннеди и др. Здесь мы имеем дело с нестрогим, образным толкованием понятия «харизматического лидера», граничащим с психической инфляцией и простым авторитетом. Многие свойства механизма харизматического лидерства сближают крупных политиков с настоящими харизматическими лидерами, но действуют в ослабленном и измененном виде.

Следует отличать харизматическое лидерство от психической инфляции и авторитета, имеющих сходный механизм проекций бессознательного, но не опирающейся на подлинную харизму. Психическая инфляция — это ролевая маска, харизма — подлинное лицо лидера. Авторитет лидера среди масс избирателей также сам по себе не является харизмой. То, что может позволить себе харизматический лидер (при этом добившись поддержки у избирателей), не может позволить просто авторитетный лидер, не идя при этом на чрезмерный риск, в частности:

а) новаторские лозунги, противоречащие политической традиции, привычки;

б) демонстративно взять на себя личную ответственность за рискованные шаги;

в) противопоставить себя политическому и государственному окружению;

г) заставить принять свои действия на

веру, не подкрепив их результатами и аргументами.

Понятие «харизматический лидер» является эталоном, который позволяет оценивать сходные явления низшего порядка, при необходимости подражать харизме или, наоборот, выявлять имитацию и бороться с ней в ходе избирательной кампании. Харизматическое лидерство стало моделью эффективной предвыборной игры, на которую ориентируются многие политики, на самом деле не обладающие харизмой. Одновременно развиваются средства разоблачения и нейтрализации псевдохаризматических лидеров.

За основу дальнейшего изложения примем статью Роджера Итвела [1] профессора европейской политики (отделение европейских исследований и современных языков Батского университета), первоначально подготовленную как краткий доклад для European Union-INTAS (Международной ассоциации поддержки сотрудничества с учеными новых независимых государств бывшего Советского Союза) в целях обеспечения пионерных эмпирических исследований природы и потенциала харизматического лидерства в России, Украине и Беларуси в период 2000-2002 гг.

Он пишет, что в Западной Европе наблюдается появление самых разнообразных политиков, оцениваемых как харизматических, включая премьер-министров Тони Блэра (Англия) и Сильвио Берлускони (Италия), а также таких антиэстеблишментных политиков, как Йорг Хайдер (Австрия) и Жан-Мари Ле Пен (Франция). Посткоммунистическую Восточную Европу тоже не обошел этот феномен. В Беларуси из тьмы неизвестности за какие-то месяцы в середине 90-х гг. XX в. вырос до президента Александр Лукашенко, подтвердивший свою популярность пере выборами в 2001 г. В России Владимир Жириновский, хотя и потерпел неудачу в завоевании высших государственных должностей, тем не менее, показал яркий пример электорального взлета в середине девяностых и последующего падения — турбулентной траектории, столь характерной

для политического харизматика. В других государствах высветились иные фигуры посткоммунистических харизматиков — в Польше Лех Валенса, в Югославии Слободан Милошевич и сравнительно недавно на Украине Виктор Ющенко.

В этой связи можно выделить две главные проблемы. Во-первых, что означает «харизматический лидер»? Может быть, это просто синоним популярности политика? Какой набор личностных характеристик делает лидера харизматическим? Ведь термин обычно ассоциируется с теми, кто на политической сцене выглядит или внешне представительным, как Хайдер, или убедительным говоруну, как Жириновский.

Во-вторых, почему харизматический лидер привлекает массы? Важен ли здесь определенный набор обстоятельств, благоприятствующих возникновению подобного лидерства? В Восточной Европе современные образцы политических харизматиков часто объясняются в терминах условий быстрого социального изменения и смещения, усиливающих историко-культурную предрасположенность к сильной власти. Но как же тогда быть с Западной Европой и США, где подобных драматических условий явно не наблюдается, и ко всему прочему в некоторых западных государствах отсутствует традиция уважения к великим политикам?

Как пишет Итвел, его цель в данном случае ограничена поиском типологии различных видов «персоналистских» лидеров, позволяющей различать харизматическое и «иконное» лидерство. Называемые харизматическими лидеры обладают настолько различными характеристиками, что кажется трудным, если не невозможным, выделить искомое основание. Лидер подобного типа обладает чувством миссии радикального политического изменения и/или особого предназначения спасти нацию. Поиск путей изменения может опираться на новую политику, но он также может означать слом статус кво и требование возрождения золотого века или некоторой идеализации прошлого. Типичным для лидера выступает значительная личная представительность.

Для его сторонников характерны в высшей степени преклонение перед ним и признание его особой миссии. Классическими историческими примерами можно назвать фигуры Ганди, Гитлера, Мао Дзедуна (времен Великой культурной революции в Китае). Менее чистые образцы представлены Лукашенко и Жириновским.

Полезное уточнение понятия вносит различие между «харизмой кутерье» и «харизмой масс». Последняя относится к способности лидера апеллировать к массам, первое же соотносится с его способностью вызывать преданность среди внутреннего ядра сторонников. Одни обладают ярко выраженной харизмой кутерье и не обязательно отличаются массовой харизмой. Ленин широко почитался среди большевистского ядра, однако спорным остаются вопросы: был ли он сильным оратором и было ли широким признание его человеком особого предназначения в России в начале 20-х гг. XX в. Первоначальное значение харизмы связано с притягательностью для масс. Тем не менее, связь с внутренним ядром сторонников может быть важным различным образом — управление партией из глухого уголка и обеспечение согласия с политикой лидера при помощи партийных коллег.

После того, как Ленин возглавил Октябрьскую революцию, его выигрыш состоял в том, что он приобрел ореол главы государства, вступившего на путь радикального социального изменения. Гитлер также извлек выгоду, став вначале канцлером, затем фюрером Германии. Этот феномен обозначается многими исследователями как «институциональная харизма», указывающая на еще одно важное концептуальное измерение. Тем не менее, не всякое занятие высшего поста дарит харизму. Президентство дало Эйзенхауэру власть, притягательность и уважение, но оно не сделало его харизматическим лидером. Важно помнить основное значение харизмы — мощная поддержка личности, которую воспринимают как руководствующуюся чувством особой миссии или предназначения. По аналогии, институт или

партия, воплощающие подобное чувство, могут быть названы харизматическими.

Некоторые авторы считают ценным дополнением к концептуальному инструментарию термин «квазихаризматический» [2]. Иногда возникает потребность в различении таких лидеров, как Ганди, которая вызывала массовое преклонение, и Тэтчер, которая, хотя и руководствовалась ясной идеологической целью, не вызывала широкого почитания. В других случаях задача состоит в том, чтобы выделить лидеров, которые, будучи лично самоуверенными, не стремятся к радикальным изменениям. Однако поскольку понятие харизмы относится к идеальным типам, то нет необходимости добавлять предикат «квази» для таких политиков, как Тэтчер. Лидеры могут быть расположены в различных точках харизматического континуума в зависимости от личных характеристик и связи со сторонниками (так, харизматическая личность может не возбудить особую харизматическую связь и наоборот). В отношении нерадикальных или мессианских лидеров применение эпитета «квази» излишне: харизма не является синонимом убежденности или представительности.

Утверждается также, что термин «псевдохаризма» уместен в аналитическом плане. Он помогает обозначить способ, при котором современная маркетинговая техника используется политиками в целях создания своего образа, даже для придания им чувства миссии, которого им не хватало. К примеру, Джон Кеннеди в период президентской кампании в 1960 г. занял позицию по гражданским правам, которая соответствовала больше советам специалистов по общественному мнению, исходящих из возможных приобретений и потерь голосов, нежели убеждению. Сравнительно недавно политики, подобные Тони Блэру, стали окружать себя «спин-докторами» (специалистами по раскрутке). Если анализ сосредотачивать целиком на лидере, то тогда термин «псевдохаризма» может пригодиться в различении действительно убежденных от искусственно созданных лидеров (надо учесть, что даже действительно

убежденные могут применять маркетинговую технику: например, Гитлер, который задолго до прихода к власти отрабатывал ораторскую жестикуляцию перед зеркалом и собственным фотографом).

«Иконный» лидер. Во многих случаях термины «институциональная», «квази», «псевдо» харизма используются применительно к людям, которых нельзя отнести к харизматической категории [4]. Эти деятели имеют личных политических последователей и высокий публичный резонанс, однако они иконны, а не харизматичны.

Иконный лидер обладает специальными качествами, необходимыми для лидерства, но при этом не стремится ни к радикальным изменениям, ни к мессианскому положению. Он не воспринимается сторонниками как человек, призванный к осуществлению великой миссии, его поддержка не является мощной, хотя она может быть и широкой. Не лишен представительности, но его образ — это образ технократа, отца и т.п. Такой лидер становится ключевым символом правительства и/или партии. Исторический пример — Эйзенхауэр, более свежие — Гельмут Коль в Германии, Клаус в Чешской Республике, Леонид Кучма в Украине, Франсуа Миттеран во Франции и Владимир Путин в России.

В современном мире подобный тип лидера более привычен, чем подлинно харизматический, поскольку последний предполагает личность с исключительными качествами и специфические условия, благоприятствующие восхождению такого лидера.

В более ранних исследованиях данной тематики много внимания уделялось тому, что может быть названо харизматичностью личности — ее особые черты, ассоциирующиеся с этим типом лидера (иногда они связывались с психологическим объяснением оснований лидерства) [3]. Сегодня фокус все более смещается к выяснению природы и причин харизматической связи, а именно особенностей личных оснований поддержки, ее силы. Работы, посвященные подъему харизматических лидеров, обычно не направлены на систематизацию и про-

яснение теоретических положений. Как бы то ни было, можно выделить три преобладающие в соответствующей академической литературе темы: кризис, легитимация и содействие (по терминологии автора).

Социальный кризис. Большинство исследователей харизмы, опирающихся на Вебера, рассматривают некоторые формы кризиса как необходимую начальную точку анализа. Если харизма главным образом представляется как аффективное по характеру признание лидерства, а не рациональное, то и трактовка кризиса склоняется к тому, чтобы видеть в нем скорее угрозу идентичности, нежели экономическим интересам. Во времена ускоренных изменений люди в большей степени предрасположены к состоянию аномии, утрате ценностей и чувства социальной принадлежности. Они, испытывая вакуум идентичности, оказываются открытыми для влечения к лидерам, предлагающим радикальные идеологические альтернативы. Сложные события могут также настроить людей к поиску утешения в вере в сильного лидера, способного контролировать мощные силы и гарантировать спасение.

С. Фридландер, вслед за Е. Ериксоном, предложил редкий образец попытки систематизировать поражения, вызванные кризисом. На психологическом уровне выделяются три главных формы кризисных проявлений: 1) ужас перед лицом серьезной опасности, физически угрожающей обществу; 2) страх, спровоцированный дезинтеграцией групповой идентичности; 3) экзистенциальная боль, которую испытывают люди, утратившие смысл привычных жизненных ритуалов. По версии других авторов, в подобные периоды социальные миры людей изменяются столь драматично, что они оказываются изолированными от семьи, друзей, знакомых. Личность, подавленная изменением, настолько обессилена, что может просто отказаться от голосования. Харизматический лидер помогает людям обрести ощущение того, что политика не бессмысленна, что он может изменить ситуацию, оставаясь ответственным за нужды сторонников.

Упор на драматическом кризисе и ускоренных изменениях, безусловно, соответствует положению Веймарской Германии (1919-1933) или России в период перед революциями 1917 г. Но действительно ли требуется кризис для появления харизматических лидеров? Какой кризис породил харизму Ганди? Россия, несомненно, переживала огромные изменения в начале 90-х гг., но была ли она в состоянии кризиса, когда Жириновский сделал свой электоральный рывок? Была ли Беларусь в «кризисе» во времена первой президентской победы Лукашенко? Находились ли те, кто пошел за Жириновским и Лукашенко, в указанных трех формах психологического шока?

Культурная легитимация. Вторым общим утверждением выступает то, что харизматический лидер нуждается в определенной форме культурной легитимации. Это положение применяется к Германии в период до 1945 г. и даже сегодняшнему постсоветскому пространству. Считается типичным для германской традиции сильное лидерство, образцы которого преподнесли император Фридрих или Бисмарк. Россия тоже имеет традицию сильной власти, восходящую к царским временам, например, к Петру I.

Некоторые отдельные черты национальных традиций также могут помочь становлению харизматического лидерства. Нет сомнения в том, что Лукашенко был способен добиться популярности, невзирая на свои малые достижения, и это потому, что народ верил, что ему недостает хорошей команды. Это чувство напоминает старую веру в «хорошего царя», который окружен придворными дураками и интриганами. Умберто Босси, лидер Итальянской северной лиги, являет собой другой интересный случай. Босси худой, неуклюж и обычно плохо одет. И этот образ может привлекать не просто в качестве реакции на мужланское позирование Муссолини. Он соответствует представлениям, свойственным католической культуре, об изможденном, истерзанном теле, распятом на кресте.

Тем не менее, харизма может появиться в обществах, не имеющих традиции

сильного лидерства. Черчилль в Англии в конце 30-х гг. XX в. считался исчерпавшим себя игроком, признававшимся только в узком кругу. Но в конце 40-х он воспринимался уже как великий военный лидер, олицетворение британского сопротивления нацизму. Здесь главным фактором, возможно, выступает кризис, а не культура.

Политическое содействие (Political Facilitation). Черчиллю помогло то обстоятельство, что в военное время политика стремится подняться над партиями [5]. Оставаясь формально консерватором, он во многих отношениях был аутсайдером, способным заслужить признание помимо партии (с учетом того, что консервативная партия особенно пострадала из-за политики умиротворения Германии). Вообще харизматические лидеры, похоже, появляются, скорее, тогда, когда партии слабы или не пользуются уважением. Партии стремятся побудить людей голосовать на основе программных целей или противопоставлений, менее на основе личности кандидата. Несмотря на то, что некоторые харизматики были лидерами партий (Ленин, Гитлер), они добились своего статуса либо в однопартийной, либо партийно неразвитых системах.

В условиях демократии харизма, скорее, возникнет в рамках президентской, чем парламентской системы. Гитлер обрел значительную политическую известность в период президентских выборов 1932 г. Лукашенко занял видное положение также на президентских выборах. Выборы этого уровня выдвигают на первый план личность, качество ее политической представительности и т.п. Они также благоприятствуют популистской политике, за счет которой лидеры легко набирают очки, и демонизации всех оппонентов (в меньшей степени это характерно для парламентских систем, которые, возможно, больше ориентированы на создание коалиционных правительств). Однако здесь нет необходимой связи, поскольку Босси и Хайдер появились в государствах, более близких к парламентскому правлению, чем к президентскому.

Не все черты, указанные ниже, необ-

ходимо присущи лидеру, определяемому как харизматик. Только первая может считаться как необходимая стержневая черта. Другие же выступают общими в харизматическом дискурсе. Для лидера этого типа характерно следующее.

1. Особая миссия, состоящая в проведении радикального изменения и (или) спасении нации. Харизматики временами могут делать выбор между своими обещаниями и компромиссами (Ленин и новая экономическая политика), но они руководствуются определенной формой мессианского предназначения. Они спасители, а не ремонтники. Гитлер должен был предложить, как сделать парламентское правление более стабильным или обеспечить расширение общественных работ, чтобы помочь безработным. Он же обещал возрождение Германии — удобная метафора, способная вместить как радикальное изменение, так и реставрацию прошлого. Фактом остается одно: идея радикального изменения не должна выдвигаться в ясном, законченном виде. В противном случае появляется опасность излишних политических деталей (есть риск поспорить с практичностью, запутаться в вычислениях проигравших и победителей и т.д.). Харизматическое предвидение нового будущего выше этого, оно должно вызывать широкий резонанс. Попытки М. Горбачева реформировать СССР (гласность и перестройка) и создать широкое общеевропейское взаимопонимание выступают замечательным восточно-европейским примером подобного обобщенного предвидения. То же можно сказать и о призывах Жириновского к возрождению великой России.

2. Личная представительность. В ранних работах, посвященных харизме, обычно выделялись ораторские способности лидера. В более поздних — способности создать верный образ на телевидении. Оно заземлено на визуализации, хотя и не связано напрямую с физической привлекательностью личности. Вряд ли Путин привлек к своей фигуре голоса простыми смотринами, но его телевизионный образ спортсмена, возможно, сделал его более притяга-

тельным не только в глазах женщин.

3. *Нарративы о жертвенности и борьбе.* Харизматики обычно рассказывают истории, в которых они вынуждены были преодолевать трудности и (или) приносить большие жертвы. Здесь открывается возможность для мужчин (таких, как Босси) конструировать притягательный дискурс. Жириновский показал блестящий образец в этом деле, поведав публике о своем безрадостном детстве с постоянными лишениями и унижением. Нескрываемое использование православных тем рассчитано на усиление чувства мессианизма и жертвенности.

4. *Цели подключения или цели идентичности.* Г. Гарднер относительно лидерства считает, что «лидеры и аудитория пересекаются во многих историях, но основная история имеет дело с вопросами идентичности. Тот лидер, который преуспел в выражении новой версии истории данной группы, оказывается наиболее действенным... Большинство лидеров в этом исследовании выдвигали истории, которые имели подключающий эффект, побуждали индивидов думать о себе как о части более широкого сообщества». Более того, для лидера типичны своего рода обрамления истории, которую он пытался рассказать. Гитлер добивался создания великой Германии, будучи сам австрийцем по происхождению. Жириновский вырос в бедности на окраинах общества в Казахстане.

5. *Категории «друг-враг» (манихейство).* Хотя харизматические лидеры обычно стремятся к созданию (воссозданию)

чувства общности, важной частью их вооружения выступает выискивание врагов. В одних случаях это внутренние враги, не являющиеся элементом подлинного общества. Такова гитлеровская демонизация евреев. В других – внешние враги. Для Жириновского врагом иногда бывали евреи, хотя более заметной фигурой в его демонологии выступали США.

6. *Активизм сторонников.* Харизматики также склонны ожидать большего от своих сторонников, нежели иконные лидеры. Необязательно, чтобы этому помогали институты, подобные коммунистической или нацистской партии. Харизматические лидеры ожидают, что их сторонники возьмут судьбу в свои руки. Жириновский, к примеру, использует всяческое подчеркивание роли молодежи в осуществлении предначертаний России. Открыто или скрытно лидеры данного типа поощряют прозелитизм при помощи истинно верующих.

Завершая краткий обзор феномена харизмы, следует отметить, что в современных общественных науках разработано и продолжает разрабатываться множество концепций харизматического лидерства. Представленные объяснительные модели строятся на разных аксиоматических основаниях и, соответственно, каждая из них имеет свои теоретические и методологические ограничения и недостатки. Тем не менее, все эти теории харизмы вносят свой вклад в разработку многоуровневой проблематики харизмы, намечают перспективные направления дальнейшего исследования феномена.

Литература

1. Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 9-18.
  2. Ландром Д. Фред Смит – харизматический [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestlibrary.ru> On-line библиотека.
  3. Одайник В. Психология политики. – М., 1996. – С. 35-43.
  4. Вебер М. Типы господства. 4. Харизматическое господство. – Воспроизведено: Социс. – № 5. – 1988.
  5. Нестеренко М. Харизма проявляется не в кабинете, а на площади // Власть и политика, 17.10.2003 г.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova, Doctor of Sociological Sciences, professor, Zabaikalsky State University (ZabGU)

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: phylosophy of loneliness, gender research, buisness communications

---

Содержание

Экономические науки

Загорский С.А. Оценка кредитоспособности заемщика: методические подходы S. Zagorsky Methodological Approaches to the Evaluation of Borrower's Creditworthiness.....	3
Малышев Е.А., Забелина И.А., Подойницын Р.Г. Прогноз развития энергосистемы Забайкальского края в связи с реализацией инвестиционных проектов E. Malyshev, I. Zabelina, R. Podoinitsyn Forecast of Energy in Trans-Baikal Region in Connection With the Investment Projects' Implementation	9

Философские науки

Ишкова А.Е. Философско-антропологическое прочтение концепта как базового элемента сознания A. Ishkova Philosophical Anthropological Meaning of Concept as a Basic Element of Consciousness	16
Резник Ю.М. В поисках метафизического образа человека Y. Reznik In Search of Metaphysical Images of Man.....	21
Янь Шуфан Ценности регионального культурного наследия Китая как компонент содержания культурных индустрий Yan Shufang Chinese Regional Cultural Heritage's Values as a Component of Cultural Industries' Content	31

Филологические науки

Иванова А.М. Падежная система чувашского языка в сравнительно-историческом освещении: дательный падеж A. Ivanova The Case System of the Chuvash Language in Comparative and Historical Aspect: the Dative Case.....	37
Казакова Е.Ю. Метаязык описания категории «молчание» E. Kazakova Metalanguage of the Description of the Category «Silence»	43
Матвеев И.А. Поэтика перевода социально-криминального романа У. Годвина «Калеб Вильямс» на русский язык I. Matveenko The Poetics of Translation Into Russian of Social Crime Novel «Caleb Williams» by William Godwin's.....	49
Ушникова О.В. Роль ценностей в поликультурном мире O. Ushnikova Values Role in the Polycultural World.....	55

Педагогические науки

Калина Н.Д. Технология формирования конструктивно-графической компетентности будущего дизайнера N. Kalina Technology of Formation of the Future Designer's Constructive-Graphic Competence	60
---	----

Политология

Джук А.В. Организация обеспечения экологической безопасности Российской Федерации как одно из направлений государственной политики	
---	--

Andrey Dzhuk
Organization Provision of the Russian Federation Ecological Safety As one of the State Politicians' Directions..... 66

Ханин Д.И.
Теория и практика формирования региональных элит
D. Khanin
Theory and practice of regional elite formation 71

Культурология

Камедина Л.В.
Смысловая репрезентация в культурно-поэтическом мире Михаила Вишнякова
L. Kamedina
Semantic Representation in Cultural-Poetic World of Michael Vishnyakov 78

Кречетова О.В.
Культурный семиозис как результат аутопойеза
O. Krechetova
Cultural Semiosis as a Result of Autopoiesis 84

Науки о Земле

Лизункин В.М., Матвеев А.Е.
Технология отработки крутопадающих сближенных урановых жил малой мощности
V. Lizunkin, A. Matveev
Technology of Narrow Rake Veins of Uranium Superimposed Seams Extracting 91

Масалова Е.В.
Методика определения региональных предельно допустимых уровней загрязняющих веществ на примере рек Забайкальского края
E. Masalova
Method for Determining Regional Maximum Permissible Levels of Pollutants on the Example of Trans – Baikal Region's Rivers 95

Павленко Ю.В.
Объемная геолого-геофизическая модель Юго-Восточного Забайкалья:
закономерности размещения эндогенного оруденения (Часть I)
Y. Pavlenko
The Volume of Geological and Geophysical Model for South Eastern Zabaikalie:
Patterns of Endogenous Mineralization Distribution (Part I) 102

Романова А.А., Игнатьев Г.В.
Радон в системе централизованного водоснабжения
A. Romanova, G. Ignatiev
Radon in the Centralized Water System Supply 119

Медицина

Дычко Е.А., Дычко В.В., Флегонтова В.В., Пикинер Д.С.
Психофизический и психомоторный статус детей с нарушениями зрения
E. Dychko, V. Dychko, V. Flegontova, D. Pikiner
Psychophysical and Psychomotor Status of Children With Visual Disorder 123

Социология

Романова Н.П.
Концепция харизматического лидерства
N. Romanova
The Concept of Charismatic Leadership 130

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 9 (76)

2011

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.09.2011

Сдано в производство 27.09.2011

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 132

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
